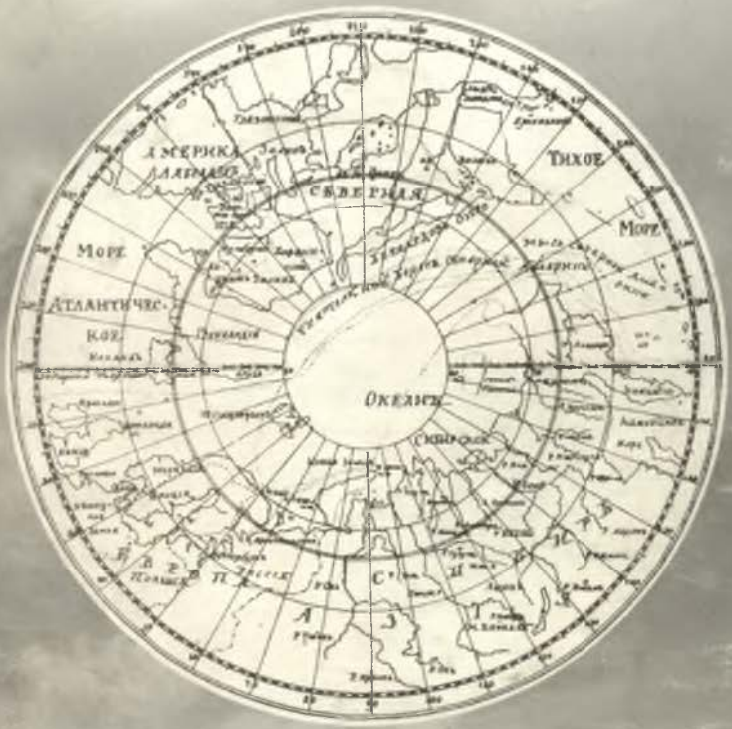
П. В. Федоров



ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ В ПОИСКАХ ДРУГОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

(на материалах Кольского полуострова)

МУРМАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Научный отдел
ЛОМОНОСОВСКИЙ ФОНД
Мурманское отделение

П. В. ФЕДОРОВ

Историческое регионоведение в поисках другой истории России

(НА МАТЕРИАЛАХ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА)

Мурманск
2004

Павел Викторович Федоров родился в 1976 году в Мурманске. Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, начальник научного отдела Мурманского государственного педагогического университета. Автор около 60 научных публикаций по истории Русского Севера, в том числе монографий «Спорные вопросы в истории Мурмана», «Власть и самоуправление: Архангельская губерния в период революции», книг очерков «История Трифоно-Печенгского монастыря», «Мурманская область в послевоенном СССР», «Вторые Дарданеллы», цикла работ о мурманском некрополе.

П. В. Федоров

Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). — Мурманск, 2004. — 241 с.

В книге на материалах Кольского полуострова раскрываются проблемы методологии и технологии исторического регионоведения, анализируются возможности превращения этого направления в самостоятельную научную дисциплину, необходимую для понимания исторического прошлого России. Книга адресована историкам, краеведам,

ISBN 5-900311-42-3

© П. В. Федоров, 2004 г.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Вот уже более сорока лет я профессионально занимаюсь изучением региональной истории — прошлым и настоящим Европейского Севера России.

Автор представляемой книги кандидат исторических наук Павел Викторович Федоров — мой ученик. Он приобщился к краеведению в школьные годы и с той поры (а Павлу сейчас 28 лет) изучает историю Кольского Севера. Еще в студенческие годы им написан ряд брошюр и статей, обогативших нашу местную историю.

Его новая книга является для меня своего рода показателем того, насколько профессионально вырос он за последние (с момента защиты кандидатской диссертации) годы, как прошел процесс его обучения на кафедре отечественной истории в Мурманском государственном педагогическом университете под нашим с профессором И. Ф. Ушаковым научным руководством.

Так получилось, что еще будучи студентом четвертого курса П. В. Федоров, как говорится, был брошен в омут: кафедра, в расчете на его будущее трудоустройство здесь, поручила ему разработать спецкурс по источниковедению и историографии Кольского Севера. Дисциплины сложнейшие, рассчитанные на уже опытного исследователя. Я тогда в качестве заведующего кафедрой истории понимал, что студент мог «утонуть» в материале, не справиться и забросить науку. Но к моей радости, в один из майских дней 1998 года Павел принес свою дипломную работу, которая, как он полагал, должна была лечь в основу спецкурса. Работа получилась неплохая, и мы ее сразу издали под названием «Спорные вопросы в истории Мурмана: концепции, суждения, гипотезы». Будущий преподаватель, таким образом, приобрел материал для чтения своего спецкурса, а студенты — учебное пособие к нему.

Во время учебы в аспирантуре Павла Федорова увлекла история Русского Севера в период Гражданской войны, которая потребовала длительных командировок в Архангельск.

Работа над диссертацией не пропала даром. П. В. Федоров вернулся к истории Мурмана профессиональным историком-регионоведом. И это сразу почувствовалось после выхода в 2003 году его новой книги «Вторые Дарданеллы». Предложенная им постановка старых, хорошо известных

краеведческих проблем показывает зародившееся у П. В. Федорова стремление к соединению местной истории с историей отечественной и всеобщей.

Новая книга Павла Федорова, которую читатель держит сейчас в руках, еще четче и более аргументировано демонстрирует роль провинции в «поиске другой истории России».

Правда, наше поколение историков всегда считало краеведение прикладной, второстепенной сферой познания. Мы понимали, что есть «большая» наука, которая создается в Москве и Ленинграде, а здесь, в регионах, наша задача заключается в конкретизации российской истории, выявлении тех или иных особенностей «единого» исторического процесса.

Но все чаще в последнее время мы слышим о постигшей столичные научные школы стагнации: многие мэтры, к сожалению, ушли уже в мир иной, а столичная молодежь все еще ищет себя в науке. Помочь столице несомненно должна провинция, где накоплен большой исследовательский материал, где есть «свежая кровь», новые идеи и мысли.

О путях повышения статуса историко-регионоведческого знания и активизации провинциальных исследований пишет в своей новой книге П. В. Федоров. Он считает, что на базе старого краеведения должна вырасти новая научная дисциплина — историческое регионоведение, которое в силу территориальной обширности России войдет в число основных исторических наук и объединит все разрозненные краеведческие усилия на основе лучших научных методик. И, по-моему, в этом есть рациональное зерно. Ведь не случайно в университетский стандарт по истории введена дисциплина «История регионов и народов России».

Кроме того, новая книга П. В. Федорова решает и более узкую задачу по стимулированию развития исторических исследований в Мурманской области. В ней представлены обстоятельные обзоры местной истории, ее источников и историографии, охарактеризована работа учреждений исторического регионоведения (архивов, музеев и библиотек), в приложениях даны обширный список опубликованных источников и указатель исследователей истории Кольского Севера.

Необходимо заметить, что подобные издания выходят и в других регионах России. Так, например, в 1999 году была издана книга нашего коллеги из Поморского государственно-

го университета профессора А. А. Куратова — «История и историки Архангельского Севера».

Эти книги призваны помочь и студентам, пробующим себя в науке, и аспирантам, работающим над диссертациями.

А. А. Киселев,
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

30 августа 2004 года

УВИДЕТЬ ОЧЕРТАНИЯ ДРУГОЙ ИСТОРИИ РОССИИ... (ОТ АВТОРА)

В такой большой стране, как Россия, территория которой раскинулась на тысячи километров с запада на восток и с севера на юг, где проживают многочисленные народы, жизнь провинции заметно отличается от жизни столицы, наполняясь особым значением и смыслом. При всей важности столицы и находящейся в ней высшей государственной власти, по естественным параметрам она — всего лишь точка, окруженная необъятными пространствами, которые занимает провинция. Не случайно видный русский историк А. П. Щапов утверждал, что русская история «в самой своей основе есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа». Поэтому еще в XVIII веке проступившее из глубины провинциальных культурных сил стремление к изучению российской глубинки развилось во вполне полноценное движение — краеведение.

Казалось бы, это должно было кардинально отразиться на отечественной историографии. Однако еще со времен В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина она выбрала для себя другую траекторию движения. Родившись в столице, отечественная историография всегда судила о России в основном по территории столичного города, а порой и того меньше — по резиденциям правящей элиты. Экскурс за пределы столицы все же совершался, но не учитывал всего разнообразия региональных процессов. Отсюда традиционная проблематика истории России построена таким образом, что провинция, будучи в ней прикладным, вторичным элементом, способна подчеркнуть лишь своеобразие в целом «единого хода» российской истории. Так, в капитальном трехтомном труде академика И. И. Минца «Итория Великого Октября» «столицецентризм» заметен невооруженным глазом: из двух с половиной тысяч страниц текста провинции посвящено меньше четверти (около 20%).

Отчасти это понятно: историк, находясь в столице, физически не может охватить тысячи городов и сел такой большой страны, как Россия,[1] изученной даже местными силами крайне неравномерно. Отсюда синтезируется лишь незначительная часть регионального материала. Но даже оказав-

[1] Возможно, это проблема не стоит так остро, например, в Швейцарии, территория которой меньше Мурманской области.

шись в поле зрения исследователя, этот материал чаще всего смешивается в однообразное поле «единого» исторического процесса, которое скрывает в себе такие чудовищные расхождения, что порой граничит с фальсификацией.[2] Длительное время такое положение казалось нормальным.

Вместе с тем сегодняшние заявления видных исследователей о том, что «историография находится в глубоком кризисе»[3] (В. П. Данилов), что «работа по синтезированию знаний и выявлению глубинных течений, определяющих историю, еще не сделана»[4] (В. П. Дмитренко), наводят на мысль о том, что старый методологический ресурс уже практически выработан. Можно еще бесконечное число раз уточнять и корректировать историю «столицы», но едва ли следует ожидать здесь кардинального научного прорыва. Во многом этим же вызвана и широко обсуждаемая ныне в России проблема качества школьных учебников истории.

Положение исторической науки может спасти, по-видимому, только провинция.

Несмотря на сформировавшееся в научной среде весьма скептическое отношение к возможностям краеведения, ряд видных российских ученых еще в XX веке предвидели его будущность и необходимость. В их числе — академики Д. Н. Анучин, С. Ф. Ольденбург, Д. С. Лихачев, С. О. Шмидт.

Параллельно с этим на Западе стали появляться новые методологические направления исторической науки, позволяющие выйти за рамки привычной истории «царей и героев», — историческая антропология, «школа Анналов», микроистория. Отличаясь в подходах изучения, все они повышают статус провинциального исторического материала, делая его уже условием развития методологии. Не случайно состоявшийся в 2000 г. в Осло XIX Всемирный конгресс исторических наук посвятил специальную сессию теме «Регионы и регионализация».

Да и сам ход современной российской истории, принесшей федерализм и новую волну регионализации, указывает

---

[2] Например, в советской историографии проблемы феодализма существовала тенденция к показу распространения крепостного права на всей территории страны, включая и северные окраины, несмотря на то, что здесь никогда не было помещиков.

[3] Музейное дело. Вып. 22. — М., 1995. — С. 6—7.

[4] Там же. — С. 7—10.

на неизбежное повышение значения краеведческого знания. Превращение последнего в обязательный компонент среднего образования, введение в университетский стандарт по исторической специальности учебного предмета «История регионов и народов России», издание региональных энциклопедий, выход добротных научных трудов, освещающих жизнь российской провинции, — все это способствует перерастанию краеведения в научную дисциплину — **историческое регионоведение.** Эта дисциплина должна преодолеть недостатки старого краеведения — его фактически врожденный делитантизм и разрозненность. И процесс этот уже начался — не случайно в ряде вузов уже созданы кафедры исторического регионоведения.

Однако новая научная дисциплина станет частью фундаментальной науки только в том случае, если сумеет выработать методологию изучения российских регионов, комплексно рассмотрит региональные историографию и источниковедение, наметит и будет реализовывать единые программы изучения российской провинции (мы позволили изложить некоторые свои мысли на этот счет в первом разделе этой книги).

Было бы удобно и правильно, если организующие функции в этой деятельности возьмут на себя обладающие наибошим опытом и необходимым потенциалом столичные научные школы. Но очевидно, что заработать такой маховик сможет только в случае поддержки его провинцией.

Еще в советский период региональные исторические сообщества стали перерастать краеведение, делая принципиальные для науки открытия. Но чаще всего они не востребовались столичными научными центрами, весьма редко учитывались при проведении глобальных обобщений.

Столичным ученым, видимо, кажется, что регионы не располагают достаточной базой для серьезных работ. Думается, что это не так. В первом разделе настоящей книги мы поместили описание такой базы на Кольском полуострове (Мурманская область) — территории, которую многие не бывавшие здесь люди считают «медвежьим углом» (где якобы по улицам ходят белые медведи). Мурманская область — сравнительно молодой край, но даже он сегодня может представить собственную систему исторического регионоведения. Что уже говорить о более освоенных в культурном отношении областях!

Сегодня, пожалуй, не имеет смысла вкладывать средства и силы в создание новых обобщающих трудов по истории России. Для этого не настало время и не подготовлена достаточная эмпирическая база. История регионов — вот что должно стать приоритетным направлением работы историков, в том числе представляющих академическую науку.

Историческое регионоведение, сместив акцент изучения истории России из столицы в провинцию, сумеет не только скорректировать или углубить старые знания о столице, но и — вне всякого сомнения — принципиально обновить проблематику исследований, расширить само историческое пространство, показав глубинность его разноуровневой структуры. И тогда, быть может, мы увидим очертания совсем другой истории России.

Не хотим это ставить в укор, но «столица» плохо знает «провинцию». Плохо знает ее историю. Даже не предполагает, какие богатства она в себе таит. Во втором разделе книги мы публикуем краткий очерк истории Кольского полуострова, в котором он предстает таким необычным по сравнению с обыденными представлениями о нем.

Такое положение, опять же, объясняется тем, что из двух равноправных доминант исторического процесса — времени и пространства — отечественная историография традиционно и подчас неоправданно отдает приоритет первой. Исправить существующий дисбаланс способно историческое регионоведение, закономерно отдающее должное пространству. На первый взгляд, это способно привести к распаду, рассыпанию «единого» хода истории, но лишь для того, чтобы восстановить это единство на более высоком качественном уровне.

Историческое регионоведение, таким образом, — не просто прикладная дисциплина. Это новый подход, новый метод, новый инструментарий исторической науки и гуманитаристики в целом.

Поэтому — лицом к провинции!

РАЗДЕЛ 1.
ТЕХНОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ГЛАВА 1.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Предмет изучения исторического регионоведения

Главной проблемой в методологии исторического регионоведения является дефиниция «регион».

Имея латинскую этимологию, слово «регион» означает область, район, компактно расположенную часть географического пространства, обособленную определенными свойствами. Существует множество определений региона. Ю. И. Светов, например, констатирует, что «регион — это территория, отличающаяся характерным направлением развития экономико-географических, социально-демографических, национально-культурных и политических структур, совпадающих или несовпадающих с административным делением государства». Это определение поправляет С. А. Гомаюнов, полагающий, что регион — «это в первую очередь не территория, а совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность».

Впрочем, оба эти определения роднит представление о регионе как о части единого государства. Однако существует и более глобальная трактовка: транснациональные регионы, например, объединяют целые группы близрасположенных стран (так называемые «регионы мира»).

Существуют и другие определения региона, которые, хотя и различаются по критериям, объединены мыслью о существовании региональной идентичности, отличающей регион от соседей.

Поэтому удобнее всего рассмотреть всю эту совокупность определений по классификации региональной идентичности.

Прежде всего, это **природно-географическая идентичность.** Она подразумевает собой однообразие природы на определенном участке земной поверхности, влияющее на ход исторического процесса здесь. В пространственном отношения эта территория земли может называться исходя из сторон света («Север России», «Юг России»), либо специальными топонимами («Сибирь», «Черноземье», «Заполярье», «Арктика» и др.).

С природно-географической идентичностью весьма близко связана **геополитическая идентичность**. С появлением больших государств, или держав, их политическая деятельность простирается далеко за собственные пределы, пересекая территории чужих стран и даже океаны. Отдельные участки земной поверхности, находящиеся в сфере стратегических интересов нескольких держав вследствие своего удобного географического расположения, наличия стратегического сырья, атомного оружия, представляют собой геополитические регионы. Достаточно стабильно существующем на протяжении длительного времени геополитическим регионом является, например, район средиземноморских проливов Босфор, Дарданеллы и Гибралтар, предоставляющий единственный удобный выход в Европу с восточной части евроазиатского материка. В годы Первой мировой войны в связи с блокированием этого района, появляется новый геополитический регион — район Мурманской железной дороги, подводящей к Северному океану. Поскольку северный выход заменил России средиземноморские проливы и через него с Запада стали поступать союзнические грузы, газеты окрестили его «Вторыми Дарданеллами».

Следующий вид — **идентичность на основе международного сотрудничества.** Такие регионы обычно возникают в приграничных областях и строятся по транснациональному принципу. Например, Баренцев Евроарктический регион, объединяющий северные провинции Финляндии, Швеции, Норвегии и России.

Другим критерием идентичности может быть **единство управления.** С этим связано появление региона как административно-территориальной единицы внутри государства (губерния, область, край, автономная республика и т. д.). Обычно не принято относить к числу регионов отдельные независимые государства, а также мелкие административные единицы (волость, уезд, район). Исключение составляют периоды распада государства (удельное время, Гражданские войны), когда регионы, хотя и питаются ментальностью былого единства, приобретают элементы государственности.

Еще одним видом является **национальная идентичность.** Это регионы компактного проживания нацменьшинств в стране, где преобладает иной этнос. Некоторые из них могут включать территорию, пересеченную государственными гра-

ницами. Например. Лапландия, где живут саамы (лопари, лопь), разделена между четырьмя государствами (Норвегией, Швецией, Финляндией и Россией).

Социально-культурная индентичность подразумевает выработку преобладающим этносом уникальных местных культурных новообразований (диалект, фольклор, система ценностей, быт, менталитет и т. д.). Например, в России социально-культурными регионами являются беломорское Поморье, места проживания казаков и т. д.

Еще одна идентичность основана на **однородности хозяйственной деятельности.** Например, регион промышленного рыболовства и морского судоходства на Севере России. В современных условиях эту идентичность, впрочем, не принимают столь упрощенно. Она восходит к понятию «экономического региона» как местной системы хозяйствования.

Примечательно, что все эти идентичности могут подходить примерно одной и той же территории, превращая ее в **стабильный регион.** К ним относится, например, Мурманская область. Территория области занимает органическую часть суши — Кольский полуостров и примыкающую к ним материковую часть, почти всецело находящиеся за Полярным кругом, со специфическими условиями жизни. Это единственное место в России, где довольно компактно проживает малая народность — саамы. Экономика и социальный состав региона заметно отличается от соседних областей — прежде всего, своей урбанизированностью и весьма незначительной долей сельского хозяйства. С 1918 года здесь начался процесс политической регионализации — Мурманск потребовал себе самостоятельности, вплоть до разрыва с центральным правительством.

Вместе с тем целостность этого региона не абсолютна — ее нарушают бытующие связи с окружающими территориями. До революции территория Мурмана входила в состав Архангельской губернии. На территории края на Терском берегу проживают поморы — северная группа историко-культурного ареала, расположенного по берегам Белого моря. Территория области по многим природным и климатическим условиям жизни похожа на граничащие с нею Архангельскую область и Карелию. Близость территории Мурмана с этими регионами заметно сильнее, нежели, допустим, с южными об-

ластями. Все это позволяет рассматривать Мурманскую область в качестве компонента более крупного региона — Европейского Севера России, а его, в свою очередь, — частью транснационального региона (Северной Европы).

Таким образом, «матрешочный» принцип региональной организации требует в каждом конкретном случае установления строгих критериев региональной идентичности, которые только и позволяют их репрезентативное сравнение в мегапространстве.

Каждый регион имеет цикл жизни — от зарождения до гибели. Ее продолжительность может кардинально варьироваться от каких-то мгновений[5] до тысячи лет. Процесс складывания и усиления региональной идентичности называется **регионализацией**, а возникающее иногда идеологическое обеспечение такого процесса — **регионализмом.** В зависимости от идентита, регионализация бывает природно-географической (колонизационной), геополитической, международной, политической (децентрализация), национальной, культурной, экономической.

С точки зрения феноменальности явление регионализации крайне интересно, поскольку позволяет выделять на земной поверхности те или иные участки на основе той или иной идентичности зачастую поверх формальных границ (допустим, государственных или административных) и не обращая внимание на сложившиеся представления. Оно позволяет дробить целое на довольно самодостаточные части, видеть подсистемы. Все это дает шанс появлению оригинальных идей и выводов.

Но осознание этого пришло в науку не сразу. Долгое время в историософии господствовало представление о единстве исторического процесса, что исключало рассмотрение регионализации в качестве глобального явления. Ход истории, согласно этой схеме, представлялся вполне рациональным единым однонаправленным потоком. Правда, когда в центре исследований все же оказывались те или иные местные особенности, порой весьма значительно расходящиеся со схемой «единого процесса», единство рассыпалось на глазах. Рано или поздно должна была наступить коррозия классической

---

[5] Возникшая в 1905 г. на Черном море «Новороссийская республика» просуществовала 14 дней.

модели исторической науки. Толчком к ее пересмотру послужила вышедшая в 1918 г. книга О. Шпенглера «Закат Европы», получившая широкую известность. О. Шпенглер показал исторический процесс как дискретный, распадающийся на множество цивилизаций, каждая из которых является самостоятельным субъектом истории. Новую парадигму впоследствии развили появившиеся в Западной Европе (и пока еще мало затронувшие Россию) новые научные направления — школа «Анналов», историческая антропология, психоистория, микроистория. Все они еще сильнее, чем О. Шпенглер, сузили пространство локально-исторических процессов.

Современные тенденции историософской мысли ведут к соединению двух противоположных подходов, благодаря чему родилось представление о том, что исторический процесс един и не един одновременно за счет существования в нем разных уровней — макро- и микроистории. Вполне очевидно, что история больших государств, исторические процессы протекающие на целых материках и во всем мире составляют макроуровень, тогда как человек в его неповторимой индивидуальности — это микроуровень.

Регион же занимает промежуточное между этими уровнями положение, которое, по словам одного из основателей школы микроисториков З. Кракауэра, «является весьма размытым» и потому, возможно, малопривлекательным для исследователей.[6] Вместе с тем проблема взаимоотношений этих уровней рождает одну из интереснейших интриг современной методологии. Именно в регионе, по-видимому, происходит таинственное превращение большого в малое и наоборот.

Многие авторы, заостряя внимание на целостности регионов, забывают о том, что последняя имеет свои пределы: регион поглощается целым — страна, мир, ойкумена, биосфера (макрокосмос) и распадается на целое — человеческие индивидуумы и территориальные компоненты (микрокосмос). Но и эти полюсы не будут самодостаточными. Невозможно изучать микроцелое (допустим, сельскую общину) без знания

[6] Исключение составляют так называемые «регионы мира», включающие в свой состав целые группы стран. Они относятся к макроуровню. Хотя И. Т. Касавин и С. П. Щавелев удлиняют эту структуру за счет введения над макроуровнем мегауровня. На появившемся, таким образом, между ними промежутке можно разместить регионы мира.

среды, в которой она существует. Этой средой будет район, провинция. Точно так же и макрокосмос не раскроет нам всех своих тайн без изучения его компонентов.

Процессы регионализации неизбежно отображают в себе взаимоотношения макро- и микрокосмоса, появляясь в результате бесчисленных импульсов, идущих по нервным окончаниям внешней и внутренней сред. Регион входит в многочисленные системы, такие, как «регион-геополитическое пространство», «провинция — столица», «сельский мир — область», «человек — регион», «регион — субрегион», «регион — регион» и т. д.

История развития этих переходных синергетических состояний, как и делающие их возможными процессы регионализации, и должны стать предметом изучения исторического регионоведения.

Историческое регионоведение, в известной степени снимая дихотомию макро- и микромиров, призвано сделать историю более сбалансированной и гармоничной.

Направления регионоведческой проблематики

Проблематика регионоведческих исследований так же многообразна, как и сама жизнь. Любые обобщения здесь довольно неблагодарное занятие, отметим лишь стратегические направления.

Среди важнейших задач исторического регионоведения — изучение комплекса проблем, связанных с природно-географической регионализацией. Этот процесс включает в себя колонизацию территории региона, экологическое приспособление пришедшего населения к местным природным условиям, интеграция аборигенов в природную среду. В большинстве регионов человек прошел разные стадии взаимоотношения с природой — от борьбы за выживание до управления природной средой. Важно знать, как накапливались представления и знания об окружающей природе, опыт выживания в ней и технологии природопользования. Сформированность природно-географического региона, как правило, выдает рождение (или принятие) местным сообществом топонима (географического названия), относящегося ко всей его территорий.

Например, долгое время люди не представляли географической целостности Кольского Севера. По мнению И. П. Шаскольского, с момента прихода сюда славян

(XII век) прошло не менее трех столетий, прежде чем местные жители в процессе освоения края осознали, что живут на пространстве, окруженном морями, который они стали именовать «Терским наволоком». Топоним «Кольский полуостров» появился еще позднее, не раньше XVIII века. Примечательно, что до XVIII века существовал и административно-территориальный дуализм на Кольском полуострове: Терский берег входил в состав Двинского уезда, тогда как остальная часть — в Кольский уезд.

Административно-территориальные единицы, таким образом, не всегда совпадают с природно-географическими регионами. Точно так же территория бывшей Архангельской губернии не имеет параллельного природно-географического топонима, что позволяет рассматривать в ее составе несколько природно-географических ареалов, каждый из которых формировался самостоятельно. Центральную часть бывшей губернии по сей день называют «Архангельским Севером», тогда как северо-западную — «Кольским Севером». Топоним «Поморье» покрывает побережье Белого моря, но не включает Кольский полуостров в целости.

Колонизационные потоки, проходящие через регион, важно реконструировать полностью, выявляя их источник и последующую судьбу.

Так, как это сделал в своем монументальном многотомном труде «Русский Север» профессор В. Н. Булатов. Он показал, что Великий Новгород в IX веке породил колонизационную волну на Север так же, как Север в XVI веке — в Сибирь.

Другой комплекс проблем, который должно рассматривать историческое регионоведение, связано с социально-культурной регионализацией, т. е складыванием и функционированием местного сообщества. Эти процессы отражают психолого-ментальную и культурную адаптацию (укоренение) людей, живущих в регионе. Социальная адаптация протекает на разных уровнях (индивидуальном, корпоративном, региональном). Ее формами выступают: самоорганизация, удовлетворение духовных потребностей, обеспечение преемственности поколений, самореализация, установление личной и корпоративной безопасности и т. д. Проявление этих форм встречаются как в повседневной жизни, так и в случае происходящих казусов. При всей похожести социально-культурных процессов, каж-

дый регион представляет своеобразное их сочетание, в котором присутствуют как общечеловеческие инстинкты, так и уникальные в целом региональные новообразования.

Культурное своеобразие в значительной степени определяется местной этнической средой. Большое влияние оказывает и географическая среда. Например, суровые климатические условия Заполярья долгое время, до внедрения сюда технической цивилизации, сплачивали местный социум в борьбе за выживание. Незнавшая самодостаточного земледелия, эта территория не знала и дворянства с крепостным правом.

Сильное воздействие на социум оказывает море. В прибрежных районах обычно формируется приморская культура. Л. Н. Гумилев считал, что море при определенных условиях играет ведущую роль даже в этногенезе.

Океан оставляет глубокий отпечаток и на социальной структуре.

Например, неотъемлемой частью населения портовых городов являются «бичи» — лица без определенного места жительства, кормившиеся в порту. Эта маргинальная категория не исчезала даже в советский период, несмотря на социалистические лозунги.

Весьма специфическую модель советского общества представляли собой и экипажи морских судов. Маленький коллектив, окруженный водой, вырабатывал особую социальную регламентацию. К тому же для экипажей загранплавания фактически не существовало такого же прочного «железного занавеса» от заграницы, как для преобладающей части населения СССР, что давало основание для космополитического миросозерцания. Находясь на значительном расстоянии от региона, эти морские коллективы продолжают нести в себе региональную идентичность, являясь как бы ментальным продолжением региона на расстоянии. В то же время весьма значительна их роль в обратном воздействии на региональную культуру, обогащении ее привозимым духовным и материальным «импортом».

Особая роль в формировании культурного своеобразия принадлежит интеллигенции. Этот социальный слой наиболее независим в пространстве. Чаще всего кочуют из региона в регион деятели искусства. Однако именно им в периоды их «оседания» принадлежит формирование регионального имид-

жа, направленного не только во внутреннюю, но и во внешнюю среду. Произведения искусства (картины, музыкальные и литературные произведения, архитектурные памятники, киноленты и театральные постановки), воспевающие регион, создают его миф, также служащий одним из компонентов региональной идентичности.

Весьма примечательную роль выполняют историки-краеведы. Изучая прошлое региона, они тем самым показывают его целостность во времени, что также имеет принципиальное значение в процессе становления региональной ментальности.

Следующий комплекс проблем исторического регионоведения относится к экономике. Он в значительной степени продолжает два предыдущих проблемных блока, которые посвящены оседанию человека на землю. Человек пришел, укоренился, но ему нужно дальше жить, воспроизводиться, повышать качество своей жизни. Так появляется экономика. На региональном уровне важно реконструировать экономические процессы — от их ментального появления до реального воплощения. Необходимо изучить, как возникают и развиваются различные формы и условия хозяйствования, появляются и удлиняются экономические связи, складываясь вначале в местный рынок, затем в региональный, национальный и, наконец, мировой. Все эти процессы неизбежно отображаются на живущем в регионе экономическом субъекте, который управляет своей экономической стратегией, либо погибает. Неоценимую помощь для реконструкции внешнеэкономических связей могут оказать материалы находившихся в регионах таможенных застав и морских портов.

Региональное экономическое пространство сложно и многослойно. Один его сегмент является, как правило, традиционным, его разрабатывают местные жители. Другие сегменты могут начинаться в импульсах внешней среды, осваиваться «чужими». Так появляется проблема взаимоотношения «своих» и «чужих», таящая в себе интригу их взаимного превращения.

Также регион открывает большие возможности для изучения роли экологического фактора в экономике и проблемы рационального природопользования.

Следующий комплекс проблем — социально-политический. Столица не может управлять государством, не делегируя

на места свои полномочия. В то же время регион, пользуясь своей территориальной отдаленностью от столицы, в состоянии претендовать на часть властных полномочий, провоцируя децентрализацию. Рождающиеся в этой связи взаимоотношения столицы и провинции обуславливают политическую регионализацию.

Провинция, как субъект политического процесса, обычно пассивнее столицы, однако в отдельные периоды ее активность может возрастать, вплоть до претензий на столичный статус. Такова, например, удельная эпоха на Руси (или, как любили называть ее советские историки, «феодальная раздробленность»). Таков период Гражданских войн — в XVII и начале XX вв. Близки к ним и периоды массовых социальных движений, которые, и не разрушая государственности, резко повышали статус провинции. В каждом из этих случаев важно понять, кем инициировано разложение государственности — центром или провинцией? Что отображает в себе история регионов-государств — региональные претензии или вынесенную за пределы столицы борьбу столичной элиты?

Профессор В. И. Голдин в своих последних работах справедливо утверждает, что придти к новому осмыслению столь сложного социального явления, каким является Гражданская война, распад государственности, можно лишь через «региональный ракурс».

Но и в те периоды, когда провинция не определяет историю страны, она преломляет импульсы, идущие из столицы, и излучает ответные импульсы, в той или иной степени оказывающие влияние на столицу. Так в возникающей системе диалога между провинцией и столицей угадываются очертания глобальной проблемы взаимоотношения общества и власти. Кроме того, региональная история может пользоваться законной монополией при изучении низших этажей государственности, социальной базы власти.

Не менее важна проблема взаимоотношения регионов между собой. Она может выглядеть и в форме острых непримиримых конфликтов, и в форме нейтрального диалога, и в форме сотрудничества, вплоть до появления межрегиональных корпораций.

Другой уровень — взаимоотношения разных частей одного региона между собой. Здесь также могут проявляться как притягивающие, так и отталкивающие тенденции, определяющие местный общественно-политический климат. Причем, распад региона возможен вследствие его природной, инфраструктурной, экономической, национально-культурной, религиозной и собственно политической неоднородности.

Политический блок проблем, наверное, самый обширный в историческом регионоведении, поскольку он включает в себя не только идеологию и политику центра в отношении региона, но и вызванные ими процессы трансформации и преобразования местной среды. Составной частью этого блока является и политика, осуществляемая самими регионами как политическими субъектами. В такой стране, как Россия, с ее централистскими традициями, политика регионов (или, как ее называют, региональная политика) — еще недостаточно укоренившееся явление. Крайне осторожно нужно говорить о региональной политике в советский период. Советский Союз с его тотальным централизмом фактически не имел в своем составе региональных политических субъектов. И если можно представить себе некоторую долю региональной самостоятельности в ту эпоху, то только в плане толкования местными властями заданного центральной властью стратегического курса и выработки своеобразной тактики его воплощения.

Наконец, еще один крупный блок проблем исторического регионоведения относится к международным отношениям. Приграничные регионы, хотя и входят в состав определенных государств, подпадают под сильное влияние внешнего фактора — международного сообщества. Это может выражаться и позитивными в целом последствиями, такими, например, как налаживание приграничного сотрудничества, появление конструктивных международных связей и с более отдаленными странами. Но история знает и обратный эффект: именно приграничные регионы первыми испытывают на себе вторжение иностранных захватчиков. Так, например, многовековая история Кольского Севера помнит нападения норвежцев, шведов, датчан, англичан, французов, финнов, немцев. Иностранные вторжения продолжались здесь и в годы «холодной войны».

Регионы, попадающие в сферу геополитических интересов, отражают в себе глобальные мировые процессы. Сам процесс

геополитической регионализации примечателен тем, что он начинается далеко за пределами региона, в головах правителей сверхдержав, прокладывающих «пути» мировой политики. Захватнические войны, интервенции, милитаризация, разведка и добыча стратегического сырья, строительство стратегической инфраструктуры — все эти элементы геополитики проявляются на территории регионов.

Таким образом, мы рассмотрели лишь основные направления регионоведческой проблематики Но и они дают ответы на многие вопросы не только отечественной, но и мировой истории.

Эти направления в перспективе могут отразиться на специализации исторического регионоведения как научной дисциплины. Впрочем, ее дифференциация неизбежна и по территориальному признаку. Не случайно уже появились названия, вроде «москвоведения», «мурмановедение» и т. д.

В то же время эта дискретность не должна нарушать единство фундаментальной дисциплины. Ее теоретический аппарат призваны «обслуживать» общепринятые в исторических науках — методология, источниковедение, историография, а также вспомогательные исторические дисциплины.

Специфика регионоведческого анализа

Двойственность региона, являющегося, с одной стороны, в известной степени целостностью, а с другой стороны, локальностью, частью целого, должна неизбежно отразиться на методике регионоведческого анализа. Эта методика также должна быть двойственной, т. е. распадаться на два уровня. Тогда как первый уровень призван реконструировать региональную целостность «изнутри», второй уровень должен идентифицировать ее пределы «извне», как бы «снаружи» региона.

Первый уровень регионоведческого анализа обычно освоен традиционным краеведением. Краевед, как правило, изучает край с позиции местного жителя, в целях скорее даже не научных, а культурных. Он пытается сформировать культурное пространство, необходимое в процессе укоренения жителей, усиления их связи с землей. Ведь только местная история может привить подлинную любовь к «малой родине».

При всей нравственной значимости этого уровня, он не самодостаточен в научном отношении, поскольку, идеализируя

предельно условную локальность, нацелен на довольно фрагментарное, эклектичное историческое знание. Например, краевед может признать уникальным явление, впервые встретившееся на территории своего региона и, таким образом, сделать «местное открытие». Доказать же научную ценность такого открытия с местных позиций практически невозможно. То, что уникально в одном месте, может быть давно освоено и известно в другом.

Впрочем, краеведение приносит науке и неоспоримую пользу. Оно занимается сбором и накоплением эмпирического материала, проводит его первичную теоретическую обработку. Хотя и это, за редким исключением, не является наукой в чистом виде.

Краеведение перерастет в научную дисциплину только в том случае, если сумеет продолжить первый уровень анализа уже упомянутым вторым уровнем. Второй уровень предполагает реконструкцию связей региона с глобальным целым.

Существует несколько методов обнаружения таких связей.

Во-первых, это экстраполяция — условное распространение выводов, полученных на региональном материале, на другие регионы, придание этим выводам всеобщего характера. Это самый легкий, но и самый опасный способ анализа, таящий в себе возможность ошибки. Подобный перенос выводов возможен только при соблюдении репрезентативности (возможности по какой-то части целого судить о целом). Большие возможности он открывает при изучении истории повседневности, психоисторик, довольно устойчивых социальных структур. Экстраполяция обычно сопровождает микроанализ.

Во-вторых, это метод реконструкции исторической цепи. Поскольку многие процессы, имеющие место на территории региона, берут свое начало, продолжаются или заканчиваются за его пределами, важно по региональному фрагменту реконструировать всю цепь. Наиболее часто встречающиеся цепи — «центр — регион», «регион — геополитическое пространство», «регион — регион» и т. д.

В-третьих, это метод сравнения. Наиболее широкое поле для его применения представляет межрегиональное сопоставление, позволяющее не только установить тенденции на значительно большей, чем регион, территории, но и лучше выяс-

нить смысл внутрирегиональных процессов, выявить степень их своеобразия (вплоть до признания их уникальности).

Методика регионоведческого исследования уже хорошо освоена специалистами. Ее использовал, например, профессор В. Я. Шашков в своем регионоведческом исследовании «Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края». Показав, с одной стороны, преемственность репрессивной политики на территории Мурмана и в Карелии тоталитарному режиму в стране, В. Я. Шашков установил тем самым «историческую цепь». С другой стороны, он подверг сравнению региональные фрагменты этой цепи. Сравнительная конфигурация оказалась довольно сложной. Если процесс коллективизации, по В. Я. Шашкову, осуществлялся на Мурмане более динамично и результативно, нежели в Карелии, то процесс раскулачивания, напротив, проходил на Мурмане менее активно, и местные власти были в этом отношении гуманнее, чем в Карелии.

Методику регионоведческого анализа развил профессор А. В. Воронин. Его монография «Советская власть и кооперация» принадлежит, пожалуй, к числу наилучших современных образцов исторического регионоведения.

На основе использования контент-анализа ученый исследовал политику советских и партийных органов в отношении кооперации в период, когда решалась судьба всей общественно-политической системы в стране (1917 — начало 30-х гг.). А. В. Воронин попытался рассмотреть отношение власти к кооперации в качестве индикатора не только политических настроений центра, но и региональной самостоятельности. Поэтому его анализ построен на сравнении между собой двух линий: политики центра и политики мест. Политика мест анализировалась им опять же на сопоставлении трех регионов — Архангельской, Вологодской губерний и Карелии.

А. В. Воронину удалось реконструировать историческую цепь в обоих направлениях — показать не только степень зависимости регионов от центра, но и выявить обратное влияние регионов на центр. Он пишет: «Количественный анализ... документов позволяет сделать вывод об относительной самостоятельности местных органов власти в определении тактической линии политики, по крайней мере, до 1929 г., тогда как в стратегическом отношении совпадение направлений центра и мест действительно вполне очевидно.

В то же время нельзя не отметить, что взаимодействие центра и мест выглядит более сложным, чем просто передача команды сверху вниз; существует и явно обратное воздействие, когда местные власти влияют на политику центра, прежде всего, в сторону ее ужесточения, как это было, например, в 1918—1920 гг.».

Будем надеяться, что методика регионоведческого анализа и далее будет совершенствоваться, оказывая тем самым воздействие на общеисторический анализ.

* * *

Историческое регионоведение как научная дисциплина находится еще в зародышевом состоянии. Вековые традиции краеведения, неоспоримые достижения исторической науки должны помочь ее становлению. Эта дисциплина при правильном и гармоничном развитии принесет в историографию много свежих идей, благодаря чему мы узнаем значительно больше о прошлом России.

ЛИТЕРАТУРА

Булатов В. Н. Русский Север. Кн. 1—5. — Архангельск, 1997—2001.

Булатов В. Н., Шалев А. А. Баренцев Евро-Арктический регион: Архангельская область. — Архангельск, 2001.

Вагинова Л. С. Регион как историко-культурная целостность. В 2-х ч. — Мурманск, 2003.

Вертикаль власти: регион и национальная политика. — М., 1996.

Воронин А. В. Советская власть и кооперация. (Кооперативная политика Советской власти: центр и местные власти Европейского Севера в 1917 — начале 30-х гг.) — Петрозаводск, 1997.

Голдин В. И. Гражданская война в России: через региональный ракурс к новому осмыслению // Гражданская война в России: региональные проблемы: Материалы научной конференции 3—4 марта 2003 года. — Мурманск, 2004.

Гомаюнов С. А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. — 1996. — № 9.

Игнатов В. Г., Бутов В. И. Регионоведение. — М. — Ростов-на-Дону, 2004.

Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. — Ростов-на-Дону, 2000.

Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. — М., 2004.

Милонов Н. П., Кононов Ю. Ф., Разгон А. М. и др. Историческое краеведение. — М., 1969.

Прошлое — крупным планом: современные исследования по микроистории. — СПб., 2003.

Развитие региона: методический подход. — Екатеринбург, 1995.

Региональное развитие: опыт России и Европейского союза. — М., 2000.

Регионоведение: Юг России: краткий тематический словарь. — Ростов-на-Дону, 2003.

Регионы России в переходный период. — М., 1993.

Русский Север в системе геополитических интересов России. — М. — Архангельск, 2002.

Среднерусский регион: проблемы и перспективы. — М., 1995.

Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. — Мурманск, 2000.

Южная Россия: история и современность. — Ростов-на-Дону, 2002.

ГЛАВА 2.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ (КОЛЬСКИЙ СЕВЕР)

Наука

До середины XX века наука проявляла лишь эпизодический интерес к истории Кольского Севера. Монополия на изучение истории Севера всецело принадлежала столичным ученым, которые лишь изредка заглядывали на «край земли».[7] Собственных научных кадров по истории на Мурмане не было.

Положение начинает меняться с появлением в Заполярье высших учебных заведений — Мурманского высшего мореходного училища[8] (1950 г.) и в особенности Мурманского государственного педагогического института[9] (1956 г.). В них учреждались кафедры с учеными кадрами в области исторических наук: в МВМУ — кафедра марксизма-ленинизма, в МГПИ — кафедра марксизма-ленинизма и выделившаяся из нее в 1960 г. кафедра истории. Эти коллективы выбрали в качестве научной специализации региональную проблематику, благодаря чему Мурманск превратился в один из научных центров исторического регионоведения на Европейском Севере СССР (наряду с Петрозаводском, Архангельском, Вологдой и Сыктывкаром).

В советский период в Мурманском пединституте собралась большая часть регионоведческих сил Заполярья. Здесь стали работать доктора исторических наук, профессора Ю. Н. Климов, А. А. Киселев, И. Ф. Ушаков, М. И. Сухарев, кандидаты исторических наук, доценты Г. С. Клеткина, С. А. Смирнов, Н. А. Дмитриев, З. А. Витков, Л. И. Львов, В. В. Сорокин, М. И. Андрианов-Верхнев, В. Г. Казаков, Л. М. Романов, А. Н. Рябков, Т. А. Киселева, Л. И. Федорова.

---

[7] Исключение составляют лишь археологи. С 1946 г. археологическая экспедиция под руководством известного ленинградского ученого, доктора исторических наук Н. Н. Гуриной в течение почти четырех десятилетий методично вела на Кольском Севере свои раскопки.

[8] Ныне Мурманский государственный технический университет.

[9] Предшественником МГПИ был двухгодичный учительский институт, учрежденный в 1939 г. По-видимому, именно в нем находятся истоки научной гуманитаристики в Заполярье.

В высшем мореходном училище, несмотря на его негуманитарный профиль, сформировалась и в 1960—80-е гг. функционировала своя группа историков-регионоведов, в которую входили кандидаты исторических наук, доценты А. Д. Безымянов, И. М. Пантелеев, Г. И. Неруш, В. Н. Терещенко, В. Н. Менюшков, Т. И. Соловьева, В. Я. Шашков. Многолетним лидером этой группы был доктор исторических наук, профессор В. П. Пятовский.

Подавляющее большинство ученых-историков Мурмана, работавших как в пединституте, так и в мореходном училище, специализировалось на проблемах истории Европейского Севера (исключение составляет лишь В. Г. Казаков, занимавшийся Западно-Сибирским регионом). В хронологическом плане предпочтение отдавалось XX веку (лишь работавшие в пединституте З. А. Витков и И. Ф. Ушаков изучали древность). Причем, 18 из 24 вышеперечисленных ученых-регионоведов Мурмана исследовали на региональном материале историю КПСС. Столь очевидная историко-партийная направленность мурманского исторического сообщества позволила ему успешно подготовить два коллективных труда — «Очерки истории Мурманской организации КПСС» (Мурманск, 1969) и «Хроника Мурманской организации КПСС» (Мурманск, 1985).

Но не только историко-партийная проблематика занимала мурманских ученых. Докторскими диссертациями Ю. Н. Климова, В. П. Пятовского, А. А. Киселева и М. И. Сухарева фактически была разработана история государственных преобразований на Европейском Севере СССР в послеоктябрьский период (от революции до начала 1960-х гг.). Профессор И. Ф. Ушаков создал капитальные работы по дореволюционной истории Кольского Севера.

Общность научной проблематики способствует установлению довольно регулярных межвузовских связей в рамках Северо-Запада России и даже шире — Северной Европы. Так, например, у ученых-историков Мурманского пединститута сложились прочные связи с Петрозаводским государственным университетом, Поморским государственным университетом им. М. В. Ломоносова (Архангельск), Университетом г. Тромсе в Норвегии и г. Гронинген в Нидерландах. Результатом их стали совместные научные конференции и издательские проекты. Интеграционным процессам, в частности, весьма способствовало издание Петрозаводским государственным универ-

ситетом межвузовского сборника трудов «Вопросы истории Европейского Севера», регулярно выходившего в последней четверти XX века.

«Кузницей» научных исторических кадров для мурманских вузов долгое время являлся Ленинград, в особенности Ленинградский госуниверситет и Ленинградский пединститут им. А. И. Герцена, при которых действовали аспирантуры и докторнатуры, поощрявшие исторические исследования Европейского Севера.

В 1993 году в Мурманском пединституте была открыта собственная аспирантура по специальности «отечественная история». А в 2001 году здесь же начал действовать диссертационный совет. Почти все защищенные в нем кандидатские диссертации написаны по регионоведческой проблематике.

Кафедра истории Мурманского пединститута в 1996 году разделилась на кафедры отечественной истории и всеобщей истории. Ныне они активно пополняются молодыми научными кадрами. А сам институт был преобразован в университет. Наряду с традиционным научным направлением «История Европейского Севера России» здесь начинают разрабатываться новые для Мурмана научные направления, логично вписывающиеся в рамки исторического регионоведения, — «История Северной Европы» и «История освоения Арктики».

Историческое краеведение

Помимо ученых-историков, местное прошлое могут изучать и дилетанты, т. е. краеведы. Краеведение традиционно рассматривается как местное культурное явление, рождающееся с развитием местных общественных сил. На Кольском Севере долгое время не существовало ни культурных центров, ни творческой интеллигенции. Местные жители края — поморы и лопари никогда не проявляли бо́льшего исторического интереса, чем мог вместить в себя их фольклор. Поэтому и краеведение появляется на Кольском Севере значительно позже, чем в других частях страны.

Его отсутствие, однако, своеобразно компенсировалось достаточно устойчивым вниманием к Кольскому Северу со стороны внешней среды — краеведов и публицистов, живших за пределами Мурмана. Это внимание стало проявляться еще в первой половине XIX века и достигло своего апогея в начале следующего столетия. Крайний Север манил своей экзотикой,

а также социальными проблемами местных аборигенов, которые тоже экзотично удовлетворяли запросы зарождающейся российской публицистики.

Поэтому внешняя среда больше интересовалась современным состоянием края и крайне редко заглядывала в его историческое прошлое. Исключение составляет разве что петербургский предприниматель и публицист Г. Ф. Гебель, составивший единственный в дореволюционное время капитальный исторический труд о Кольском крае.

Во второй половине XIX века и на самом Кольском Севере начинает активизировать немногочисленная прослойка интеллигенции, которая, будучи неместной по своему происхождению, по существу тоже была частью внешней среды. Среди первых краеведов Мурмана — служащие (лесничий К. Соловцов, чиновники по крестьянским делам Н. Макшеев и А. Мухин, почтальон Н. Андрианов) и священники (К. Терентиев, К. Щеколдин). Те первые краеведы своими трудами практически не воздействовали на местную культурную жизнь. За отсутствием собственных периодических изданий, им приводилось публиковать свои опусы в Архангельске, Петербурге и Москве, подстраиваясь под запросы столичного «света»: в результате эти первые работы, разве что за исключением исследований Г. К. Терентиева, представляют собой довольно далекий от исторических разысканий опыт бытописательства.

Таким образом, первыми дилетантскими описаниями Кольского Севера заполнялся вакуум, который имелся в представлениях о нем у большей части населения России.

Этим же вакуумом вызывается следующая, еще более мощная по своим масштабам волна интереса к Мурману, спровоцированная строительством Мурманской железной дороги в 1915—1916 гг. Дорога, притянувшая Кольский Север к центру страны, привела в эти окраинные районы тысячи переселенцев. Обретая новое место жительства, они справедливо замечали: «Мы, местные жители, можем сказать о самих себе... очень мало... Обойдите весь Мурманск, переройте все местные библиотеки, и вы не найдете двух-трех печатных произведений о северном крае» (Полярная правда. 1923. 16 марта).

Этот интерес был настолько велик, что 17 октября 1926 г. привел к образованию Общества изучения Мурманского

края. Руководителем общества стал руководитель Мурманской биологической станции профессор (морской биолог по специальности) Г. А. Клюге, а его заместителем — статистик и плановик В. К. Алымов. Период подъема краеведческой работы на Мурмане в конце 1920-х гг. совпадает с расцветом краеведческого движения и в целом по стране. Однако на Мурмане краеведение продолжало иметь свои особенности. Общество изучения Мурманского края, выпустившее два сборника своих трудов, устраивавшее публичные чтения, выявило уже иную в сравнении с дореволюционным состоянием позицию: краеведение на Мурмане становилось уже местным, оно начинало работать на сообщество внутри региона. Однако само сообщество не было местным в полном смысле слова. Многие люди, переехавшие сюда в период Первой мировой войны, революции и НЭПа не могли еще воспринимать Заполярье своей второй родиной. Процессы укоренения требуют специфических условий и длительного времени.

Краеведение, казалось бы, и должно было «привязывать», «укоренять» вновь прибывших переселенцев к этой земле. Однако, порожденное все той же переселенческой волной, оно было не способно дойти до осознания этого.

Отсюда почти полное безразличие к проблемам исторического прошлого края среди членов Общества: будучи более всего нацелены на будущее, они отдавали предпочтения географическому, экономическому и этнографическому краеведению.

Отсутствие в среде переселенцев интереса к историческим корням этой земли (а порой и простое игнорирование их), временщические настроения и постоянная миграция в обе стороны, возможно, стали причинами того, что Общество изучения Мурманского края уже к 1931 году, по наблюдению М. Баклановской, «начинает замирать». Не помогла и предпринятая в октябре 1934 года попытка Мурманского окрисполкома организовать новое краеведческое общество. Правда, были в Мурманске и активно работающие краеведы, вроде В. К. Алымова, но и в их творчестве история края занимала скромное место.

Более успешно шел процесс организации краеведческой работы по линии Коммунистической партии. 29 января

1923 г. постановлением бюро Мурманского губкома РКП(б) было учреждено губернское бюро Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКПб) (сокращенно — Истпарт). Эта комиссия, как всероссийский орган, была учреждена тремя годами раньше.

Сотрудникам мурманского Истпарта удалось разыскать много важнейших документов и воспоминаний по истории революции и Гражданской войны на Мурмане, подготовить несколько изданий трудов (исторические статьи И. Хропова, книга Ф. Скворцова «Мурман в борьбе и стройке», коллективный сборник статей «Интервенция на Мурмане» и др.). Однако, при всем богатстве революционной истории Мурмана, изучение этого периода в условиях политического диктата большевиков неизбежно делало его частью идеологической работы партии, роднило с политикой. К тому же был слишком мал хронологический отрезок, отделявший исследователей от изучаемых событий.

Подлинное рождение исторического краеведения на Мурмане происходит только в середине XX века, когда на Кольской земле активно происходили и давали свои первые результаты процессы укоренения переселенцев на Кольском Севере. Историческое краеведение явилось их следствием и одновременно важным стимулирующим фактором.

Символично также, что зачинателем историко-краеведческой работы на Мурмане стал не просто местный житель, а фактически абориген, уроженец села Кузомень на Терском берегу, родившийся в семье поморов, учитель по образованию, журналист по призванию, Евгений Александрович Двинин. Именно у Е. А. Двинина традиционный поморский фольклор впервые перерос в нечто большое. И главным его детищем была изданная в 1950-е гг. книга «Край, в котором мы живем», выдержавшая три издания (Мурманск, 1959, 1963, 1965). В ней был дан обзор истории Мурмана с древнейших времен до современности.

Характерно, что историческое краеведение на Мурмане развивалось в послевоенные годы во многом благодаря взаимодействию с фактически одновременно появившейся здесь исторической наукой. Это приводило к тому, что ученые-историки (прежде всего И. Ф. Ушаков и А. А. Киселев) писали работы, стимулирующие развитие краеведения, а историки-дилетанты, в свою очередь, создавали труды, обо-

гащавшие науку новым эмпирическим материалом. Во многом поэтому в краеведческих кругах Мурмана начинает использоваться термин «краеведческая наука», свидетельствующий о неразрывной связи двух этих уровней познания.

В послевоенное время историки-краеведы появились практически во всех городах и районах Мурманской области. В их числе — А. В. Беляев, А. Минкин, В. Мужиков, М. Орешета, Б. Романов, В. Сорокажердьев, И. Чесноков (Мурманск), В. Жданов (Североморск), М. Головенков (Мурманск), Л. Потемкин (Печенгский район), Г. Кузьмин, Е. Разин, А. Крячков (Кандалакша), Б. Кошечкин (Апатиты) и другие. Их усилиями созданы добротные краеведческие труды по истории населенных пунктов, топонимике, военной истории освоения Севера и т. д.

Нужно заметить, что в Мурманске не произошло воссоздания краеведческого общества, но развитие исторического краеведения стимулируют тесно примыкающие к нему иные общественные структуры: Всероссийский фонд культуры, Общество охраны памятников истории и культуры, Общество «Знание», историко-родословное общество и прочие культурно-просветительские общества, советы ветеранов, отряды по поиску останков погибших участников боевых действий и военной техники времен Второй мировой войны, местные творческие союзы (и в особенности, писательские организации), Ассоциация кольских саамов, национальные землячества и др. Активное участие в краеведческих разысканиях принимает Православная Церковь.

Школьное краеведение

К историческому краеведению примыкает и школа, которая, впрочем, использует его не столько в исследовательских, сколько в педагогических целях. Действительно, история «малой родины» открывает большие возможности для воспитания гражданских чувств и развития творческих способностей учащихся. И сделанное учащимся под руководством учителя «открытие», пусть даже не вполне значимое для науки, имеет огромный педагогический эффект.

Вместе с тем нельзя недооценивать роль школьного краеведения и в исследовательском процессе. Школьному краеведению принадлежит особая роль в пополнении и естественной регенерации кадрового состава историков-регионоведов. Ведь именно со школьной скамьи в краеведение, а затем и в

большую науку приходят многие исследователи. Своеобразную эстафету от школы принимает вуз, в частности, исторический факультет педуниверситета, где созданы все условия для подготовки будущего исследователя: читаются специальные курсы по историческому краеведению, разработана регионоведческая проблематика курсовых и дипломных работ. Далее открывается дверь в аспирантуру.

Но все начинается со школы. Школьное краеведение в Мурманской области сравнительно молодо. До 1960-х годов оно было представлено опытом отдельных учителей-энтузиастов, таких, например, как А. Чарыгин, активно проводивший историко-краеведческие занятия с детьми в 1930—50-е гг. в Коле. Под его руководством учащиеся собрали много экспонатов из истории Колы XVII—XIX веков, в том числе пушки, ядра, ружья, монеты, предметы домашнего поморского быта, сделали макеты старой Колы. В Кольской средней школе А. Чарыгин организовал один из первых на территории Мурманской области школьных музеев[10].

Но таких примеров весьма мало. Только с появлением на Кольском полуострове ученых кадров в области исторических и педагогических наук, собственных историко-краеведческих сил стало возможным превращение школьного краеведения в систему.

При участии ведущих ученых-историков Мурманского педагогического института И. Ф. Ушакова и А. А. Киселева, а также школьного учителя В. В. Дранишникова (ныне доцента) в 1960—70-е гг. были разработаны рассчитанные на разный возрастной уровень программы, учебные и методические пособия по историческому краеведению для школ Мурманской области. Это заложило основы для использования краеведческих знаний в учебном процессе. Складывалась и система внеклассной работы по краеведению, включающая сеть краеведческих кружков и школьных музеев, иерархию олимпиад и конкурсов.

На региональном уровне система школьного краеведения координируется органами народного образования в тесном взаимодействии с Мурманским государственным педагогическим университетом, Мурманским институтом повыше-

---

10 За новаторский для своего времени опыт внедрения в школьное образование регионального компонента А. Чарыгин был удостоен ордена Ленина.

ния квалификации работников образования, областным Центром детского и юношеского туризма и экскурсий (до 1992 г. — областной станцией юных туристов). В эту систему фактически влился и созданный в 1998 г. при областной администрации Центр гражданского и патриотического воспитания молодежи.

Ни школьное краеведение, ни тем более исследовательский корпус не может обходиться без учреждений исторического краеведения — архивов, краеведческих музеев и библиотек.

Архивы Хранилищами письменных исторических источников (документов) являются архивы. Архивы бывают центральные, местные (государственные и муниципальные), ведомственные.

В дореволюционный период Кольский Север не имел развитой бюрократии. Все делопроизводство было сконцентрировано в старом губернском центре Архангельске. Поэтому именно в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) отложился существенный массив письменных источников, характеризующих дореволюционное прошлое Кольского края.

На территории Мурманской области хранится весьма мало дореволюционных материалов. Даже сравнительно новые документы, относящиеся к периоду Первой мировой и Гражданской войн, первым архивистам Мурмана приходилось разыскивать на чердаках, в подвалах, на базарах. Часть этих материалов к тому же впоследствии была вывезена в ленинградские архивы.

Это создает известное неудобство для исследователей истории Мурмана: в Мурманске они располагают более-менее полным документальным массивом лишь за советский период. Для изучения документов более ранней эпохи необходимо выезжать за пределы области — в Архангельск, Санкт-Петербург и Москву.

Неудобство возникает и при работе с документами дислоцированных на Кольском Севере военных соединений и формирований — практически все они хранятся в центральных архивах также за пределами региона: в Центральном архиве Министерства обороны РФ в г. Подольске Московской области (армия), Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге и Центральном военно-морском архиве в г. Гатчине (флот).

На Кольском Севере главным архивохранилищем является Государственный архив Мурманской области (ГАМО), ведущий свою историю с 1922 года. В 1958 году был открыт его филиал в городе Кировске. В 1991 году к ГАМО было присоединено Архивохранилище новейшей политической истории, созданное на основе реорганизации Партийного архива Мурманского обкома КПСС.[1] В 1999 году в состав ГАМО вошел и областной фильмофонд.

ГАМО, таким образом, ныне превратился в региональный архивный центр. Здесь откладываются документы органов государственной и местной власти, самоуправления, учреждений, организаций и предприятий Кольского Севера, фонды личного происхождения. Наиболее ранние документы — XVII—XVIII веков.

Хотя основной массив документов ГАМО относится к Мурманской области, в нем отложились документы, отражающие историю и других регионов России. Например, фонд Всесоюзного рыбопромышленного объединения Северного бассейна «Севрыба» (№ Р-1038) содержит материалы о развитии рыбной промышленности в Архангельской области и Карелии в 1960—80-е гг. Фонды Мурманского управления Главсевморпути (№ Р-431), Архангельского морского арктического пароходства (№ Р-925), Мурманского морского пароходства (№ Р-753) — об освоении Арктики и Северного морского пути в советский период. Фонд Всесоюзного морского геолого-геофизического объединения по разведке нефти и газа «Союзморгео» (№ Р-1146) включает материалы по всем морским бассейнам бывшего СССР в конце 1970-х—80-е гг. В ГАМО хранятся и фонды партийного и комсомольского комитетов советских угольных рудников на архипелаге Шпицберген (№ П-17 и П-1509).

К началу 2001 года в ГАМО и его филиале в г. Кировске сконцентрировалось 2,5 тысячи фондов, включающих около 800 тысяч дел, а также более 4 тысяч кинофильмов и киножурналов, более 14 тысяч фотодокументов. В научно-справочной библиотеке ГАМО свыше 10 тысяч книг и подшивок

---

[1] До этого присоединения, с 1939 года, Партийный архив действовал как самостоятельное учреждение, хранящее документы органов, организаций и учреждений Коммунистической партии и комсомола.

газет. И рост количественных показателей продолжается за счет передачи в архив новейших документов.

Архив проводит большую работу по изучению и систематизации своих фондов. Издано три тома путеводителя по архиву. Созданы системы каталогов и картотек, активно внедряются автоматизированные информационно-поисковые системы.

При архиве действуют лаборатория переплета и реставрации документов, лаборатория микрофильмирования. В Мурманске для главного корпуса архива построено специализированное четырехэтажное здание (ул. К. Либкнехта, 35).

ГАМО на протяжении многих лет плодотворно сотрудничает с учеными-историками и краеведами. На прошедшей в декабре 2002 г. в Мурманске научно-практической конференции «Архивы и историческое краеведение» констатировалось, что материалы ГАМО стали источниковой базой, на основе которой начала формироваться «школа кольского исторического краеведения», пишутся книги и диссертации. При непосредственном участии архива издано несколько документальных сборников.

Кроме ГАМО, в Мурманской области действует сеть небольших архивов, устроенных при городских и районных администрациях, отдельных учреждениях, организациях и предприятиях. Особую значимость для историко-регионоведческих исследований имеют архивы, образованные при областных управлениях ФСБ и МВД, Кольском научном центре РАН.

Музеи Другим важнейшим учреждением исторического краеведения является музей. Музей, подобно архиву, также собирает и хранит письменные источники. Но главной его заботой оказывается все же коллекционирование вещественных источников. Причем, важнейшей функцией музея является не столько их хранение, сколько экспонирование (показ) публике в культурно-просветительских целях.

Кроме того, в задачи крупных музеев входят проведение научного описания и каталогизация музейных предметов, разработка исследовательских тем.

На территории региона обычно возникает целая сеть краеведческих музеев.

На Кольском Севере музейное дело ведет свою историю с 1926 года, когда был создан музей при обществе по изучению Мурманского края. Это учреждение, хотя фактически изначально и приобрело статус регионального краеведческого музея, долгое время не имело даже приспособленного помещения. И только с 1957 года, благодаря переезду музея в четырехэтажное монументальное здание на проспекте Ленина, открылись действительно широкие возможности для накопления музейных фондов и экспозиции. Эти возможности были в значительной степени реализованы при музейных директорах Е. С. Павловой и В. А. Пожидаеве, благодаря чему Мурманский областной краеведческий музей стал одним из самых крупных и выразительных краеведческих учреждений России.

К концу XX столения в фондах музея было собрано свыше 140 тысяч единиц хранения, из которых в залах выставлено лишь 4—5 процентов, а остальное находится в запасниках.

В музейном собрании памятники материальной и духовной культуры Кольского края, в том числе археологическая коллекция, предметы быта и прикладного искусства поморов и саамов, рукописные и старопечатные книги, коллекции икон, монет, знамен, фотографий и т. д.

В основу исторической экспозиции музея, под которую отданы третий и четвертый этажи, положена формационная периодизация истории края. Экспозиция доведена до событий современности (начало 1990-х гг.).

Музей располагает краеведческой библиотекой, в которой более 18 тысяч книг и журналов, более тысячи годовых комплектов газет.

Областной краеведческий музей является главным методическим центром для всех краеведческих музеев, работающих в Мурманской области. С 1988 года он регулярно проводит краеведческие конференции, на которых подводятся итоги изучения истории края и развития музейного дела.

Сеть музеев в городах и районах Мурманской области сложилась только в послевоенные годы. Хотя начало этому было положено еще в 1934 году в Кировске, где появился мемориальный музей С. М. Кирова. Он разместился в здании, в котором С. М. Киров в новогоднюю ночь 1930 года

проводил судьбоносное совещание, положившее начало строительству апатитовой фабрики и города в Хибинах. Предложение о превращении этого места в музей поступило после рокового убийства С. М. Кирова, происшедшего 1 декабря 1934 года в Ленинграде. Тогда же город Хибиногорск был переименован в Кировск. С момента своего создания экспозиция и фонды музея расширялись. К старому зданию было пристроено еще одно. Так мемориальный дом-музей С. М. Кирова превратился в центр хранения и изучения ранней истории Хибин.

Начиная с 1960-х гг. (и вплоть до последнего времени) один за другим открываются краеведческие музеи практически во всех городах и районах Мурманской области: в Ловозере, Кандалакше, Умбе, Мончегорске, Никеле, Ковдоре, Североморске, Полярном, Апатитах, Оленегорске.

После Великой Отечественной войны в Мурманской области начинают появляться и специализированные исторические музеи. Большое влияние на этот процесс оказала сама война, усилившая интерес к военно-исторической тематике. И совершенно естественно, что шедшие в Заполярье суровые бои были увековечены созданием целого ряда музеев. Так, еще в ходе войны в Мурманске создается выставка трофеев гитлеровских войск. Впоследствии она была реорганизована в музей Отечественной войны, который, однако, вскоре был слит с областным краеведческим музеем.

В 1946 году и тоже в Мурманске был открыт военно-исторический музей Северного флота. Его судьба сложилась иначе. Ныне это главный центр хранения и изучения военно-морской истории Заполярья. В фондах музея собрано более 50 тысяч музейных предметов. Главная экспозиция размещается в 10 залах. В 1983 году был открыт филиал этого музея на борту героической подводной лодки К-21, навечно пришвартованной к пирсу площади Мужества в Североморске. Филиалы музея также были открыты в местах размещения крупных баз Северного флота — в г. Северодвинске Архангельской области и г. Полярном Мурманской области.

В 1976 году в поселке Сафоново был создан музей Военно-воздушных сил Северного флота. Здесь в большом ангаре собраны различные модели самолетов, бывших на вооружении у Северного флота в годы Великой Отечественной войны и после нее. Частью экспозиции этого музея яв-

ляется и перевезенный из поселка Корзуново Дом-музей Ю. А. Гагарина. Первый космонавт Земли проживал в этом доме во время своей службы в ВВС Северного флота. Отсюда он был призван в отряд космонавтов.

В 1989 году на территории Мурманской области был открыт еще один военно-исторический музей — «Партизан Заполярья». Находится он в городе Полярные Зори.

Среди других специализированных музейных учреждений исторического профиля, находящихся в крае, невозможно не назвать: в городе Апатиты — музей-архив истории изучения и освоения Севера, в городе Мурманске — музей истории рыбной промышленности Севера, музей истории «Полярных олимпиад» (спортивных Праздников Севера). Музеи открыты и при некоторых учреждениях, организациях, предприятиях, учебных заведениях области, в том числе в Мурманском морском пароходстве, Полярном морском институте (ПИНРО), Мурманском государственном техническом университете, Мурманском государственном педагогическом университете, на Мурманской таможне.

Библиотеки Краеведение является важнейшим направлением деятельности и местных библиотек, собирающих и сохраняющих книги и периодические издания о крае.

Поскольку территория Мурманской области до революции входила в состав Архангельской губернии, неудивительно, что значительная часть литературы за тот период сохранилась в Архангельске, в старейшей на Севере Научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова, основанной еще в 1833 году.

Главный центр книгохранения на Кольском Севере — Мурманская областная универсальная научная библиотека — была учреждена значительно позднее, в 1938 году. Поэтому ее краеведческий фонд в основном наполнен изданиями послеоктябрьского периода, хотя есть в нем, и немало, дореволюционных. Всего их насчитывается здесь более 27 тысяч экземпляров — это, пожалуй, самое большое собрание книг о Кольском крае, которое к тому же постоянно пополняется. В 1994 году для обслуживания этого фонда в библиотеке был открыт специальный отдел — краеведческой и саамской литературы.

Специалистами-библиографами проводится большая работа по описанию и каталогизации краеведческих изданий. В

отделе краеведческой и саамской литературы можно воспользоваться алфавитным и систематическим каталогами, а также электронным краеведческим каталогом.

С 1965 г. областная научная библиотека совместно с другими ведущими библиотеками края практикует издание периодического библиографического указателя «Кольский полуостров», содержащего списки литературы о Мурманской области, вышедшей за определенный год.

Сотрудниками библиотеки при содействии историков-краеведов подготовлено и много тематических библиографических указателей. Среди них — «50 лет Советской власти на Мурмане», «Герои Советского Союза — защитники Заполярья», «В. И. Ленин и Мурман», «Памятники Мурманской области» и др. Ежегодно издается календарь дат и событий «Из истории Мурмана». Основаны серии биобиблиографических указателей «Краеведы земли Кольской» и «Писатели земли Кольской» (уже вышли указатели трудов и произведений А. А. Киселева, И. Ф. Ушакова, С. Н. Дащинского, В. В. Дранишникова, В. Я. Шашкова, В. В. Сорокажердьева, В. А. Смирнова, В. С. Маслова и др.).

Областная научная библиотека является инициатором встреч историков-краеведов с читателями, организатором краеведческих выставок и презентаций. С 1970-х годов здесь действует клуб краеведов.

Издательства, средства массовой информации

Регион — благодатная среда для занятий историческим краеведением. У значительной части местных жителей имеется спрос на знания о крае. И это, в свою очередь, неизбежно включает историческое краеведение в издательское и информационное пространство региона, делает краеведческое знание востребованным на местном рынке.

Потребление элементарной краеведческой информации происходит прежде всего через периодическую печать. На Кольском полуострове она появилась в 1917 году. Местные газеты на протяжении всего периода их существования активно публиковали материалы краеведческого характера. Наверное, более всего в этом преуспела газета «Рыбный Мурман», редакция которой в 1997—1998 гг. пошла на беспрецедентную в истории местной периодической печати публикацию Энциклопедии Кольского края.

Но обычно капитальные краеведческие труды выпускаются специальными книгами и альманахами. На Кольском Севере такая возможность открылась только с появлением Мурманского областного книжного издательства в 1958 году. Рассматривая краеведческую литературу одним из приоритетных направлений своей работы, издательство стало не только средством доведения краеведческих знаний до широкой аудитории, но и фактором, ускоряющим развитие самого содержания. Поэтому краеведам приходилось работать в поте лица. Особенно удачно были задуманы серии, в которых выходили целые циклы краеведческих книг, — «Города и районы Мурманской области», «Не просто имя — биография страны». В серийном варианте был осуществлен крайне редкий для региональных издательств проект очерков истории края, вышедший в двух книгах общим объемом 1200 страниц, — «Кольская земля» и «Родное Заполярье» (авторы — соответственно И. Ф. Ушаков и А. А. Киселев).

Мурманское книжное издательство и в современных рыночных условиях продолжает активно издавать краеведческую литературу. Так, в 1997—1998 гг. им было выпущено собрание избранных историко-краеведческих трудов И. Ф. Ушакова в трех томах. С 1996 года издательство выпускает научно-практический журнал «Наука и бизнес на Мурмане», многие номера которого посвящаются историко-краеведческой проблематике.

Краеведческие альманахи сегодня пытаются издавать и частные лица, привлекая спонсорские средства. Почин в этом деле принадлежит краеведу из города Полярного М. Опимаху, еще в начале 1990-х гг. учредившему альманах «Екатерининская гавань». Краевед В. Берлин из города Апатиты — главный редактор и издатель альманаха «Живая Арктика». Краевед И. Бронников из Мурманска составляет и издает альманах Родословного общества «Кольский родословец».

Немало краеведческих материалов печатается и в литературных альманахах, издаваемых писательскими организациями Мурманской области (у нас их две), — «Мурманский берег» и «Площадь первоучителей».

Мурманский государственный педагогический университет издает регионоведческий журнал «Вестник Баренц-центра МГПУ», ориентированный на проблематику стран Северной

Европы. В «Ученых записках МГПУ» (серия «Исторические науки») также регулярно публикуются исследования по истории Европейского Севера.

Много краеведческой (преимущественно учебно-методической литературы выпускает издательство Мурманского областного института повышения квалификации работников образования. В последние годы в области появился и ряд других издательств, активно сотрудничающих с краеведами.

Из общероссийских альманахов регионоведческого характера нельзя не отметить «Летопись Севера», издаваемую в Москве с 1949 года.

* * *

Историческое регионоведение имеет прочную базу для своего развития прежде всего потому, что обладает сегодня достаточным организационно-исследовательским потенциалом. Этот потенциал представлен исследовательским корпусом и учреждениями исторического краеведения (архивами, музеями, библиотеками). Историческое краеведение прочно включено в местное издательское пространство.

Эта организация постоянно совершенствуется, пройдя в своем развитии от разрозненности к мобильным системам. Сегодня мы достигли такого уровня, когда разные элементы этой организации могут консолидироваться для достижения конкретных задач.

Ныне в Мурманской области отрабатываются наиболее широкие формы этого взаимодействия, на основе чего, например, С. Н. Дащинским была подготовлена первая Энциклопедия Кольского края, изданная на страницах газеты «Рыбный Мурман». Такой масштабный проект, как Энциклопедия, естественно не мог получиться сразу. Правительством Мурманской области уже принято решение о продолжении этой работы, что потребует и совершенствования взаимодействия краеведческих структур. В этом процессе должно помочь такое весьма важное начинание, как проведение первой масштабной краеведческой конференции «Ушаковские чтения» в марте 2004 года, объединившей исследователей истории Кольского Севера из разных регионов России, архивных, музейных и библиотечных работников. Конференцию признано возможным превратить в ежегодную, что безусловно станет стимулом дальнейшего развития

организационных форм и обменных процессов в историческом краеведении. А это в свою очередь будет способствовать становлению новой науки о крае — исторического регионоведения.

ЛИТЕРАТУРА

Архивохранилище документов новейшей политической истории Государственного архива Мурманской области: Путеводитель. — М., 2002.

Архивы и историческое краеведение: Материалы научно-практической конференции 3 декабря 2002 г. — Мурманск, 2003.

Баклановская М. Краеведение на Кольском полуострове // Карело-Мурманский край. 1935. № 7.

Государственный архив Архангельской области: Путеводитель. Т. 1. — Архангельск, 2000.

Государственный архив Мурманской области и его филиал в городе Кировске: Краткий путеводитель. В 2-х т. — Мурманск, 2001.

Доклады и сообщения Мурманского общества краеведения. В 2-х вып. — Мурманск, 1927—1928.

Живая Арктика. 1999. № 3—4 («Век краеведения на Мурмане»).

Киселев А. А. Записки краеведа. — Мурманск, 2000.

Кошечкин Б. И. Музей-архив истории изучения и освоения Севера. — Мурманск, 1980.

Куратов А. А. История и историки Архангельского Севера. — Архангельск, 1999.

Музей рыбной промышленности Северного бассейна. — Мурманск, 1998.

Наука и бизнес на Мурмане. 1998. № 4 («Краеведение в школе»).

Наука и бизнес на Мурмане. 2002. № 2 («Архивной службе Мурмана — 80 лет»).

Путеводитель по музею Северного флота. — Североморск, 1964.

Путеводитель по общественным музеям города Мурманска / Сост. С. П. Мартюшова — Мурманск, 1986.

Русский Север в документах архива: Материалы научной конференции, посвященной 75-летию Государственного архива Архангельской области. Ноябрь 1997 г. — Архангельск, 1998.

Русский Север: Исследования и исследователи. В 2-х ч. — М., 1989.

Ушаков И. Ф. Историческое краеведение. — Мурманск, 1974.

Федоров П. В. Спорные вопросы в истории Мурмана, 1917—1997: Концепции, суждения, гипотезы. — Мурманск, 1998.

Ушаковские чтения: Материалы I научно-практической межрегиональной краеведческой конференции памяти профессора И. Ф. Ушакова. — Мурманск, 2004.

ГЛАВА 3.

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ (КОЛЬСКИЙ СЕВЕР)

Исследования региональной истории обеспечены широкой базой источников, к которой применима традиционная классификация.

Летописи Начать этот обзор мы полагаем с летописей. Собственного летописания на Кольском Севере не существовало. Однако ранняя история Кольского края запечатлена в ряде летописей, составленных на территории других регионов.

В «Летописце Новгородском» под 1216 годом упоминается погибший в Липецкой битве под Суздалем «терский данник» Семьюн Петрилович. По мысли И. Ф. Ушакова, «это первая достоверная дата, свидетельствующая о принадлежности Терской волости Новгородскому государству». В той же летописи есть сведения о борьбе русских жителей Поморья с мурманами (норвежцами). Так, в 1419 году «пришед мурмане войною в 500 человек, в бусах и в шнеках, а повоеваша Варзуги погост Корильский», но русские отразили это нападение: «две шнеки мурман избиша, а иные избегоша на море».

В Никоновской (патриаршей), Софийской и Львовской летописях есть сведения о принятии православия лопарями в 1532 году: «приехаша в Великий Новгород лопляне с Мурманского моря, с Колы-реки, с Тутоломи, и били челом государеву преосвященному Макарию и просили антимисов и священников церкви Божия священати и самех просветити святым крещением. И боголюбивой архиепископ Макарий посла от соборныя церкви святей Софеи священника и диякона, и они ехавши церкви Божия священали Благовещенье святей Богородицы да чудотворца Николу в Филиппов пост, и самех многих крестиша». Начиная с XVIII века это известие о строительстве и освещении православных храмов у рек Колы и Туломы считалось рядом исследователей (Н. Озерецковский, Н. Харузин, «ранний» И. Ф. Ушаков) первым упоминанием о городе Коле. Впоследствии А. И. Андреев и И. П. Шаскольский дали развернутую критику такому суждению, считая, что на самом деле «из текста летописи нельзя установить, в каком пункте... были построены названные церкви».

Двинской летописец содержит сведения о торге на Мурманском берегу: в 1555 году «по зиме прииде весть царю и великому князю от заморские карелы: сказали, что нашли они на Мурманском море два корабля. стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы, а товару, сказали, на них много».

Соловецкие летописи сообщают о деятельности на Кольском Севере Соловецкого монастыря, о нападении шведов на селения края в 1589—1591 гг.

Житие Трифона Печенгского

Жития — это особый вид древнерусской (а позднее церковной) литературы, повествующей о жизни и деянии святых подвижников Русской Церкви. Жития являются важным, хотя и своеобразным историческим источником, сочетающим реальные сведения с вымыслом. И этот существенный недостаток (с точки зрения соблюдения принципа достоверности исторического источника) компенсируется тем, что житийная литература, как никакой другой источник, предоставляет неоценимый материал для изучения представлений о святости.

К истории Кольского Севера имеет прямое отношение житие Трифона Печенгского.

Живший в XVI веке преподобный Трифон Печенгский известен как проповедник православия среди лопарей и основатель Печенгского монастыря. В середине XVII века соловецкий монах Сергий Шелонин объединил «малые книжицы» и «писания краткие», составленные учениками Трифона вскоре после его смерти (1583), и составил текст Жития, который впоследствии ходил во множестве списков и подвергался неоднократной обработке.

Житие состоит из нескольких рассказов о приобщении лопарей к православию и основании Печенгского монастыря, хождениях Трифона Печенгского к царю Ивану Грозному и в Великий Новгород «ради милостыни», о чудесах и предсказаниях преподобного, его кончине, уничтожении шведами Печенгского монастыря и посмертных чудесах святого.

Первая известная публикация текста Жития была предпринята Казанской духовной академией в 1859 г.

Сочинения иностранцев (IX—XVII вв.)

Окраинное положение Кольского Севера сделало неизбежным его контакт с иностранцами. Среди тех, кто

посещал в разное время Мурман, встречались иностранные торговцы, путешественники, искатели приключений, оставившие о своих поездках письменные воспоминания. Некоторые сведения о Кольском Севере попали в иностранные источники из устных рассказов побывавших здесь людей. При общей скудости источниковой базы по раннему периоду истории Кольского Севера, значение сообщений и сочинений иностранцев довольно велико, поэтому они выделены в отдельную группу.

Достаточно сказать, что первое письменное упоминание о Кольском Севере содержится в иностранном источнике — письменно зафиксированном рассказе жившего в IX веке норвежца Отера (Оттара) английскому королю Альфреду (опубликовано на русском языке К. Ф. Тиандером). Отер совершил плавание вокруг Кольского полуострова. В рассказе королю он сообщил, что вся эта «страна» пустынна и только в немногих местах обитают «терфинны» (терские лопари), занимающиеся охотой, рыболовством и ловлей птиц.

В 1832 г. на русском языке были изданы сочинения посетившего Россию в первой четверти XVI века немецкого дипломата С. Герберштейна «Записки о московитских делах», в которых рассказывается о плавании русского дипломата Григория Истомы вокруг Кольского полуострова в конце XV века и жизни лопарей.

В Ленинграде в 1925 г. И. И. Полосин напечатал записки немца-опричника Генриха Штадена «О Москве Ивана Грозного», в которых приводятся сведения о Кандалакше, Коле и Печенге середины 1570-х гг.

Ряд сведений о средневековом Мурмане и возникшем здесь международном торге оставили англичане (С. Бэрроу, А. Дженкинсон и др.), их записки были опубликованы в 1937 году в Москве в сборнике «Английские путешеественники в Московском государстве в XVI веке». Еще до революции были опубликованы записки другого английского путешественника XVI столетия — Д. Флетчера, содержащие сведения о лопарях.

Но особенно ценную информацию о жизни края во второй половине XVI века дают записки голландского купца Симона ван Салингена «О земле Лопии», опубликованные в 1901 г. А. М. Филипповым. Анализируя этот источник, А. М. Филип-

нов полагал, что упоминание Салингеном под 1565 годом Колы («Мальмус») явилось первым известием о ней.

В 1973 г. И. П. Шаскольский опубликовал на русском языке финляндский источник 1556 г., проливающий свет на несколько более раннюю историю Колы. Это рассказ, записанный финским деятелем Якобом Тейтом со слов оказавшегося на территории Финляндии русского подданного Ноусна. Он содержится в составе большой рукописной книги «Регистр жалоб против дворянства в Финляндии 1556 г.», хранящейся в шведском Каммар-архиве. И хотя рассказ Ноусна не относится к «сочинениям иностранцев», он дошел до нас благодаря иностранному источнику. В рассказе содержатся обширные сведения о путях сообщения и географии пограничных местностей России и Финляндии. Упомянутое у Ноусна «селение» «Колансоу», которое «граничит с Норвегией», И. П. Шаскольский связал с Колой, посчитав, что это первое упоминание о ней.[1]

От XVI века до нас дошло и донесение шведскому правительству лазутчика Якова Перссона за 1581 год, в котором содержатся сведения о развитии рыбных промыслов на Мурманском берегу. Документ издан на русском языке Г. Ф. Гебелем в 1909 г.

В середине XVII века Мурман посетил французский врач Пьер де Ламартиньер. Его книга «Путешествие в северные страны», насыщенная различными подробностями местной жизни, была издана в русском переводе В. Н. Семенковичем в 1911 г.

Документы государственной власти и управления

Весьма обширный комплекс источников составляют документы органов государственной власти и управления.

Прежде всего, это **законодательные и подзаконные акты, распорядительная документация.**

До XV века Кольский Север входил в сферу влияния Новгородского государства. В период с 1264 по 1471 год это за-

[1] Позднее, при участии И. П. Шаскольского была опубликована грамота Василия III, составленная в 1517 году. Упоминание в ней Колы позволяет углубить историю этого поселения еще на несколько десятилетий. (См.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI.—СПб., 1998. С. 130).

креплялось во всех договорных грамотах Новгорода с князьями. В числе новгородских волостей в них всегда упоминается Тер (Тре), что соответствует древнему названию Кольского полуострова.

В договорной грамоте тверского князя Ярослава Ярославовича с Новгородом от 1264 года перечислена еще и волость «Колопермь». Опубликовавшие эту грамоту Н. И. Новиков, а затем Н. М. Карамзин фактически отождествили этот термин с волостью Колой («Коло»), что позволило многим исследователям начинать историю первого города на Кольской земле с XIII века. Однако И. Ф. Ушаков оспорил такой подход, посчитав, что «Колоперемь» означает не Колу, а ближнюю, или малую, вычегодскую Пермь в отличие от Перми Великой, а историю самой Колы нельзя начинать ранее XVI века. И. Ф. Ушакова поддержал И. П. Шаскольский.

После присоединения Новгорода к Москве на Кольский Север распространилось влияние Русского государства. Некоторые актовые документы великих князей, царей и императоров, Сената и Комитета Министров напрямую касаются Кольского Севера, в том числе грамоты великого князя Василия III от 1517 года о сборе дани с лопарей; жалованная грамота царя Федора Ивановича от 8 апреля 1590 года жителям Колы, нанесшим поражение шведским захватчикам; грамота царя Михаила Федоровича от 20 мая 1631 года кольскому воеводе Ивану Годунову о неподсудности людей Соловецкого монастыря, пребывающих для рыбных промыслов в Колу; указы и предписания Петра I о военных приготовлениях на Севере в связи с началом Северной войны; указ Павла I от 13 марта 1799 года жителям Колы о развитии рыбных промыслов; Положения Комитета Министров о льготах для поселенцев Мурманского берега от 31 августа 1860 года, 22 ноября 1868 года и 14 мая 1876 года; и др. Значительная часть дореволюционного законодательства опубликовано в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ).

Кольский Север довольно часто фигурирует и в законодательстве советского периода, которое также публиковалось: в «Собрании законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР», «Декретах Советской власти», «Собрании постановлений правительства РСФСР», «Ведомостях Верховного Совета» РСФСР и СССР, «Своде законов СССР» и ряде других изданий. Среди наиболее замет-

ных актов советского периода — Положение Совета Труда и Обороны от 25 мая 1923 года «О колонизации Карело-Мурманского края»; постановления Совета Министров СССР от 28 февраля 1963 года и 9 февраля 1968 года о развитии городов Архангельска и Мурманска; постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 марта 1988 года «О мерах по ускорению экономического и социального развития Мурманской области в 1988—1990 годах и в период до 2005 года». Сюда же относится и серия законодательства о северных льготах, центральным актом которого является постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1932 г. «О льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере».

Особую группу составляют законодательно-распорядительные документы местных органов власти и управления. С 1582 по 1713 гг. местную власть в крае вершили проживающие в Коле воеводы. Распорядительной документации от них практически не дошло: вполне вероятно, что ее просто не существовало. Воеводские канцелярии главным образом учреждались для поддержания корреспонденции с центральной властью, норвежскими наместниками и ведения военно-войскового учета. Такая документация Кольской воеводской канцелярии частично сохранилась в Российском государственном архиве древних актов и государственном архиве Копенгагена.

Начиная с XVIII века и до 1917 года Мурман на правах уезда входил в состав Архангельской губернии. Распорядительные документы в отношении Кольского Севера издавались архангельским губернатором, губернскими учреждениями и сохранились в Государственном архиве Архангельской области. В уезде существовала сеть собственных учреждений, подчиненных губернским структурам (полицейское управление во главе с уездным исправником; казначейство, чиновник по крестьянским делам и т. д.). Низший уровень был представлен самоуправлением — городским, волостным и сельским.

Революция 1917 года нарушила старую систему управления. В период Гражданской войны (июнь 1918 г. — февраль 1920 г.) на Мурмане произошел антибольшевистский переворот, в результате чего край отделился от Советской России. Местная власть, таким образом, в этот период подменила собой высшую власть. С июня по август 1918 г. ее

носителями были Мурманский краевой Совет и союзное военное командование. Распорядительные акты Мурманского краесовета опубликованы в сборнике «Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане» (Мурманск, 1960), а также в газете «Известия Мурманского краевого Совета». В августе 1918 года Мурманский край вошел в состав Северной области с центром в Архангельске, следствием чего стало упразднение в октябре Краевого Совета и распространение на Кольский Север власти антибольшевистского Временного правительства Северной области (ВПСО). Законодательные акты ВПСО, изданные до августа 1919 г., были опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений Верховного Управления и Временного Правительства Северной области». Последующие акты, выходившие вплоть до падения Области в феврале 1920 года, можно проследить по «Вестнику ВПСО».

Распорядительные документы размещенных на Кольском Севере структур ВПСО печатались в газете «Мурманский вестник».

В течение всей Гражданской войны на территории Северной области действовали и издавали свои постановления органы земского самоуправления. Необходимо учитывать, что земства были учреждены в Архангельской губернии только в 1917 году, спустя 53 года после первой земской реформы Александра II (1864 г.), а упразднены в 1920 году, с установлением Советской власти. Фонды земских управ, действовавших на территории Кольского Севера, неплохо сохранились в Государственном архиве Мурманской области.

В советский период Кольский Север, вернувшись в состав России, обретает административную самостоятельность от Архангельска. В 1921—1927 гг. существовала Мурманская губерния. В 1927—1938 гг. — Мурманский округ в составе Ленинградской области. 28 мая 1938 года была образована ныне существующая Мурманская область.

Законодательно-распорядительная документация советского периода издавалась Советами. Решения и постановления съездов Советов, президиумов и исполкомов Советов публиковались в местной периодической печати. В 1920—30-е гг. появился опыт обнародования таких документов в брошюрованном виде. С началом издания «Бюллетеня Мурманского областного Совета депутатов трудящихся»

(в 1940 г.) такая практика в Мурманской области стала регулярной.

Управление промышленностью Мурманской области осуществляли соответствующие отраслям министерства, расположенные в Москве. В 1957 году по хрущевской реформе большинство министерств было упразднено. Функции управления переходили к советам народного хозяйства (совнархозам), учреждавшимся в регионах. Был создан и Мурманский совнархоз, курировавший промышленность общегосударственного значения. В то же время местную промышленность и социальную сферу традиционно опекал исполком Мурманского областного Совета депутатов. В 1965 году совнархозы были ликвидированы, а министерства вновь восстановлены. Документальный фонд Мурманского совнархоза (Р-902) хранится в Государственном архиве Мурманской области.

Советы депутатов и совнархозы в СССР были подконтрольны Коммунистической партии. Изучение партийных документов (решений и постановлений партийных конференций, пленумов и бюро комитетов партии и т. д.) важно для изучения государственной идеологии. Местные партийные решения, в отличие от советских, публиковались редко. Чаще всего областная газета «Полярная правда» сообщала самую общую информацию о содержании этих документов. Многие документы вообще не предназначались для широкой огласки. Их тексты ныне отложились в Архивохранилище новейшей политической истории Государственного архива Мурманской области.

С распадом СССР в очередной раз изменяется система местного управления. В 1991—1996 гг. высшим должностным лицом в регионе являлся глава администрации Мурманской области. С принятием Устава Мурманской области в 1997 году исполнительную власть осуществляет губернатор и подчиненное ему Правительство Мурманской области. Постановления губернатора и областного правительства публикуются в газете «Мурманский вестник».

Мурманский областной Совет просуществовал до 1993 года. С 1994 года местным органом законодательной власти является Мурманская областная дума. Законы и постановления Мурманской областной думы публикуются в «Сбор-

нике законов Мурманской области» (издается с 2001 года) и «Ведомостях Мурманской областной думы» (с 2000 г.).

В документальном массиве органов государственной власти и управления законодательно-распорядительные документы самые существенные, однако по количеству они заметно уступают **делопроизводственным документам**, которыми наполнены архивные фонды всех учреждений власти и управления. К ним относится все многообразие документов, которое предшествует принятию решения (аналитические записки, письма, отчеты, обзоры, докладные, проектная документация и т. д.).

В отличие от предельно лаконичной распорядительной документации, делопроизводственные материалы обычно насыщены информацией. Они позволяют изучать взаимоотношения в среде чиновничества и сам механизм принятия решения. Для этого нужно реконструировать «маршруты» движения документов по инстанциям, чему помогают проставляемые руководителями на документах визы согласования и резолюции.

Наконец, еще одну группу материалов составляют **речи, статьи, записки государственных деятелей**, в которых упоминается Кольский полуостров. Эти документы позволяют изучить имидж региона в глазах высшего чиновничества, идеологию государства в отношении заполярной окраины.

Один из первых подобных документов появился еще в XIX веке. Это доклад министра финансов России С. Ю. Витте, поданный им в августе 1894 года Александру III, с предложением о строительстве военного порта в Кольском заливе. Доклад был опубликован в 1924 году М. К. Соколовским.

Множество документов высших государственных деятелей, касающихся Кольского полуострова, дошло от советского периода. Это речи, статьи и письма В. И. Ленина, И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. И. Микояна, В. В. Куйбышева, А. А. Жданова и других деятелей о защите Мурмана и развитии его производительных сил. В послевоенный период появились так называемые «наградные речи», произносившиеся приезжавшими на Кольский полуостров высшими чиновниками при вручении государственных наград. Среди них — речи секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко при вручении Мурманской области ордена Ленина (1966 г.), председате-

ля КГБ СССР Ю. В. Андропова при вручении Мурманску ордена Трудового Красного Знамени (1971 г.), министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова при вручении Мурманску ордена Отечественной войны I степени (1983 г.), Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева при вручении Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (1987 г.) и др.

Среди публичных выступлений местных руководителей важным источником являются произносившиеся с примерной периодичностью в 2—3 года отчетные доклады первого секретаря Мурманского обкома КПСС на областной партийной конференции и председателя Мурманского облисполкома на сессии областного Совета, публиковавшиеся впоследствии в областной газете «Полярная правда». Практиковались также выступления высших чиновников области и на сессиях Верховных Советов СССР и РСФСР в Кремле, тексты которых печатались затем в сборниках материалов сессий и центральных газетах «Известия» и «Советская Россия». К этой же группе можно отнести публицистические статьи первых секретарей обкома партии и председателей облисполкома в периодической печати.

Дипломатические документы

Для истории Кольского Севера, имеющего приграничное положение, огромное значение играют дипломатические документы.

Прежде всего, это **международные договоры**, которые заключала Россия со странами Северной Европы. Один из первых договоров был, по-видимому, заключен Новгородом с Норвегией. Но полный текст его не сохранился — дошла лишь так называемая Разграничительная, или Рунная грамота, которая не датирована. Грамота учреждает общий русско-норвежский округ взимания дани с саамов с включением в него территорий, соответствующих современному Кольскому полуострову и Финмарку. Известно, что двоеданство саамов в пределах этого округа сохранялось до начала XVII века. Однако не решена проблема времени его возникновения. Исследователи выдвигали различные датировки Рунной грамоты. Так, например, впервые опубликовавший на русском языке текст этой грамоты П. Г. Бутков относил дату ее создания к рубежу IX—X веков, Н. М. Карамзин — к рубежу X—XI веков, И. П. Шаскольский — к

1251 году, норвежский историк П. Мунк — к 1326 году, немецкий историк А. Шлецер — к началу XV века.[11]

В числе других международных трактатов, касающихся Кольского Севера, — договор Новгорода с Норвегией 1326 года, Тявзинский мирный договор России со Швецией 1595 года, русско-шведская конвенция «О границах между Россией и Норвегией в лапландских погостах» 1826 года, советско-финляндские договоры 1920 и 1940 годов, Киркенесская декларация о сотрудничестве в Баренцевом Евроарктическом регионе 1993 года и др.

Своеобразными международными договорами являются также «Словесное соглашение» и «Временное, по особым обстоятельствам, соглашение», заключенные Мурманским Советом с представителями Антанты соответственно в марте и июле 1918 года. Несмотря на незаконность вторжения местных властей во внешнеполитическую сферу государства, эти соглашения стали обоснованием начала интервенции Антанты на Мурмане, выявив тем самым видоизменение в правовом поле в период революции понятия легитимности.

К документам международного характера относится и дипломатическая переписка, хранящаяся в Архиве внешней политики России в Москве и в зарубежных архивах. Среди уже опубликованных документов есть и относящиеся к Кольскому Северу.

Так, весьма значительную переписку российского правительства в конце XVI — начале XVII века вызвал «лапландский спор» с Данией — проблема территориальной принадлежности земель, где проживали саамы (Лапландии). Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (Т. IX. Глава VII) впервые опубликовал один из документов из этой обширной переписки — послание Ивана Грозного английской королеве Елизавете Тюдор с просьбой о военной помощи против короля Дании Фредерика II, который, по словам Ивана Грозного, «вступается ныне в Колу и Печенгу, древнюю собственность моего отечества».

В конце XIX века Ю. Н. Щербачев издал основной массив документов переписки по «лапландскому вопросу», найдя

[11] Подробнее о проблеме датировки Рунной грамоты см. в статье И. П. Шаскольского «Договоры Новгорода с Норвегией» (Исторические записки. — М., 1945 — Т. 14).

ее в Копенгагенском государственном архиве. Причем, русские акты опубликованы им в полном виде, а датские — только в обзоре. Судя по «датскому архиву» Ю. Н. Щербачева, в переписке по «лапландскому вопросу» активное участие, кроме Ивана Грозного, принимали все последующие русские монархи, вплоть до Михаила Федоровича. А с датской стороны — короли Фредерик II и сменивший его Христиан IV. Переписка велась также царскими послами и кольскими воеводами с наместниками Дании в Норвегии.

Часть дипломатической переписки советского руководства с правительствами стран Антанты за 1918 год, касающейся проблемы присутствия союзнических войск на Мурмане в условиях Брестского мира с Германией, опубликована в сборнике «Документы внешней политики СССР».

В отдельном сборнике опубликована и обширная переписка И. В. Сталина с главами стран антигитлеровской коалиции (США и Великобритании) в период Второй мировой войны. Особое место в ней занимает проблема арктических конвоев.

Дипломатическая переписка, содействующая послевоенному урегулированию режима государственной границы СССР с Норвегией, вошла в сборник документов «Советско-норвежские отношения, 1917—1955», изданный Институтом всеобщей истории РАН совместно с норвежскими учеными.

Документы мореплавания и судоходства

Для Кольского Севера, омываемого морями, немаловажное значение играют материалы мореплавания и судоходства. К ним относится судовая документация — морские лоции, судовые журналы, судовые роли (штатные расписания экипажа) и т. д. Так, например, одну из старейших поморских лоций, обнаруженных на Терском берегу, в 1980 году опубликовала Г. П. Гемп. Старейший судовый журнал дошел до нас от английской экспедиции Х. Виллоуби, погибшей на Мурманском берегу в XVI веке. С ним можно познакомиться по публикации в сборнике «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Часть судовой документации осела в местных архивах.

К этой же группе источников принадлежат документы судоходства — журналы регистрации движения судов в морских портах.

Материалы учета и статистики (XVI—XX вв.)

Важнейшей функцией управления является контроль, производимый с помощью учета. Разнообразные материалы учета, проводившегося на Кольском Севере, дают сведения о населении, его занятиях, развитии хозяйства за довольно обширный отрезок времени, начиная с XVI века.

Материалы учета можно классифицировать по видам.

Одним из самых ранних учетных документов являются **писцовые и переписные книги**, составлявшиеся по распоряжению правительства в XVI—XVII веках царскими писцами для налогообложения податного населения и содержавшие разнообразные сведения по демографии, экономике, географии, о вооруженных силах, укреплениях в крае. Первое описание Кольского уезда осуществили двинские писцы Я. Романов и Н. Пятунин в 1563 г. — известна «сотная» из этой книги на волость Варзугу. Этот документ опубликован в «Сборнике грамот Коллегии экономии» (том 1, № 165).

В 1574 г. Василий Агалин составил первую писцовую книгу Кольского уезда, однако от нее сохранились только фрагменты. Тогда же В. Агалин провел опись Варзужской волости, от которой дошла «сотная» 1575 г. на волость Варзугу (опубликована в «Сборнике материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.»).

В 1608—1611 гг. была составлена «Дозорная книга Кольского острога, уезда, лопских погостов и поморских волостей письма и дозора Алая Ивановича Михалкова и дьяка Василия Мартемьянова». Эта книга сохранилась. Ныне оригинал находится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). В 1890 г. почти весь текст писцовой книги А. Михалкова, за исключением сведений о Ковдской волости, был опубликован Н. Н. Харузиным.

По истечении ряда лет правительство проводило проверку наличия налогоплательщиков, вносило уточнения в прежние писцовые книги. Так появлялись переписные книги. Поскольку до начала XVIII в. весь Терский берег с Варзугой и Умбой относились к Двинскому уезду, их перепись осуществляли отдельно от Кольского уезда.

В XVII в. переписи терских волостей проводились: в 1622—1624 гг. (писцовая книга Мирона Вельяминова), в

1646—1647 гг. (переписная книга Ивана Философова), в 1678 г. (переписная книга Афанасия Фонвизина). Книги сохранились, фрагменты из них опубликованы в «Сборнике грамот Коллегии экономии» (т. 2, № 105). В 1678—1679 гг. были описаны крестьяне и терские лопари патриарших вотчин на Терском берегу (переписная книга Богдана Ощерина, хранящаяся в РГАДА).

В Кольском уезде переписи проводились: в 1647—1648 гг. (переписная книга Леонтия Азарьина, хранящаяся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН), в 1678—1679 гг. (переписная книга Льва Секирина, оригинал хранится в РГАДА), в 1710 г. (книга хранится в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН).

Кроме того, в 1623—1624 гг. была составлена «Роспись лопарским погостам», в которой показана картина расселения лопарей (опубликована в «Сборнике материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.»).

В XVIII веке правительством вводится более регулярный, чем составление писцовых и переписных книг, способ учета населения — «ревизия», действовавший с 1719 по 1860 гг. За это время было проведено 10 ревизий. В комплекс региональных материалов ревизского учета входят: **ревизские сказки** (первичные материалы ревизского учета, своего рода анкета, заполнявшаяся на каждую семью) и **перечневые ведомости** (сводные данные по уездам и губерниям). Поскольку материалы по Кольскому уезду направлялись в губернский центр Архангельск, они сохранились в Государственном архиве Архангельской области (ГААО). В фонде 51 собраны ревизские материалы за 1782—1857 гг. (4—10 ревизии).

С XVIII века учет населения проводила и церковь. В обязанность священнослужителей всех приходов вменялось ведение **метрических книг**, в которых регистрировались акты рождения, смерти и бракосочетания местных жителей. В ГАМО хранится коллекция метрических книг за период с XVIII века до 1920 г. Самые старые из них — по Варзужскому и Кузоменскому приходам, составлены в 1783—1820 гг. Ряд книг по Кольскому уезду отложился в ГААО (ф. 29). Метрические книги являются важным источником для изучения генеалогии, сословного устройства, демографической,

санитарно-эпидемиологической обстановки в том или ином населенном пункте. По материалам метрических книг нами предпринята реконструкция старинного кладбища в городе Кола.

На Мурманском берегу проживало не только русское население, но и со второй половины XIX века — норвежцы и финны, исповедовавшие лютеранскую веру. Учет этого населения проводился финскими священниками тоже в метрических книгах. Материалы этих книг за период с 1880 по 1917 г. были опубликованы на русском языке М. Иентофтом в 2002 г. В ГАМО сохранились метрические книги по Лютеранскому приходу за 1915—1917 гг. (ф. И-136, д. 77).

После установления Советской власти на Мурмане, как и во всей стране, учет населения осуществлялся с помощью записей актов «гражданского состояния», осуществляемых специальными подразделениями местных Советов (а ныне — администраций).

Особую группу материалов учета составляют приходо-расходные, вкладные, торговые и таможенные книги.

Приходо-расходные книги велись монастырями, различными учреждениями с целью учета поступающих доходов и проводимых ими трат. И. Ф. Ушаков отмечал, что «приходо-расходных книг, относящихся к Кольскому Северу, дошло до нас немного». Главным образом они встречаются в фонфах монастырских архивов. Так, в Государственном архиве Мурманской области наиболее ранним документом является книга сбора соляных пошлин 1646 г., отложившаяся в фонде Трифоно-Печенгского монастыря (№ 87-И). К этому же виду относится и «Книга расходная Кольского батальона выборных старост Артемья Ефремова с товарищи» 1721—1722 гг. В 1983 г. были опубликованы приходные книги Новгородской четверти за 1619—1620 гг. и 1620—1621 гг., в которых есть сведения о поступлении налогов с Кольского уезда, а также с Терского берега, входившего в Двинской уезд.

Во **вкладных книгах**, заводившихся в монастыре или в церковном приходе, делались записи о поступающих пожертвованиях. Этот источник также немногочисленен. В архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН хранится Вкладная книга Кандалакшского монастыря 1563—1718 гг. (коллекция 115, № 900). Записи о пожертвованиях монастырю, как отмечал И. Ф. Ушаков, «да-

ют разнообразную информацию о жизни населения Кольского Севера».

Торговые книги заводились торговцами для учета ценовой конъюнктуры. До нас дошла «Книжка описательная, как о молодым людем торг вести и знати всему цену, и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые», составленная служителями купцов Строгановых в 1575 году и дополненная новыми сведениями в 1610 году. Книга содержит обширные сведения о мурманском торге и, в особенности, о российско-голландских торговых отношениях на Мурманском берегу. Она опубликована в 1850 г.

В **таможенных книгах** вносились записи о привезенных товарах с указанием взятых с них пошлин. Известны две кольские таможенные книги — 1710 и 1719 годов. Первая из них была составлена Кольским бурмистром Андреевым-Пушкаревым и хранится ныне в архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (ф. 10, оп. 3, № 71).

Вторая книга, более полная, велась «надзирателем» Яковом Жеребцовым; хранится в РГАДА (ф. 829, № 908). В ее состав входят книги волостных отделений Кольской таможни (Кандалакшского, Ковдского, Порьегубского и Керетского), а также «приемная книга, что принята вина, солоду и хмелю» и «тетрадь записная збору привальных и отвальных денег» с мореходных судов у «Кольской береговой пристани». Первое научное описание этим источникам дал И. Ф. Ушаков.

В Государственном архиве Мурманской области сохранились учетные материалы Кольского таможенного поста, относящиеся к XIX веку, Ковдской и Умбской таможенных застав конца XIX — первой трети XX века, Мурманской таможни (с. 1916 г.).

Материалы учетной документации крайне разнообраны. На лесопильных заводах А. Бергрена и К. А. Стюарта в селе Ковда существовала своя система учета, включающая книги главные, кассовые, расчетно-материальные, товарные, учета заготовки, сплава и распиловки бревен, учета работ, проводившихся на лесозаводах, прихода и расхода товаров (ныне они хранятся в ГАМО).

В фонде Трифоно-Печенгского монастыря в ГАМО (№ 87-И) неплохо сохранились ежегодные ведомости учета за 1892—1915 гг.: о числе жителей монастыря по сословиями вероисповеданию, о числе ремесленников, о числе учащихся в монастырской школе, о посеве и урожае картофеля и лука, о численности скота и др. Материалы этих ведомостей были опубликованы нами в 1996 г.

Наряду с учетными материалами, с XVIII века начинает развиваться новая группа источников, называемая **статистикой.** В отличие от учетной документации, обычно обеспечивающей реализацию уже принятых решений, статистические данные собираются для выработки управленческих решений вплоть до долговременной политики в той или иной сфере. Статистике свойственная научность, обеспечение условия репрезентативности (сопоставимости) данных при их сравнении, регулярность сбора сведений. Элементы статистики просматриваются уже в «ревизиях» и метрическом учете церкви. Становление статистики отображало процесс усложнения задач государственного управления.

Первые статистические опыты на Кольском Севере были связаны с проведением описаний Архангельской губернии, предпринятых по заказу губернского начальства. Их было проведено несколько: в 1785—1786 гг. (Т. Тутолмин), 1802 г. (А. Пошман), 1813 г. (К. Молчанов), 1845 г. (И. Пушкарев), 1849 г. (В. Верещагин). Публиковавшиеся описания включали в себя разнообразные сведения о природе, населении, хозяйстве, бытовом укладе местных жителей. Административный центр Кольского уезда — город Кола удостоился самостоятельных, изданных в Петербурге, статистических описаний, выполненных Н. Я. Озерецковским (1771—1772 гг.) и М. Ф. Рейнеке (1826—1829 гг.).

Со второй половины XIX века усиленное внимание статистики начинают испытывать на себе рыбные промыслы Кольского Севера. Сбором материалов занимались известный в будущем философ Н. Я. Данилевский (1859—1861 гг.), В. Р. Гулевич (1881—1882 гг.), В. Л. Кушелев (1884 г.), Л. И. Подгаецкий (1890 г.), Н. Н. Макшеев (1891 г.), Н. В. Максимов (1892 г.), Н. М. Книпович (1893—1894, 1898—1901 гг.), А. Г. Слезкинский (1894—1896 гг.), А. К. Сиденснер (1896, 1909 гг.), Л. Л. Брейтфус (1902—1908 гг.), Р. П. Якобсон (1910 г.). Их труды были опубликованы.

К сожалению, Архангельская губерния, не имевшая до революции земств, не знала земской статистики. Однако по ее образцу в 1899 году было проведено крупнейшее в дореволюционный период статистическое исследование Мурманского берега. Группа статистиков под руководством ссыльного социал-демократа Н. В. Романова описала 436 домохозяйств, 8 факторий, 669 промысловых предприятий, 55 торговых и 36 промышленных заведений, 130 торговых судов, более тысячи артелей и судовых команд. «Материалы по Статистическому исследованию Мурмана» были изданы в Петербурге, составив 4 объемных тома.

Летом 1910 г. обстоятельное описание северного Беломорья провел Р. П. Якобсон. В опубликованном его труде более двухсот страниц с картами, планами и фотоснимками.

Статистический материал о Кольском Севере собирался не только с помощью инициативных исследований, но и в ходе регулярного статистического наблюдения, которое обеспечивали здесь постоянные статистические службы. Еще в 1835 г. был учрежден Архангельский губернский статистический комитет, который занимался статистическими исследованиями на всей территории губернии, включая и Кольский уезд. Ценными источниками являются издававшиеся ежегодно «Отчеты Архангельского губернского статистического комитета» (1865—1915 гг.). С 1880 г. ежегодно стали издаваться «Обзоры Архангельской губернии» на основе годовых отчетов губернаторов. В 1921 году, с созданием Мурманской губернии, на Кольском Севере появился собственный статистический орган.

С конца XIX века важнейшей функцией статистических служб стало проведение переписей населения. Переписи проводились по всей стране в 1897, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 2003 гг. Их материалы опубликованы.

Кроме всеобщих переписей, существовали локальные переписи, охватывающие один или несколько регионов. Практика проведения локальных переписей стала постоянным явлением в 1920-е г., когда в Советском государстве осуществлялась новая экономическая политика. Так, в 1921—1922 гг. Северная научно-промысловая экспедиция провела сплошную похозяйственную и промысловую перепись колонистов и пришлых рыбопромышленников Мурманского берега. Ее материалы были опубликованы в 1926 г. Н. В. Воленс.

В фонде Трифоно-Печенгского монастыря в ГАМО (№ 87-И) неплохо сохранились ежегодные ведомости учета за 1892—1915 гг.: о числе жителей монастыря по сословиями вероисповеданию, о числе ремесленников, о числе учащихся в монастырской школе, о посеве и урожае картофеля и лука, о численности скота и др. Материалы этих ведомостей были опубликованы нами в 1996 г.

Наряду с учетными материалами, с XVIII века начинает развиваться новая группа источников, называемая **статистикой.** В отличие от учетной документации, обычно обеспечивающей реализацию уже принятых решений, статистические данные собираются для выработки управленческих решений вплоть до долговременной политики в той или иной сфере. Статистике свойственная научность, обеспечение условия репрезентативности (сопоставимости) данных при их сравнении, регулярность сбора сведений. Элементы статистики просматриваются уже в «ревизиях» и метрическом учете церкви. Становление статистики отображало процесс усложнения задач государственного управления.

Первые статистические опыты на Кольском Севере были связаны с проведением описаний Архангельской губернии, предпринятых по заказу губернского начальства. Их было проведено несколько: в 1785—1786 гг. (Т. Тутолмин), 1802 г. (А. Пошман), 1813 г. (К. Молчанов), 1845 г. (И. Пушкарев), 1849 г. (В. Верещагин). Публиковавшиеся описания включали в себя разнообразные сведения о природе, населении, хозяйстве, бытовом укладе местных жителей. Административный центр Кольского уезда — город Кола удостоился самостоятельных, изданных в Петербурге, статистических описаний, выполненных Н. Я. Озерецковским (1771—1772 гг.) и М. Ф. Рейнеке (1826—1829 гг.).

Со второй половины XIX века усиленное внимание статистики начинают испытывать на себе рыбные промыслы Кольского Севера. Сбором материалов занимались известный в будущем философ Н. Я. Данилевский (1859—1861 гг.), В. Р. Гулевич (1881—1882 гг.), В. Л. Кушелев (1884 г.), Л. И. Подгаецкий (1890 г.), Н. Н. Макшеев (1891 г.), Н. В. Максимов (1892 г.), Н. М. Книпович (1893—1894, 1898—1901 гг.), А. Г. Слезкинский (1894—1896 гг.), А. К. Сиденснер (1896, 1909 гг.), Л. Л. Брейтфус (1902—1908 гг.), Р. П. Якобсон (1910 г.). Их труды были опубликованы.

К сожалению, Архангельская губерния, не имевшая до революции земств, не знала земской статистики. Однако по ее образцу в 1899 году было проведено крупнейшее в дореволюционный период статистическое исследование Мурманского берега. Группа статистиков под руководством ссыльного социал-демократа Н. В. Романова описала 436 домохозяйств, 8 факторий, 669 промысловых предприятий, 55 торговых и 36 промышленных заведений, 130 торговых судов, более тысячи артелей и судовых команд. «Материалы по Статистическому исследованию Мурмана» были изданы в Петербурге, составив 4 объемных тома.

Летом 1910 г. обстоятельное описание северного Беломорья провел Р. П. Якобсон. В опубликованном его труде более двухсот страниц с картами, планами и фотоснимками.

Статистический материал о Кольском Севере собирался не только с помощью инициативных исследований, но и в ходе регулярного статистического наблюдения, которое обеспечивали здесь постоянные статистические службы. Еще в 1835 г. был учрежден Архангельский губернский статистический комитет, который занимался статистическими исследованиями на всей территории губернии, включая и Кольский уезд. Ценными источниками являются издававшиеся ежегодно «Отчеты Архангельского губернского статистического комитета» (1865—1915 гг.). С 1880 г. ежегодно стали издаваться «Обзоры Архангельской губернии» на основе годовых отчетов губернаторов. В 1921 году, с созданием Мурманской губернии, на Кольском Севере появился собственный статистический орган.

С конца XIX века важнейшей функцией статистических служб стало проведение переписей населения. Переписи проводились по всей стране в 1897, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 2003 гг. Их материалы опубликованы.

Кроме всеобщих переписей, существовали локальные переписи, охватывающие один или несколько регионов. Практика проведения локальных переписей стала постоянным явлением в 1920-е г., когда в Советском государстве осуществлялась новая экономическая политика. Так, в 1921—1922 гг. Северная научно-промысловая экспедиция провела сплошную похозяйственную и промысловую перепись колонистов и пришлых рыбопромышленников Мурманского берега. Ее материалы были опубликованы в 1926 г. Н. В. Воленс.

В 1925 г. Мурманское губстатбюро проводило статистическое исследование трескового промысла на Восточном и Западном Мурмане. Его результаты были обобщены и опубликованы В. К. Алымовым в 1926 г.

Более обширная Похозяйственная перепись проводилась в 1926—1927 гг. в полосе «Приполярного Севера СССР» (от Мурмана до Сахалина). Она позволила обследовать состояние промыслового хозяйства как русского населения, так и коренных малочисленных народов. Материалы переписи были опубликованы в 1929 г.

Тогда же, в 1929 г., было издано «статистико-экономическое описание» Мурманского округа.

Большевистская индустриализация и переход к жесткому планированию в конце 1920-х г. превратило статистику в средство политической пропаганды. По воспоминаниям ветеранов мурманской статистики, в этот период у них, как и по всей стране, появился двойной стандарт вычисления статистических показателей: для широкого обнародования допускающий исправления в сторону улучшения, а для власти (закрытые специальным грифом) — без исправления. Хотя тотальная зависимость от плана приводила к искажениям статистических показателей еще до их поступления в статслужбу, на предприятиях и учреждениях.

Поэтому статистические сведения того периода содержат неточности и явные ошибки и требуют критического к себе отношения.

А кроме того, несовершенной была сама система выявления отдельных статистических показателей. Так, первый руководитель «Севрыбхолодфлота» Г. М. Бородулин вспоминал о несовершенстве бытовавшей в послевоенные годы методики учета производительности труда на флоте: «В соответствии с какой-то ветхозаветной инструкцией, — писал он, — в валовую продукцию флота, являвшуюся исходной для определения общей по флоту производительности труда, включалась только стоимость выработанной плавучими базами рыбной продукции. Тарифы же за услуги по транспортировке различных грузов при этом не учитывались(?!). Таким образом, складывалось абсурднейшее положение: заработанные транспортными судами тарифы в общий обсчет валовой продукции по флоту не входили, а численность их судоэкипажей при обсчете производительности труда учиты-

валась... Получалось так, что плавучие базы и производственные рефрижераторы как бы должны были «обрабатывать» транспортные суда».

В 1920—30-х гг. был расспространен такой способ обнародования статистики, как публикация ее в отчетах (или в приложении к отчету) местных Советов. Среди таких материалов, например, — брошюры «Краткий отчет Мурманского губернского исполнительного комитета VII-му Губернскому съезду Советов (за 1925—1926 гг.)» (Мурманск, 1927); «Основные вопросы хозяйственного и культурного строительства Мурманского округа Ленинградской области. К докладу Ленинградского облисполкома Совнаркому СССР (декабрь 1931 г.)» (Л., 1931); «Четыре года советской работы за Полярным кругом. Отчет Хибиногорского городского Совета РК и КД о работе за время 1931—1934 гг.» (Хибиногорск, 1934); «Мурман от VI к VII съезду Советов СССР (1931—1934 гг.). Материалы к отчету Мурманского окрисполкома IV окружному съезду Советов» (Мурманск, 1934) и др.

С конца 30-х гг. в практику статистической службы входит подготовка и издание сводных статистических справочников, обобщающих статистику за годы и целые десятилетия, таких, как «Народное хозяйство Мурманской области за 1934—1939 гг.» (Мурманск, 1939), «Народное хозяйство Мурманской области» (Мурманск, 1957), «Мурманская область. Города и районы» (спецвыпуск «Блокнота агитатора». — Мурманск, 1957), «Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти» (Мурманск, 1967), «Народное хозяйство Мурманской области за 60 лет со дня образования СССР» (Мурманск, 1982).

Основные статистические сведения по Мурманской области заносились и в общероссийский ежегодный справочник «Народное хозяйство РСФСР в... году» (издавался в 1959—1990 гг.). Его материалы позволяют проанализировать развитие края на фоне других регионов.

Постепенно мурманская статистическая служба расширяла перечень статпоказателей, подлежащих ежегодной публикации. В 1990-е гг. это привело к появлению целой системы местных ежегодных статистических изданий, сдающихся на обязательное хранение в Мурманскую областную научную библиотеку. Ежегодные статистические данные публи-

ковались и в периодической печати, в частности, в региональной газете «Полярная правда».

Периодическая печать

Кроме статистических сведений, периодическая печать сообщает самую разнообразную информацию о жизни края.

Главное ее преимущество — издательская мобильность и большая информационная вместимость. Вместе с тем информация, содержащаяся в периодической печати, далеко не безупречна. Она может быть подвержена влиянию со стороны учредителей изданий и журналистов, содержать фактические ошибки и, как следствие, искажаться до неузнаваемости.

Так, например, ни одна из советских газет не написала о произошедшем в июле 1962 г. инциденте на Центральном стадионе Мурманска, где многотысячная толпа, не довольная нехваткой хлеба и промышленных товаров в магазинах, криками сорвала речь приехавшего в город Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева. Советская пресса, вся без исключения являвшаяся официозом КПСС, не могла допустить публичного оскорбления вождя. Но слухи о происшествии мгновенно распространились. Спустя несколько десятилетий эту историю запечатлели уже историки и мемуаристы.

Правда, периодическая печать не всегда изменяла истине. В большинстве случаев она несет море достоверной информации. В особенности она открывает большие возможности для изучения политической идеологии.

До 1917 года собственных периодических изданий на Кольском Севере не существовало. Лишь частичное отображение жизнь края находит в периодике, выходившей в губернском центре Архангельске. С 1838 г. издавалась официальная региональная газета «Архангельские губернские ведомости», с 1885 г. — церковный журнал «Архангельские епархиальные ведомости». После первой русской революции число периодических изданий в Архангельске увеличилось. Появляются газеты разных политических направлений — правого («Голос Севера»), либерального («Архангельск»), левого («Северный листок»). В 1907—1909 гг. в городе Варде на севере Норвегии российскими социал-демократами издавалась «политическая и промысловая газета» «Мурман», распространявшаяся среди рыбопромышленного населения

Мурманского берега. Всего вышло 13 номеров, 12 из которых в виде копий хранятся в областном краеведческом музее.

С 1909 г. в Архангельске издавался журнал «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера», печатавший множество краеведческих материалов.

Своя периодическая печать появляется на Кольском Севере в период революции 1917 г. с выходом газеты «Известия Мурманского Совета». Во время Гражданской войны местным органом Временного правительства Северной области являлась газета «Мурманский вестник». На ее страницах, кроме разнообразных новостей, печатались официальные документы архангельского правительства и мурманской администрации.

В советский период, в межвоенные десятилетия (1920—30-е гг.), на Кольском полуострове становится целая система периодической печати. Во-первых, главной региональной газетой, органом региональных властей, стала «Полярная правда». Во-вторых, появляются свои газеты во всех районах и городах Кольского Севера (Мончегорск, Кировск, Кола, Кандалакша, Териберка, Умба, Ловозеро, Полярный). В-третьих, газеты-многотиражки (в отличие от стенгазет, они имели «большой» тираж) начинают издавать крупные предприятия — трест «Мурманрыба» и Мурманское морское пароходство. Кроме того, с конца 30-х гг. и в течение всей войны на Кольском Севере печатаются военные газеты — Северного флота («Краснофлотец») и 14-й армии («Часовой Севера»).

В 1920—30-е гг. существовал интересный опыт издания региональных журналов, таких, как «Красный Мурман», «Вестник Мурмана», «Карело-Мурманский край» и др., в Ленинграде. Несмотря на такую оторванность редакций, журналы обстоятельно освещали жизнь регионов, по которым проходила Мурманская железная дорога, активно привлекали и местных авторов.

Послевоенный период в развитии периодической печати отмечен появлением газет в новых районах Кольского полуострова (Печенгский, Ковдорский, Североморский), а также увеличением числа «многотиражек».

В 90-е гг. произошла рокировка в газетной иерархии: «Полярная правда» превратилась в независимую газету, а

главным официальным периодическим изданием региона стал «Советский Мурман», переименованный в 1993 г. в «Мурманский вестник».

В последнее время в Мурманской области появилось много новых периодических изданий (в том числе журналов), а также газет-однодневок, издающихся с агитационными целями в период предвыборных компаний.

Сегодня в распоряжении исследователей истории Кольского Севера — большой корпус периодической печати[12] (около 100 наименований более-менее стабильных изданий). Дореволюционные издания отложились в архангельских хранилищах. Тогда как периодика Кольского Севера в значительном объеме сохранилась в Государственном архиве Мурманской области, областном краеведческом музее и областной научной библиотеке.

Публицистика Периодическая печать неотделима от публицистики. Публицистика призвана выражать мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой проблеме.

Кольский Север оказался в поле зрения публицистов в XIX веке, когда ни своей периодической печати, ни тем более своих публицистов в крае еще не было. Но проблемы Севера волновали либерально настроенную общественность Петербурга, Москвы и Архангельска. На страницах журналов и газет и даже отдельными книгами выходили колючие публицистические очерки о весьма слабом развитии мурманских рыбных промыслов в сравнении с богатым норвежским Финмарком, о нищенской жизни лопарей и их «вымирании». Среди наиболее крупных публицистов, поднимавших эти острые проблемы, — М. К. Сидоров, В. Р. Гулевич, В. Л. Кушелев, В. И. Маноцков, А. Г. Слезкинский, Г. Ф. Гебель, К. Ю. Спаде.

С установлением Советской власти публицистика стала важнейшим рычагом пропаганды идеологического курса Коммунистической партии. Стройки Кольского Заполярья 1920—50-х гг. давали публицистам колоритные образы уникального опыта построения социализма за Полярным кругом. Поэтому за материалами к публицистическим очеркам на Мурмане в те годы приезжали известные журналисты и

[12] Мы уверены, что составленный нами указатель периодических изданий далеко не полный. (См. с. 206—211).

писатели — А. М. Горький, А. Н. Толстой, К. Г. Паустовский, А. Гайдар, К. А. Федин, И. С. Соколов-Микитов, И. И. Катаев, Т. Тэсс, М. С. Шагинян и др.

Кроме очеркового жанра, появляется и поэтическая публицистика. Так, например, Владимир Маяковский в одном из своих стихотворений сожалел о возвращении английских траулеров, задержанных советскими пограничниками за незаконный лов рыбы у Мурманского побережья. Он считал, что траулеры пригодились бы и в России, потому что «Мурман бедный», «нужны ему дюже», а в Англии «тралерами хоть пруд пруди». Поэты Л. Ошанин и А. Решетов воспевали на Хибинской стройке труд советского человека.

Особую группу составляет публицистика периода Великой Отечественной войны. О мужестве и стойкости защитников Кольского Севера в годы ожесточенных боев с гитлеровцами писали К. М. Симонов, И. Эренбург, В. Каверин, Ю. Герман, И. Я. Бражнин, А. М. Дунаевский, С. И. Бессуднов, В. П. Беляев, Р. Л. Троянкер и др.

Послевоенный период развития публицистики характеризуется, с одной стороны, медленным усилением ее самостоятельности и независимости от государственной идеологии, чему особенно способствовали хрущевская «оттепель» и горбачевская «перестройка», а с другой стороны, появлением в Мурманской области профессионального корпуса местных журналистов и публицистов. Само увеличение числа региональных периодических изданий, создание областного книжного издательства также в немалой степени способствовали развитию публицистики.

Исходя из этого, в местной публицистике все заметнее становилась дифференциация: с одной стороны, довоенные традиции сохраняло партийно-идеологическое крыло публицистов, специализирующееся на агитации и пропаганде; с другой стороны, набирало вес крыло общественной публицистики, поднимавшей самые разные насущные проблемы жизни. Впрочем, дифференциация была едва заметна: очень часто журналистам приходилось сочетать свое положение в обоих «крыльях», либо прикрывать проблемы общественного бытия их «идеологической» значимостью.

Но так или иначе, именно в послевоенные годы в Мурманской области появляется группа публицистов, выявлявшая социально-экономические дефекты советской действи-

тельности, чему отчасти помогала партийная установка на развитие «критики и самокритики». Творческий актив этой группы в разное время составляли Е. Б. Бройдо, Н. И. Кулаков, Н. В. Беляев, С. Н. Дащинский, Р. А. Зыховская, З. А. Боровая, А. В. Вилов, В. М. Кондратьев и др.

Значительный удельный вес в корпусе публицистических источников продолжали занимать работы неместных публицистов. Особенно выделяется среди них изданная в Москве 100-тысячным тиражом книга А. Л. Никитина «Остановка в Чапоме», рассказывающая о проблемах рыболовецких колхозов Кольского Совера.

Интерес публицистики к Кольскому Северу сохраняется и поныне. Несмотря на то, что давно уже потеряли свою актуальность социалистические лозунги, внимание публицистов привлекают проблемы экологической безопасности Кольского полуострова, выживание крупных промышленных гигантов, деятельность атомного Северного флота.

Особенно много публицистических работ, как в нашей стране, так и за рубежом, появилось в связи с гибелью атомной подлодки «Курск» в августе 2000 года. Эти работы, ставшие основой уже для двух сборников, высветили расстановку различных общественно-политических сил в современной России и в мире.

Челобитные, наказы, жалобы

Кроме публицистики, для изучения общественных настроений, нужд и требований народа подходят просительные документы (челобитные, наказы, прошения, ходатайства, жалобы).

До революции жители Кольского Севера подавали челобитные и прошения на имя царя, патриарха, настоятелей монастырей, владевших на территории края вотчинами, а позже — губернского начальства, в которых просили оградить их от притеснений, чинимых местными властями, а также понизить тяжесть податного бремени. Некоторые из этих челобитных опубликованы.

Иногда и само государство инициировало сбор прошений. Так, Екатерина II, учредившая Уложенную комиссию, решила к началу ее работы собрать наказы жителей всех губерний и уездов. Поступили такие наказы и с Кольского Севера. В 1907 г. они были опубликованы вместе с другими документами Уложенной комиссии в «Сборнике Русского

Исторического общества» (т. 123). В наказах терских поморов, лопарей, посадских людей города Колы содержатся жалобы на бедность, обремененность податями и казенными службами.

В 1798 г. мещане города Колы обратились с прошением к императору Павлу I о предоставлении права вырубки леса для постройки промысловых судов и отмене некоторых сборов и ограничений. Павел удовлетворил это прошение, издав соответствующий указ. И прошение, и указ были опубликованы в 1910 г. Н. Голубцовым в журнале «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера» (№ 7).

При сравнительно хорошей изученности дореволюционных челобитных, просительные документы советского периода в региональной историографии совсем не использовались. Между тем многочисленные письма жителей края с жалобами на социальные проблемы (быта, продовольствия, здоровья и т. д.) регулярно поступали в общие отделы и канцелярии исполкомов местных Советов, в бюро жалоб органов народного контроля. На основе этой корреспонденции составлялись обзоры жалоб, тогда как сами письма через несколько лет после поступления уничтожались. В период выборов депутатов общественные потребности выявляла сама власть, собиравшая требования избирателей, называвшиеся, как и до революции, «наказами». И обзоры жалоб, и наказы, и даже отдельные письма граждан встречаются в ГАМО, в фондах местных Совстов и органов народного контроля, избирательных комиссий по выборам в Верховные и местные Советы. Чрезвычайно ценный источник для изучения общественных потребностей представляют собой письма, приходившие в течение 1941—1942 гг. в секретариат депутата Верховного Совета СССР первого секретаря Мурманского обкома ВКП(б) М. И. Старостина (ныне они хранятся в ГАМО, ф. Р-367). Много жалоб приходило и в партийные органы (см., например, фонд Уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Мурманской области в ГАМО — № П-4). Некоторые из жалоб в советское время публиковались в местных газетах.

Несмотря на существование каналов общественного воздействия на власть, «глас народа» во всей его полноте почти не слышен в сильном государстве. «Расслышать» его крайне важно для создания целостной картины жизни.

Личные документы формального характера

Изучение общества немыслимо без привлечения корпуса документов личного характера. Человек сталкивается с документами фактически с момента своего рождения. Вся жизнь человека в государстве так или иначе связана с налаживанием правовых отношений, и это, в свою очередь, ведет к появлению лично-формальных документов. К ним относятся частные акты (купчие, меновые, закладные, трудовые договоры и т. д.), паспорт, трудовая книжка, анкеты и автобиографии, удостоверения личности, заявления и другие.

«Личные дела» заводятся при поступлении в учебное заведение, устройстве на работу. Участие человека в тех или иных общественных организациях (партиях, профсоюзах, обществах) также требует письменного оформления.

Все эти документы могут оказать неоценимую помощь исследователю, особенно в случае составления биографий.

Существуют и другие возможности. Например, для изучения китайской диаспоры, появившейся на Кольском Севере в период строительства Мурманской железной дороги (1915—1916 гг.), подойдут удостоверения личности китайцев, хранящиеся в ГАМО (ф. 141). Удостоверения были выписаны в 1922—1925 гг. на русском языке. На некоторых из них сохранились фотографии владельцев.

Изучению политической истории помогают **«дела» о ссыльных и репрессированных.**

Ссылка на Кольский Север началась в XVII веке и приобрела наиболее широкий размах в 30-е гг. XX века.

«Дела» о политических ссыльных, живших до XIX века, хранятся преимущественно в Российском государственном архиве древних актов. В частности, здесь находится следственное дело о сообщниках Е. И. Пугачева, сосланных в Колу (С. М. Оболяеве, Т. Г. Мясникове и др.). Выдержки из него публиковались И. Ф. Ушаковым.

Следственные дела на кольских ссыльных, относящиеся к XIX — началу XX века, сосредоточены главным образом в Государственном архиве Архангельской области. В 1989 г. М. Н. Супрун и С. Я. Косухкин на основе этих дел составили биографический словарь «Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX — начале XX вв.». В его

первый выпуск вошли биографические справки на политических ссыльных Архангельской губернии, отбывавших ссылку в период с 1895 по 1905 гг.

«Дела» бывших крестьян, выселенных на Кольский Север в спецпоселения в сталинскую эпоху, хранятся в архиве Управления внутренних дел Мурманской области. Здесь же отложились и дела на граждан инонациональностей, выселенных с территории Мурмана летом 1940 г. в соответствии с решением правительства и приказом наркома внутренних дел Л. П. Берии.

Другую группу составляют «дела» граждан, репрессированных за политические преступления. Произвол властей сказался на них еще сильнее: этих людей чаще всего ждала не ссылка, а лагеря или даже смертная казнь. Государственный архив Мурманской области хранит около 7 тысяч таких дел (ф. Р-140). Каждое такое «дело» включает завизированный прокурором официальный ордер на арест, акт обыска, протоколы допросов, судебное решение, выписку из приговора и, если человек приговаривался к смертной казни, документ о приведении приговора в исполнение. Содержание допросов в таких делах часто фабриковалось. Нередки случаи, когда сотрудники НКВД из арестованных буквально вышибали те или иные сведения, заставляли подписываться под протоколами допросов.

На основе хранящихся в Мурманске уголовно-следственных дел была издана Книга памяти жертв политических репрессий (Мурманск, 1997). Исследованием О. В. Миколюк установлены довольно хорошая сохранность и полнота этого архивного фонда, равно как и высокая репрезентативность «Книги памяти», в отношении самого активного периода репрессий — 1930-х гг. Статистическая обработка «Книги памяти» позволила исследователям выявить динамику политических репрессий на Мурмане, нарисовать социальный портрет жителя края, репрессированного за политические преступления в конце 1930-х гг., дать некоторые характеристики механизму функционирования репрессивного аппарата.

Документы личного происхождения

При всех своих возможностях, лично-формальные документы зачастую не могут передать истинные мысли и чувства человека. Но для этого хорошо подходят

документы личного происхождения, появляющиеся в процессе личного творчества, которое не регламентируется строгой «формой». Однако и в таких документах есть устоявшиеся жанровые разновидности (записки путешественников, мемуары, дневники, эссе, письма и т. д.).

О записках путешественников-иностранцев уже рассказывалось.[13] **Записки русских путешественников** о Мурмане появляются в середине XIX века, когда Север начинает испытывать к себе постепенно усиливающееся внимание со стороны российского и, прежде всего, столичного общества. Главная задача авторов таких «Записок» состояла в том, чтобы познакомить читающую публику с экзотическим краем, сообщить о нем интересные сведения. «Записки путешественников» — это произведения, писавшиеся для отдыха и развлечения, а потому содержавшие часто удивительные и случайные подробности, не фиксируемые никакими другими источниками.

Во второй половине XIX века записки о своих путешествиях на Мурман оставили писатели С. В. Максимов (1859 г.) и В. И. Немирович-Данченко (1879 г.), сопровождавший великого князя Владимира Александровича поэт К. К. Случевский (1885 г.), архитектор В. В. Суслов (1886 г.), этнограф В. Н. Харузина (1887 г.), бывший в свите министра финансов С. Ю. Витте журналист Е. Л. Кочетов (Львов) (1894 г.), архангельский губернатор А. П. Энгельгардт (1895 г.).

В XX веке жанр «записок путешественников» стал все больше поглощаться публицистикой. Путевые очерки о Кольском Севере, которые продолжали активно создаваться публицистами[14], постепенно меняют свою функциональность, все больше выходя за рамки жанра «записок путешественников»: вместо личного переживания путешествия автором утверждается стремление к корпоративному созерцанию, вместо импровизации — рациональность, вместо беспристрастного описания — призыв. Приближение некогда далекого Севера к центру, включение его в цивилизацию делали, видимо, неактуальными, по крайней мере для соотечественников, «обывательские», «экзотические» путешествия сюда.

---

[13] См. раздел «Сочинения иностранцев» (с. 47—49).

[14] Об этих очерках см. в разделе «Публицистика» (с. 68—70).

Впрочем, жанр «записок путешественников» в отношении Кольского полуострова совсем еще не умер и иногда находит себе читательскую аудиторию. В 1960-е гг. на волне хрущевской «оттепели» он совершенно неожиданно напомнил о себе путевыми записками посетившей Мурман писательницы Л. А. Обуховой. Ее сочинение лишено всякой публицистической патетики, если не считать совершенно непривычной для того времени озабоченности по поводу грозящих Кольскому полуострову экологических проблем. И что выглядит особенно удивительным в записках Л. А. Обуховой, так это восхищение делами отцов Церкви в пору очередного наступления власти на православие.

Тогда же, в 60-е гг., Кольский полуостров посетила писательница Л. Л. Ильина. Однако свои путевые очерки «Мурман» она издала только три десятилетия спустя.[15] Почтенный историк, написавший предисловие к книге Л. Л. Ильиной, объяснил эту потребность тем, что на исходе XX века «об африканской саванне или южно-американской сельве» жители России знают больше, чем о Мурмане, где «холод, снег, малолюдье» — «разве что спортсмен-горнолыжник может к этому что-то добавить».

В XX веке описания путешествий на Кольский Север начинают использовать и мемуаристы, но совершенно в другом качестве. Если записки путешественника детерминируются местом описания, то мемуары и дневники — временем. Поэтому главная задача мемуариста — написать о событии, очевидцем или современником которого он был.

Так, например, **мемуары** министра финансов России С. Ю. Витте содержат описание его поездки на Мурман 1894 г. Но это не «записки путешественника», поскольку сама поездка рассматривается в мемуарах на фоне других событий. С. Ю. Витте потребовалось рассказать о ней для обнародования своей позиции в отношении строительства военного порта в Либаве на Балтике. Автор мемуаров выступал против этого, полагая лучшим местом для такого порта Мурман, о чем он прислал Александру III соответствующую записку.

Аналогичный эпизод есть и в воспоминаниях морского министра России И. К. Григоровича, посетившего Кольский

[15] За предоставление информации об этой книге автор благодарит профессора А. В. Воронина.

Север осенью 1916 года. Он приехал на Мурман вместе с министром путей сообщения А. Ф. Треповым, чтобы участвовать в церемонии закладки города Романова-на-Мурмане (будущего Мурманска). На фотографии, запечатлевшей церемонию закладки, два министра стоят рядом. Но только из мемуаров И. К. Григоровича мы узнаем о произошедшей между ними в Мурманске размолвке: А. Ф. Трепов предложил морскому министру порадовать императора телеграммой об открытии Мурманской железной дороги, но И. К. Григорович отказался подписать ее, поскольку «дорога не закончена по всей длине пути... для движения она совсем не готова и не будет готова еще долго». Морской министр увидел, что «работающие на дороге, содержатся плохо, о них мало заботятся», рассказывал об этом А. Ф. Трепову, но тот, по словам И. К. Григоровича, «близко к сердцу это не принимал».

Дореволюционных воспоминаний о Мурмане крайне мало. Самое первое из них оставил живший в XVI веке князь Андрей Курбский. В своем знаменитом публицистическом тракте «История о великом князе Московском», посвященном Ивану Грозному, он вспоминает о произошедшей в Кандалакше встрече с проповедником православия среди лопарей Феодоритом Кольским и, опираясь на беседу с ним, рассказывает о его жизни. Этот фрагмент выглядит настолько обособленно в произведении, что некоторые исследователи условно называют его даже «Житием Феодорита».

Основной же корпус региональной мемуаристики зарождается уже в XX веке, после постройки Мурманской железной дороги, давшей сильный толчок развитию края.

Кроме уже упоминавшегося И. К. Григоровича, воспоминания о своем пребывании в Мурманске летом 1918 г оставил бывший председатель Временного правительства России А. Ф. Керенский, выезжавший через Мурманский порт из России на Запад.

В ГАМО отложилась целая группа воспоминаний участников революционных событий на Мурмане, выступивших на стороне Советской власти (Т. Д. Аверченко, В. Л. Бжезинский, С. А. Голованов, А. С. Нохрин, Г. В. Сироткин, П. П. Лопинцев и др.). Противный лагерь представлен в мурманском архиве всего одной, правда, весьма ценной запиской основного участника антибольшевистского переворота в Мурман-

ске Г. М. Веселаго «Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917—1918 гг.».

Немало деятелей антибольшевистского движения после окончания Гражданской войны эмигрировало из России. Проживая в западных странах, некоторые из них писали свои мемуары. Часть из них вошла в «Архив русской революции» — многотомное издание, выходившее в 1920-е г. в Берлине. В «Архиве» были опубликованы воспоминания и тех, кто имел отношение к Мурману. Так, мичман М. Гефтер, посетивший Кольский Север в 1918 г., подробно описал провинциальную жизнь Мурманска того времени (т. X). А бывший министр народного просвещения Северной области Б. Ф. Соколов рассказал о своем пребывании в Иоканге и Мурманске в первые дни после свержения антибольшевистской власти (т. IX). «Архив русской революции» был переиздан в России в 1991 г.

Существенно дополняют картину Гражданской войны на Севере мемуары, изданные в Архангельске В. И. Голдиным.

Сборник «Белый Север» (Архангельск, 1993 г., в 2-х выпусках) включает мемуары видных участников антибольшевисткого движения на Севере (генерал-губернатора Северной области Е. К. Миллера, полевого военного прокурора Северной области С. Ц. Добровольского, помощника генерал-губернатора Северной области по военной части Б. В. Марушевского и др.).

Сборник «Заброшенные в небытие» (Архангельск, 1997 г.) содержит мемуары иностранцев — организаторов и участников интервенции на Русский Север (американского посла Д. Фрэнсиса, французского посла Ж. Нуланса, главнокомандующего союзными войсками на севере России Э. Айронсайда, командующего американскими войсками на севере России У. П. Ричардсона и др.).

Мемуары, как и другие документы личного происхождения, крайне субъективны. Информация, идущая от автора, проходит через призму его личных оценок и убеждений. Кроме того, в советский период мемуаристы были реально ограничены в праве публикации своих мыслей. Все мемуары, опубликованные в то время, были подвержены цензурному контролю. Мемуарист часто уже был готов к этому, поэтому

искусственно направлял свои мемуары в русло, угодное политической системе.

Публицистическому налету подвержены практически все мемуары, изданные в советский период. Власть особенно поощряла издание материалов, посвященных истории индустриального строительства в крае. Рыбной промышленности Севера были посвящены два сборника воспоминаний — «На траулерах в Баренцевом море» (Л.-М., 1946) и «Беседы старых капитанов (Мурманск, 1961). апатито-нефелиновой промышленности — мемуары академика А. Е. Ферсмана «Наш апатит» (М., 1968) и сборник «Хибинские клады: Воспоминания ветеранов освоения Севера» (Л., 1972).

Те же ограничения лежали и на воспоминаниях участников Великой Отечественной войны в Заполярье. Эта группа наиболее многочисленна. Она представлена мемуарами военачальников (командующих Карельским фронтом В. А. Фролова и К. А. Мерецкова, командующего Северным оборонительным районом на полуострове Рыбачьем С. И. Кабанова, командующего 14-й армией В. И. Щербакова), разведчиков (полного кавалера ордена «Славы» И. А. Бородулина, дважды Героя Советского Союза В. Н. Леонова, Героя Советского Союза И. П. Барченко-Емельянова), подводников (командира бригады подводных лодок Северного флота Н. И. Виноградова, Героев Советского Союза И. А. Колышкина, В. Г. Старикова, И. И. Фисановича и Г. И. Щедрина), летчиков (Героев Советского Союза С. Г. Курзенкова, В. И. Минакова и З. А. Сорокина), партизан (командиров партизанских отрядов С. Д. Куроедова, Д. А. Подоплекина и А. С. Смирнова), руководителей и тружеников тыла (уполномоченного ГКО по перевозкам на Севере И. Д. Папанина, первого секретаря Кандалакшского горкома ВКП(б) Г. В. Елисеева, ветеранов местной противовоздушной обороны Мурманска Е. Д. Владыкиной и А. А. Воронина), военных журналистов, писателей, переводчиков (К. М. Симонова, А. М. Дупаевского, Н. Г. Михайловского, А. А. Синклинера), военного инженера А. К. Никольского, артиллериста И. Д. Солдатова и многих других.

Военные мемуары выходили не только отдельными авторскими изданиями, но и в коллективных сборниках: «Это было на Крайнем Севере» (Мурманск, 1965), «1200 дней и ночей Рыбачьего» (Мурманск, 1970), «Костры партизанские» (Мурманск, 1973), «На кандалакшском направлении» (Мур-

манск, 1975), «Подводной войны рядовые» (Мурманск, 1979), «В боях за Советское Заполярье» (Мурманск, 1982), «В боях — морская пехота» (Мурманск, 1982).

Воспоминания участников боев в Заполярье часто публиковались в местных газетах.

Несмотря на такую издательскую активность, масса военных мемуаров осталась неизданной. Многие не тронуты цензурой и редакторской правкой ветеранские рукописи и письма, собиравшиеся долгое время газетой «Полярная правда», в 1981 г. были переданы на хранение в ГАМО (фонд № Р-1240). «Архив Полярной правды» содержит воспоминания генералов Я. Д. Скробова и Х. А. Худалова, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Карело-Финской ССР военного периода Г. Н. Куприянова, участников обороны на полуострове Рыбачий и многих других.

С появлением свободы в конце 1980-х гг. мемуаристика перестает быть простым придатком историографии — она начинает жить и развиваться в традициях своего жанра, преподнося иногда историкам настоящие сюрпризы. Журнал «Знамя» (1991 г., № 6) опубликовал мемуары узника ГУЛАГа Д. П. Витковского, в которых дано описание жизни Туломского лагеря. Были изданы написанные еще в советский период мемуары командующего 14-й армии генерала В. И. Щербакова «Заполярье — судьба моя» (Мурманск, 1994), содержащие оценки не только побед, но и неудач Советской армии в Заполярье. Появились воспоминания, приоткрывающие тайны номенклатурной работы (первого секретаря обкома КПСС В. Н. Птицына, председателей Мурманского горисполкома В. В. Сотникова и В. И. Горячкина). Изданы мемуары командующих Северным флотом в разные годы адмиралов В. И. Платонова, Г. М. Егорова, В. Н. Чернавина, крупного руководителя рыбной промышленности Севера Г. М. Бородулина, бывшего научного сотрудника Мурманской биологической станции академика Е. М. Крепса, в которых показаны многие «острые углы» и противоречия прошлой эпохи. В последнее время замечено появление мемуаров-биографий («Здесь мой причал» А. С. Хрусталевой, «Пожнешь судьбу» А. Ф. Леванова), мемуаров о повседневной жизни северян («Что на сердце легло» М. И. Левина). Особенным вниманием начинает пользоваться история края последних десятилетий, которой

уже посвящено два сборника мемуаров — «Годы застойные... Годы достойные!» (Мурманск, 2000) и «Как молоды мы были...» (Мурманск, 2003).

Особенность мемуаров состоит в том, что они, как правило, создаются спустя продолжительный порой отрезок времени после описываемых событий. Многое забывается мемуаристом, сглаживаются те или иные некогда острые ощущения.

Этот пробел в состоянии восполнить **дневники**, хотя это зачастую более интимные и поэтому редко встречающиеся документы.

Дневники оставили путешественники и исследователи Арктики Ф. П. Литке и С. О. Макаров, посетившие Кольский Север в XIX столетии.

В весьма близком к жанру дневников написаны «Записки очевидца Д. А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 год» (Архангельск, 1916).

Немного дневников дошло от периода Великой Отечественной войны: главного хирурга Карельского фронта А. А. Вишневского, командующего Северным флотом адмирала А. Г. Головко, политрука партизанского отряда «Советский Мурман» П. А. Евсеева и др.

Важнейший источник истории Северного флота — дневник Арсения Григорьевича Головко, который он вел в течение всей Великой Отечественной войны, был опубликован не полностью, в сильно переработанном виде. Во второе издание книги (М., 1979) были включены дополнения из черновых записей адмирала. В 1990 г. в «Морском сборнике» (№ 5) увидели свет и некоторые другие неопубликованные записи А. Г. Головко.

Еще более редко встречающийся жанр личного происхождения — **эссе**. Отличить его от мемуаров бывает нелегко, поскольку эссе — это обобщение уникального жизненного опыта, зачастую основанное на воспоминаниях. Однако эссеист, в отличие от мемуариста, больше размышляет и рассуждает, нежели вспоминает, излагая личный опыт миросозерцания.

Писательница В. К. Кетлинская, жившая в период революции в Мурманске, написала книгу-размышление «Ве-

чер. Окна. Люди» (М., 1974). Эта книга появилась из желания защитить честь своего отца — главного начальника Мурманского укрепрайона в 1917—1918 гг. адмирала К. Ф. Кетлинского, причисленного советской историографией к числу «контрреволюционеров». Автор книги пускает в ход все возможные доказательства — не только личные воспоминания, но и документы, размышления, что приближает ее труд к жанру эссе. Сама В. К. Кетлинская затруднилась четко определить жанр своей книги: «Даже главы, в которых я рассказываю о годах, когда формировалось мое поколение, — писала она, — и о собственной ранней юности, я не могу назвать ни мемуарами, ни автобиографическим романом. Я старалась написать о времени и людях, меня взрастивших, благодаря им сложилась и моя писательская сущность. Я ввела в центр повествования девочку, начинавшую жить в те удивительные годы, потому что я ее хорошо знаю, хотя и вглядываюсь в нее издалека, сама порой удивляюсь».

Преимущественно в жанре эссе написаны «Заметки бывшего партаппаратчика» С. Н. Дащинского (Мурманск, 1994). Автор, известный мурманский журналист, вспоминая о своей работе на номенклатурных должностях, размышляет о причинах падения КПСС. Хотя практически неизбежная в такой проблематике политизация придает этому очерку публицистический характер.

К эссеистике можно отнести и книгу старого мурманского капитана Г. О. Конюновича «Законы моря», и «Записки краеведа» А. А. Киселева, в которой автор делится личным 40-летним опытом изучения истории Мурмана, и исповедальное произведение мурманского писателя В. С. Маслова «На костре моего греха».

К источникам личного происхождения относятся также **письма**. Однако архивы часто сохраняют лишь официальную переписку, которая, подчиняясь формальному этикету, не передают многих нюансов личного свойства. Хотя это, конечно, не понижает значение официальных писем как исторического источника. В ГАМО, например, сохранилась весьма ценная переписка первого управляющего трестом «Апатит» В. И. Кондрикова с академиком А. Е. Ферсманом, видными деятелями Советского государства С. М. Кировым, Г. К. Орджоникидзе, Я. Э. Рудзутаком, А. И. Микояном, Г. Л. Пятаковым, Н. И. Шверником по вопросам деятельности треста и освоения Кольского полуострова.

Письма интимного характера, проливающие порой неожиданный свет на те или иные события, либо хранятся в домашних архивах, либо безвозвратно утрачиваются. Лишь изредка такие источники предаются огласке. Так, например, в Москве в 1990 г. опубликованы письма видного российского книговеда и библиографа Г. И. Поршнева, которые он писал своей семье из ГУЛАГа, отбывая срок в лагерях Беломоро-Балтийского канала. Одно из писем от 6 июня 1934 г. Г. И. Поршнев прислал из Туломского лагеря. В нем даны проникновенные характеристики местной лагерной жизни.

Определенный интерес представляют и письма молодого поэта Н. М. Рубцова, которые он присылал из Мурманска своим друзьям во время службы на Северном флоте. Ныне часть из них опубликована.

В Мурманском областном краеведческом музее собрана коллекция фронтовых писем периода Великой Отечественной войны. Тринадцать из них принадлежат особо почитаемому в Мурманске герою Анатолию Бредову.

К документам личного происхождения относятся и заполненные **записные книжки, ежедневники, записки**. Так, в фондах областного краеведческого музея хранятся ежедневники с записями видного мурманского хирурга Героя Социалистического Труда П. А. Баяндина. В ГАМО отложились записные книжки первого секретаря Мурманского обкома КПСС Н. Л. Коновалова. Подобные документы — обычно в большом дефиците у исследователей, поскольку бывшие владельцы создавали их не для обозрения, а лично для себя, и могли доверить им значительно больше информации. И если научиться понимать часто «обрывочный», краткий язык этих документов, они могут оказать неоценимую помощь при реконструкции тех или иных исторических событий.

Наконец, определенный интерес для истории может представлять **художественная литература**. Даже в период ограничения свободы слова, несмотря на цензурные препоны, именно художественная литература оставалась одной из немногочисленных ниш, где могли культивироваться нестандартные для официальной идеологии идеи и представления. Ведь эту нестандартность легко можно было объяснить «художественным образом» и стилем писателя. Именно поэтому художественная литература является еще одним источником личного происхождения, дающим интересный материал о неофициальной стороне жизни. Историкам-регионоведам нуж-

но только научиться приемам исторического анализа художественных произведений местных писателей, что позволит прикоснуться к сложным проблемам исторической психологии и социальной истории.

Литературные силы появляются на Мурмане в первой четверти XX века — их выявляет местная периодическая печать. Так, например, немало стихотворений печаталось в период Гражданской войны в газете «Мурманский вестник». Стихотворцы писали о своих идеалах, разочарованиях, нуждах. Исследование поэзии «белого» Мурманска провел И. Ф. Ушаков («Белый Мурманск»).

Немало поэтов приехало на индустриальные стройки Заполярья в 1920—30-е гг. (А. Решетов, Л.. Ошанин и др.). Рождались и свои литераторы (Е. Двинин, А. Подстаницкий).

Во время Великой Отечественной войны появляется особая, военная поэзия. На страницах флотских газет печатали свои стихотворения Н. Букин, А. Жаров, Н. Флеров и др. Корреспондент «Полярной правды» Р. Троянкер в 1943 году издает поэтический сборник «Суровая лирика».

В 1950—60-е гг. на Мурмане наблюдался всплекс литературной активности — литературные объединения появились на Северном флоте и в самом Мурманске. В этот период рождается первая местная проза (А. Мошкин, И. Портнягин, С. Панкратов, А. Реутов). В 1978 г. в Мурманске учреждается областная организация Союза писателей СССР (Б. Блинов, Л. Крейн, В. Маслов, В. Смирнов, Б. Романов, В. Тимофеев). К литературному творчеству присоединяются саамы (А. Бажанов, О. Воронова).

Родившаяся на Кольском Севере художественная литература, таким образом, довольно обширна. Она представляет собой ценную иллюстрацию прошлого.

Художественные и научные творения, воспоминания и другие документы личного происхождения принимают на хранение архивы. В Государственном архиве Мурманской области созданы личные фонды первого управляющего трестом «Апатит» В. И. Кондрикова, историков С. Н. Дащинского, А. А. Киселева и И. Ф. Ушакова, биолога В. В. Бианки, народных депутатов А. А. Золоткова, И. А. Рогачевой и Ю. И. Солодилова, народной артистки РСФСР М. П. Скоромниковой, писателя Н. Н. Блинова, врача А. Я. Кровиц-

кого, капитана Н. К. Елфимова и других. В составе личного фонда учителя Н. П. Трунина отложились документы краеведа Е. А. Двинина, а в составе Коллекции документов ветеранов Великой Отечественной войны — документы корреспондента газеты «Правда» военных лет А. М. Дунаевского.

В филиале ГАМО в г. Кировске хранятся личные фонды писателей Н. М. Гудовского и В. В. Ерофеева, художников В. В. Капитонова и Н. А. Макарова, депутата Верховного Совета РСФСР З. Г. Николаевой, народного депутата СССР А. М. Оболенского, депутата Государственной Думы В. Н. Мананникова и других.

Устная история Человек передает информацию с помощью не только письма, но и устной речи. Устная информация, как исторический источник, имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, человек может вспомнить и пересказать то, что не отразилось в письменных источниках, и в этом смысле материалы «устной истории» незаменимы. С другой стороны, устная информация постоянно зависит от возможностей человеческой памяти, не говоря уже о субъективной стороне пересказа. Поэтому в ней могут встречаться неточности, искажающие действительность. В то же время «устная история» имеет слишком короткий век жизни, за исключением случаев, когда она превращается в традицию (предание). Чаще всего носитель устной информации забирает ее с собой в могилу. Поэтому важно записывать наиболее ценные «разговоры» и сохранять для истории.

Осведомленность носителя устной информации будет зависеть от того, в каком отношении он находится к событиям, о которых рассказывает. Он может быть непосредственным участником или очевидцем этих событий. В другом случае он может непосредственно не присутствовать при этих событиях, но, будучи их современником, слышать о них от очевидцев или воспользоваться общественными мнениями — «слухами». Наконец, носитель устной информации может не являться современником события и рассказывать о нем предание, услышанное от старших поколений.

Исходя из этого, в «устной истории» можно выделить следующие виды: рассказ очевидца событий, рассказ современника событий и предание.

Предания восходят к самым ранним проявлениям исторической памяти народа, предоставляя оригинальный и поэтому незаменимый материал для исследования менталитета и культуры местных жителей. Однако значение его как средства реконструкции реальных исторических событий часто невелико, поскольку предания о событиях, произошедших в стародавние времена, подвергаются значительной трансформации при пересказе из поколения в поколения, могут накладываться с новейшими событиями, обрастать сказочной мифологией.

Жители Кольского Севера тоже имеют свои предания. Наиболее древние из них сохранены в саамском и поморском фольклоре. Предания, записанные Д. Н. Островским, К. П. Щеколдиным, Н. Н. Харузиным, В. К. Алымовым, В. В. Чарнолуским, Н. Н. Волковым, Д. М. Балашовым, Н. А. Криничной и другими исследователями, содержат весьма размытую информацию о нападении врагов на местные селения, разорении Печенгского и Кандалакшского монастырей, что более точно зафиксировано в письменных документах.

Конкретной и более разнообразной информацией способны заполняться другие формы «устной истории» — рассказы очевидцев и современников событий. Однако эта информация только тогда начинает работать на исследователя, когда ее удается выявить и записать.

В мурманском Доме радио собрана коллекция магнитофонных записей с «устной историей». Наиболее ранние из них сделаны в 1960-е гг. На магнитных пленках записаны устные воспоминания одного из руководителей строительства Мурманской железной дороги профессора П. Е. Соловьева, активных участников революции 1917 г. на Мурмане Т. Д. Аверченко и В. Л. Бжезинского, одной из первых мурманских комсомолок и писательницы В. К. Кетлинской, известного полярника дважды Героя Советского Союза И. Д. Папанина, основоположника заполярной агрономии академика И. Г. Эйхфельда, защитников Заполярья Героев Советского Союза Н. Е. Ашуркова и С. Г. Курзенкова, командиров партизанских отрядов С. Д. Куроедова и Д. А. Подоплекина, матери выдающегося северного летчика Бориса Сафонова — Ф. Т. Сафоновой, почетных граждан Мурманска М. И. Вагановой и С. И. Кулешова, капитана совершившего в 1977 г. исторический поход к Северному полюсу атомного ледокола «Арктика» Ю. С. Кучиева, скульптора Л. Е. Кербеля. В фондах мурманского радио сохранились и интервью

с первым космонавтом, а в прошлом летчиком Северного флота Ю. А. Гагариным, выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на торжественном собрании, посвященном вручению Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», и много других звукоматериалов.

Существуют и другие формы записи «устной истории». В 1920—30-е гг., еще до широкого внедрения звукозаписывающих устройств, мурманская комиссия Истпарта проводила интервьюирование участников революции и Гражданской войны на Мурмане. Эти рассказы записывались письмом, на печатной машинке, поэтому не исключено, что они интерпретировались или видоизменялись составителями записи, что, в целом, снижает их ценность. Однако сами интервью проводились фактически по свежим следам (спустя 10—15 лет после произошедших событий), поэтому насыщены мельчайшими подробностями, еще хранившимися в памяти рассказчиков. Сейчас эти документы находятся в ГАМО (ф. П-102).

Лингвистические источники

С «устной историей» тесно связаны и лингвистические источники, т. е. языки общения. Язык, как символьная система, несет огромную информацию о человеке, его ценностях, занятиях, жизненном укладе. Однако эта возможность еще крайне слабо используется историками Кольского Севера. Изучение языков и диалектов, на котором говорили местные жители, ведется преимущественно с филологической целью. Так, например, И. С. Меркурьев в результате диалектологических экспедиций в старинные русские поселения Мурманской области подготовил словарь «Живая речь кольских поморов», изданный дважды (в 1979 и 1997 гг.) и впоследствии дополненный И. Ф. Ушаковым.

В 1985 г. в московском издательстве «Русский язык» увидел свет первый и пока единственный саамско-русский словарь. Он был создан группой мурманских ученых-языковедов под руководством Р. Д. Куруч. При том, что на Кольском Севере саамский язык представлен сильно различающимися четырьмя диалектами, в каждый из которых входит ряд говоров, словарь основывается только на одном диалекте — кильдинском, поскольку им овладело большинство современных саамов.

Лингвистические источники между тем скрывают в себе большой потенциал исторического источника. В частности, исследование особенностей языка местных жителей позволяет выяснить, кем были их далекие предки. Изучавший саамский язык В. К. Алымов обратил внимание на похожесть некоторых саамских слов, относящихся к хозяйственной деятельности, на соответствующие слова из европейских языков, что позволило ему сделать вывод о том, что в древности саамы и теперешние европейцы «одновременно жили одним хозяйственным бытом».

Исследователи терских поморов установили новгородское происхождение их говора, что вполне согласуется с летописными известиями и данными археологии о переселенческой волне на Север из древнего Новгорода.

Еще до революции в рамках русско-норвежской поморской торговли появился особый контактный язык-пиджин «русенорск», представляющий собой смесь русских, норвежских слов и слов из других языков. Изучение этого культурного явления началось в Норвегии в 1920-е гг. То обстоятельство, что в русенорске было примерно одинаковое количество норвежских и русских слов, позволило исследователям прийти к важному для исторической науки заключению, что «русские и норвежцы были социально равноправными партнерами».

Топонимы, географические карты и словари

В живой устной речи живут и топонимы — географические названия. В топонимике Кольского Севера отчетливо просматриваются несколько взаимодействующих между собой пластов: саамский, русский и финский. Финское влияние на топонимику происходит как вследствие начавшейся в XIX веке колонизации финнами Мурманского побережья, так и в результате пограничных переделов: в 1920—1944 гг. район Печенги входил в состав Финляндии; в 1940 г. СССР была передана часть финской территории в районе Куалоярви.

В топонимах часто заключена разнообразная информация — сведения по демографии, экономике, истории и т. д. Некоторые топонимы Мурмана отражают исторические события (остров Немецкий, Княжая губа, Чертов перевал и др.), другие — связаны с конкретными историческими лицами (Екатерининская гавань, Трифоново поле, Каневка,

Кировск, гора Ферсмана, Арнольдовка и т. д.), третьи — указывают на хозяйственное назначение объекта (полуостров Рыбачий, Варничный ручей, Дровяное и проч.), четвертые — на религиозные верования саамов (Сейдъявр, Пассйок и др.) и т. д.

Множество топонимов под влиянием тех или иных обстоятельств трансформировалось (Китовка — Титовка, Манна — Намайоки и т. д.). Другие же топонимы названы в древнейшие времена и смысл их имен давно забыт (Варзуга, Умба, Кола, Ковда, Печенга, Поной и т. д.).

Топонимику Мурмана начали невольно собирать еще в XVI веке — с момента составления писцовых книг[16] и географических карт. Одна из самых ранних сохранившихся карт составлена за границей в 1562 г. А. Дженкинсоном. Русских карт того периода до нас не дошло. Согласно «Книге Большому чертежу», на огромной карте Российского государства, существовавшей в первой половине XVII века, на Коском полуострове было нанесено 71 географическое название.

В 1745 г. издана первая печатная карта Кольского Севера, имевшая крупный масштаб и градусное деление. Она вошла в состав Атласа Российской империи.

Следующим этапом в развитии картографии региона стало создание в 1831 г. М. Ф. Рейнеке «Атласа Белого моря и Лапландского берега», включающего 17 карт.

Успехи картографии были продолжены и в XX веке, в эпоху бурного освоения Кольского полуострова.

В 1930-е гг. коллективом Мурманского филиала Географо-экономического института Ленинградского государственного университета под научным руководством профессора В. П. Вощинина была проведена большая работа по составлению Атласа Мурманского округа (издан в 1935 г.) и Географического словаря Кольского полуострова, вышедшего в двух томах в 1939—1940 гг. Для историков, изучающих топонимику, особенно ценен первый том, где дан перечень географических названий Мурманской области (5702 топонима), с указанием координат, в отдельных случаях приведены исторические и статистические сведения. В словаре также систематизированы саамские слова, северно-русские

[16] См. раздел «Материалы учета и статистики (XVI—XX вв.)» (с. 58—59).

и поморские термины, встречающиеся в географических названиях Кольского полуострова.

В дальнейшем исследование топонимики Мурмана продолжали И. П. Шаскольский, И. Ф. Ушаков, А. А. Минкин, С. В. Попов, В. Г. Мужиков.

В 1971 г. был издан подготовленный усилиями большого научного коллектива Атлас Мурманской области.

В 1995 г. Государственный архив Мурманской области выпустил справочник «Административно-территориальное деление Мурманской области», в который вошел Указатель населенных пунктов, учтенных на территории края 1920—1993 гг.

В 1996 г. издан Географический словарь Мурманской области (автор-составитель В. Г. Мужиков). В отличие от старого словаря, новый включает примерно на полтары тысячи топонимов больше, в том числе тех территорий, которые вошли в состав Мурманской области после 1939 г. (районы Печенги и Куалоярви).

Знание топонимов и географических карт позволяет исследователю обнаруживать связь события и места, что в историческом регионоведении имеет принципиальное значение.

Эпиграфика Надписи на предметах изучает эпиграфика. Эпиграфика сообщает исследователю информацию, которая зачастую отсутствует в палеографических источниках (записях, выполненных на бумаге).

Так, например, на острове Большом Аникиевом возле северо-восточной оконечности полуострова Рыбачьего сохранилась скала, поверхность которой покрыта различными надписями. Изучение этих надписей, проведенное в разное время М. Ф. Рейнеке, А. Ф. Миддендорфом, И. П. Шаскольским и Б. И. Кошечкиным, позволило установить, что это — «автографы», которые оставляли норвежские, датские, голландские моряки, приплывавшие на Мурманский берег с торговыми целями. Есть и русские надписи. Всего на скале около ста «автографов». Причем, что особенно ценно, некоторые надписи датированы, умещаясь в промежутке трех столетий — с XVI до XIX века.

Эта информация оказалась весьма важной для изучения истории торговых связей России. Так, например, норвежские «автографы» конца XVI века позволили И. П. Шас-

кольскому подкрепить свой вывод о том, что торговля на Мурманском берегу не заглохла даже после официального перевода царским указом торга в Архангельск в 1586 году.

Б. И. Кошечкин, обнаружив на скале относящиеся к концу XVII века датские надписи, определил, что они восполняют пробел палеографии этого периода о существовании датской торговли на Мурманском берегу.

К эпиграфическим материалам относятся и надгробные надписи. Они сообщают важные сведения не только об усопшем человеке, но и «рассказывают» о местных традициях социального этикета и погребальной культуры.

На старинном кладбище в Коле нами было изучено 13 надписей, относящихся к XIX — началу XX века. Они опубликованы.

Большой интерес для исторического регионоведения представляют и надписи Английского и Союзнического некрополей в Мурманске. В Английском некрополе на Планерном поле похоронены английские военнослужащие и моряки, участники интервенции на Русский Север 1918—1919 гг. А на Союзническом кладбище — английские и американские, а также одни голландский военные и транспортные моряки, ходившие, но уже в годы Второй мировой войны, в знаменитых «полярных конвоях». Надгробные надписи выполнены преимущественно на английском языке, часто содержат информацию о возрасте, профессии, месте службы (полк, корабль, транспортное судно) умершего. Эти сведения сравнимы по значимости разве что с книгами посмертной регистрации, хранящимися в каких-нибудь иностранных архивах. Поэтому надписи Английского и Союзнического некрополей были систематизированы нами в реестры, которые опубликованы.

Изобразительные источники

Целостному созерцанию прошлого помогают также изобразительные источники.

Различные виды древнего Мурмана дошли до нас благодаря голландским гравюрам XVI века, которыми проиллюстрирована книга Геррита де Фера «Плавания Баренца» (Л., 1936).

С конца XIX века в печатных изданиях о Кольском Севере стали использоваться фотографические снимки. Пожалуй, лучшие фотографии дореволюционного Мурмана были

сделаны Я. И. Лейцингером и вошли в альбом «Северный край», составленный в 1908 году архангельским губернатором И. В. Сосновским.

Большая коллекция фотографий Кольского Севера хранится в фондах областного краеведческого музея. Есть в ней фотоснимки и 1920—30-х гг., авторы которых в основном неизвестны, и периода Великой Отечественной войны, сделанные Е. А. Халдеем, К. В. Моисеевым, Р. Л. Диаментом, и послевоенного времени (фотографы Б. К. Вирин, Е. Г. Лубенец, В. Е. Кононов, М. М. Попов, Б. А. Соколов, Ю. Н. Чернопятов, Б. В. Щукин и др.).

Значительное собрание фотодокументов края хранит также Государственный архив Мурманской области.

Несколько цветных фотоальбомов о Кольском Заполярье в последней трети XX века создано С. Майстерманом. Фотолетопись жизни саамов («оленный народ») в 1950—60-е гг. вел Г. Керт, а ныне это дело продолжает А. Степаненко.

При участии мурманских старожилов, хранящих в своих домашних архивах уникальные фотоснимки, было подготовлено две серии открыток «Мурманск в старых фотографиях».

Жизнь Кольского Севера, начиная с довоенного времени, запечатлена и в документальном кино. Однако возможности и состав кинодокументальной базы изучены пока весьма слабо. В фильмохранилище Государственного архива Мурманской области сохранились документальные киноленты о Великой Отечественной войне на Кольском Севере, в том числе фильмы «Война в Арктике» (его снял Роман Кармен), «Карельский фронт», «Непокоренный Мурманск». Здесь же хранятся киножурналы «Северные зори» и другие кинодокументы, в которых отражена жизнь Мурмана с 1930-х до 90-х гг.

Архивы документальных кино- и видеоматериалов существуют и при местных телекомпаниях. Так, на ГТРК «Мурман» киноленты сохраняются с 1968 года.

Вещественные источники

В силу высокой специфичности археологического знания мы не ставили задачу дать в настоящем очерке сведения по археологии Кольского Севера. Капитальным трудом по этому сложному комплексу проблем является монография Н. Н. Гури-

ной «История культуры древнего населения Кольского полуострова» (СПб., 1997).

В отличие от остатков первобытной древности, вещественные источники более позднего времени, за исключением храмовых построек, практически не изучались. Большое собрание вещественных экспонатов хранится в областном краеведческом музее.

Справочные издания

Особую группу источников составляют справочные издания, создающиеся для систематизации той или иной информации в удобной для ее поиска форме. Справочники заметно облегчают работу исследователя. Однако относиться к содержащейся в них информации нужно критически, поскольку она отбирается и, возможно, интерпретируется ее составителями.

Справочные издания подразделяются на множество видов. О некоторых из них (статистические справочники, географические и лингвистические словари) уже рассказывалось. Остановимся здесь на иных, не упоминавшихся ранее, видах.

Например, историку, изучающему дореволюционный Кольский Север, нельзя проигнорировать **памятные книжки** и **адрес-календари**, которые ежегодно издавались в Архангельске во второй половине XIX — начале XX веков. Эти справочные издания содержат статистические сведения по губернии, данные о государственных учреждениях и должностных лицах, состоявших на службе в губернском и уездных центрах.

Много полезной для историка информации имеется и в **телефонных справочниках**, ставших неотделимой частью человеческого быта с началом массовой телефонизации в середине XX века. В них приведены названия улиц, перечень учреждений, предприятий и организаций, часто с росписью их внутренней структуры, список жителей, имевших телефон. Примечательно, что старые телефонные справочники Мурманска («Списки абонентов»), издававшиеся до начала 1980-х гг., содержали не только номера телефонов, но и адреса (улица, номер дома) их владельцев. Это обстоятельство было использовано нами при составлении свода памятных мест Мурманска, где проживали известные горожане.

Разного рода необходимую информацию содержат и **путеводители** по городу. Один из первых мурманских путеводителей был создан для служебных целей и назывался «Справочный материал для милиционера по городу Мурманску» (1964 г.). Более обширный и насыщенный сведениями путеводитель был создан А. А. Киселевым и М. А. Тулиным — это книга «Улицы Мурманска», выходившая двумя изданиями (1974, 1991 гг.). В стиле, весьма близком к путеводителю, нами были созданы справочные издания по кладбищам Мурманска.

Информация, содержащаяся в вышеперечисленных справочниках, быстро устаревает, и поэтому должна непременно связываться со временем ее опубликования.

Совсем иное измерение имеет информация, помещенная в особой справочной литературе — так называемых **«Хрониках»**, главной отличительной чертой которых является систематизация по хронологической последовательности.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны специальный отдел при Главном военно-морском штабе СССР провел большую работу по созданию «Хроники Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре», изданную в восьми выпусках в 1946—1951 гг. Долгое время находившаяся под грифом «Секретно», эта «Хроника» дает весьма полную и точную (порой до минуты) информацию о боевой деятельности Северного флота, конвойных операциях и действиях союзных флотов на Севере.

К «Хроникам» также можно отнести публикацию передававшихся по радио в годы войны ежедневных сводок Совинформбюро (В 8 тт. — М., 1944—1945). В них регулярно характеризовалась военная обстановка и на Кольском Севере.

В 1986 г. была издана подготовленная группой мурманских историков «Хроника Мурманской организации КПСС, 1899—1985». День за днем и год за годом (от первого упоминания Мурмана в ленинской работе «Развитие капитализма в России» в 1899 году) в этой «Хронике», со ссылками на источники, перечисляются наиболее значимые факты из истории Коммунистической партии на Мурмане.

В 2000 г. была опубликована подготовленная И. П. Березюк хроника событий в Мурманском траловом флоте, происшедших в последней трети XX века.

Особую группу составляют **справочники военных потерь.** Для историков и источниковедов необходимость в подготовке таких изданий стала очевидной после Великой Отечественной войны. И по сей день проблема потерь продолжает вызывать значительный интерес.

Еще в 1957 г. в Москве был издан «Справочник потерь Военно-морского и тралового флотов Германии и ее союзников, понесенных от ВМФ СССР в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг.». В 1996 г. в Архангельске Р. И. Ларинцевым и М. Н. Супруном был издан военно-статистический справочник и по потерям военно-воздушных сил Германии на Крайнем Севере — «Люфтваффе под Полярной звездой». Основу книги составили материалы Российского военно-морского архива в г. Гатчине, его отделения в Москве, архива Министерства обороны в г. Подольске, зарубежных архивов, а также полевая работа, проведенная в районах военно-воздушных катастроф. Справочник дает сведения почти о 700 погибших на Крайнем Севере немецких самолетах: в частности, указывает дату гибели, марку самолета, соединение, к которому он принадлежал, место катастрофы и причину гибели.

Но особенно актуальной и пока еще в значительной степени нерешенной остается проблема советских потерь. Правда, еще в 1959 г. был издан справочник «Потери боевых кораблей и судов Военно-морского флота, транспортных, рыболовных и других судов СССР в Великую Отечественную войну». Информация, содержащаяся в этом издании, была уточнена в другом справочнике спустя целых тридцать лет — «Суда Министерства морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны» (М., 1989 г.).

Однако, что касается потерь среди военнослужащих, то эта, пожалуй, основная сторона проблемы долгое время вообще замалчивалась. Только в 1993 г. военными историками было подготовлено и издано первое статистическое исследование «Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». На основе секретных ранее материалов в нем приведены сведения в том числе о потерях советских войск в Заполярье во время советско-финляндской и Великой Отечественной войн.

К справочным изданиям относятся и **биографические справочники.** Немало деятелей местной истории включено в

общероссийские издания — «Герои Советского Союза», «Морской биографический словарь» В. Д. Доценко. В последнее время стали выходит и местные биографические справочники — например, «Кто есть кто в культуре Мурманской области: Заслуженные работники культуры РСФСР и РФ. 1965—2000» (Мурманск, 2001), Педагогическая энциклопедия Мурманской области.

К справочным изданиям биографического характера относятся и **Книги памяти.** В 1994—1996 гг. в Мурманске вышло пять томов Книги памяти, в которые включены сведения о 30 тысячах жителей Мурманской области, призванных в действующую армию и на флот и погибших в годы Великой Отечественной войны. В пятый том вошли также сведения о погибших во время войны мирных жителях Мурманской области, участниках союзных трансатлантических конвоев, воинах-интернационалистах. В 1997 г. в Мурманске увидела свет Книга памяти жертв политических репрессий.[17]

В 1993 г. вышел подготовленный С. А. Жигулиной и В. Ф. Костюкевичем справочник «Политические партии и общественные движения Мурманской области».

Новые информационные технологии

В конце XX столетия и тем более в XXI веке стало стремительно возрастать значение электронных информационных технологий. Областная научная библиотека, Государственный архив Мурманской области, областной краеведческий музей начали работу по переводу своих информационных краеведческих баз в электронную форму, что заметно облегчит исследователю поиск нужной информации.

Другим важным достижением стала интеграция региональных информационных ресурсов в глобальную сеть Интернет, благодаря чему они становятся доступными не только в любом регионе России, но и за рубежом. В Интернете сегодня можно найти самые разнообразные материалы о Мурманской области, включая исторические. Один из самых подробных каталогов региональных ресурсов находится по адресу: **www.murman.ru.**

Исследователям истории Кольского Севера могут быть интересны сайты: «Мурманское родословное общество», «Духовность и культура на Кольской земле», «Вторая мировая

[17] См. с. 73.

война на Европейском Севере 1939—1945», «Памяти экипажа атомной подлодки «Курск»», «174-й гвардейский Краснознаменный Печенгский истребительный авиаполк им. Б. Ф. Сафонова», «470-й гвардейский Виленский ордена Кутузова истребительный авиаполк», «Бригада десантных кораблей Северного флота».

В Интернете также можно найти информационную базу редакционного архива газеты «Рыбный Мурман» за период с 1960 по 2000 гг., представляющего собой ценный источник по истории рыбной промышленности Севера.

Интернет, помимо этого, предоставляет возможность изучения региональных материалов соседних с Мурманской областью регионов, опыта историко-краеведческих исследований в целом по России и за рубежом.

И объем региональных ресурсов в Интернете год от года увеличивается.

* * *

Предпринятый нами обзор показывает, что документальный массив региона в той или иной степени представлен практически всеми известными в теории источниковедения видами. Однако востребованность этого массива наукой пока еще невелика. По-видимому, одним из серьезных препятствий является слабая изученность местной источниковой базы. Отсюда вполне естественной является необходимость развития регионального источниковедения, включающего в себя не только подготовку эмпирических обзоров местных источников, но и, что весьма немаловажно, выявление специфики регионального источника в общетеоретическом контексте источниковедения.

ЛИТЕРАТУРА[1]

Алымов В. К. О былом единстве хозяйственного быта «гипербореев» и южан // Карело-Мурманский край. 1932. № 3—4.

Андреев А. И. Исторические материалы о Кольском полуострове монастырских архивов // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. — Л., 1930.

[1] См. также список опубликованных источников по истории Кольского Севера в приложениях.

Андреев Л. И. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде // Там же.

Архивы и историческое краеведение: Материалы научно-практической конференции 3 декабря 2002 г. — Мурманск, 2003.

Белошистая А. И. Из истории периодической печати на Кольском полуострове (1917—1925 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск, 1980.

Бутков П. Г. Три древние договора руссов с норвежцами и шведами около 1000, в 1323, 1326 гг. // Журнал Министерства внутренних дел. — 1837. — Ч. XXIII.

Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. — СПб., 1998.

Гемп К. П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. — Л., 1980.

Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. — СПб., 1997.

Дащинский С. Н. Печать Советского Заполярья — коллективный организатор патриотической помощи фронту в годы Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск, 1979.

Киселев А. А. Книга В. К. Кетлинской «Вечер. Окна. Люди» как источник по истории Мурмана 1917—1920 гг. // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире. — М.-Архангельск, 2001.

Кошечкин Б. И. Имена на скале. — Л., 1981.

Куратова А. А. Об этимологии руссенорска // Исторические связи Русского Севера и Норвегии. — Архангельск, 1989.

Миколюк О. В. О степени полноты и достоверности сведений, представленных в «Книге памяти жертв политических репрессий Мурманской области» // Вестник «Баренц-центра» МГПИ. 2002. № 3.

Писцовые книги Русского Севера. Вып. 1. — М., 2001.

Смирнова Л. М. Фронтовые письма в фондах Мурманского областного краеведческого музея // 55 лет Победы в Заполярье (1944—1999): Материалы областной научно-практической краеведческой конференции. — Мурманск, 2000.

Ульянов И. Н. Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Московском древлехранилище // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. — Л., 1930.

Ушаков И. Ф. Историческое краеведение. — Мурманск, 1974.

Ушаков И. Ф. Источниковедение истории Кольского Севера (конец XV — начало XX века) // Наука и бизнес на Мурмане. 1998. № 4.

Федоров П. В., Синицкий А. Н. Мемориальные кладбища и захоронения Мурманска и его окрестностей. — Мурманск, 2004.

Федоров П. В., Синицкий А. Н. Кольский некрополь: опыт исторической реконструкции (XIX — начало XX вв.) — Мурманск, 2001.

Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. — 1945. — № 14.

Шаскольский И. П. Финляндский источник по географии северной России и Финляндии середины XVI в. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. — Л., 1973.

Щербачев Ю. Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене // Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1893. Кн. 1 (164). Отд. 1.

ГЛАВА 4.

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ КАК ПРОЦЕСС (КОЛЬСКИЙ СЕВЕР)

4.1. От фольклора к «истории обеднения»: первоначальное накопление знаний по истории Кольской земли и их осмысление в дореволюционный период.

Фольклор и обыденная история

Неотъемлемой частью человеческого сознания является историческая память. Человеческое сообщество пыталось дать объяснение историческим событиям еще задолго до появления исторической науки, и не утратило эту способность после ее появления. Не случайно голландец Симон Ван Салинген, живший во второй половине XVI века, вспоминал, что, оказавшись в Кандалакше, встретил там Федора Жиденова, «слывшего за русского философа, который написал историю Лапландии и Карелии». До нас, к сожалению, не дошли исторические труды «русского философа» из Кандалакши, и о первоначальных исторических представлениях жителей Кольского Севера мы можем судить только по фольклору.

Обыденная интерпретация истории весьма примитивна. Человек сохраняет в памяти не все подряд, а наиболее яркие, значимые с его точки зрения события. Обыденное сознание часто дихотомично. Оно дает оценку событию (или событиям) при помощи наиболее простого приема — разделения и противопоставления.

Таков, например, исторический фольклор саамов и поморов, живших на Кольской земле столетиями. «Механизм», или «пружина» исторического прошлого как для тех, так и для других — это антогонизм, рождающийся в борьбе их предков с врагами. В различных преданиях, передававшихся из уст в уста, образ врага может быть персонифицированным («Аника-воин», «великан», «разбойник», «англичанка» и т. д.) и множественным (у поморов — «шведы» и «немцы»; у саамов — «шиши», «чудь», «юльквик»).

Исход борьбы с врагом в саамской и поморской мифологии зависел от чуда, сверхестественной силы, магических способностей, божественного провидения. Таким образом, обыденное сознание, рождая миф, соединяло рациональные и иррациональные способы объяснения. Таковы были первые исторические опыты.

После революции мифология не исчезает. Многочисленные переселенцы, приехавшие на Кольскую землю в советский период, рождают собственное обыденное толкование местной истории. Оно также основывалось на простейшем приеме разделения и противопоставления. Правда, новая мифология уже не учитывает саамско-поморский культурный пласт, остающийся на периферии индустриальных строек. Отсутствие у новых поселенцев достоверной информации о Мурмане порождает миф о том, что у этого края вообще нет истории. Тем самым, «неисторический» Мурман противопоставляется хорошо обжитым районам России с «богатой историей», откуда и приехало большинство переселенцев. Не исключено, что это утверждало в исторической значимости их собственного переезда на Север.

В лучшем случае дореволюционное прошлое Кольского края связывалось в обыденном сознании советских людей со ссылкой сюда «борцов за свободу». И хотя ссылка на Кольский Север до революции в действительности не приобрела широкого размаха, этот миф появляется по аналогии с другой окраиной России — Сибирью, которая уже до революции крепко вошла в народные представления как место каторги и ссылки. Кольский край даже называли «подстоличной Сибирью», имея ввиду его сравнительную близость к столице.

Отсюда же происходит попытка объяснения географического названия города Кандалакши. В обыденном представлении это название связывалось с кандальниками, сосланными на Кольский Север. В районе нынешней Кандалакши они, мол, снимали свои кандалы — дальше бежать было некуда, — говоря при этом: «Кандалам ша!».

Подобные нелепицы рождались и в отношении других топонимов. Так, например, обыденная история объясняла происхождение названия Колы — давным-давно пришел якобы на место будущего города мужик и воткнул в землю кол: появилась Кола.

Укоренению обыденных представлений об историческом прошлом Кольской земли невольно способствовала и советская идеология. Идеологам было важно показать, что история Мурмана рождается только после Октябрьской революции благодаря преобразованиям большевиков, следовательно, до революции «темнота и невежество, цинга и эпидемии были постоянным уделом жителей полуострова». Тем самым,

утверждалось еще одно противопоставление — дооктябрьского и послеоктябрьского периодов в истории Мурмана.

И хотя наука давно уже опровергла эти суждения, обыденная история никуда не исчезла. Она продолжает конкурировать с исторической наукой в части воздействия на общественные представления. Несмотря на научно-технический прогресс, общество и сегодня в значительной степени оперирует категориями обыденной истории, являющимися наиболее простыми и доступными по сравнению с достижениями науки.

Накопление эмпирической базы по истории Мурмана

Вместе с тем образованное общество не могли удовлетворить обыденные представления, и уже с конца XVIII века оно начинает собирать разнообразные сведения о Кольском Севере и его историческом прошлом.

Интерес к Кольскому Северу, стремление к его научному изучению зародились за его пределами. В самом крае долгое время не существовало общественных сил, способных вести подобную работу.

Инициаторами этих исследований становились, как правило, представители губернской администрации в Архангельске и ученые и путешественники из Петербурга и Москвы.

Первоначальное знакомство с Кольским Севером еще не имело специализированной направленности. Первых исследователей интересовал край в его совокупности: природа, население, хозяйство, культурная жизнь, элементарные исторические сведения. Результаты этих изысканий заносились в специальные «описания».

Так, в конце XVIII века были составлены описание Колы, сделанное петербуржским ученым Н. Я. Озерецковским (1772), и описание Архангельской губернии, выполненное под руководством генерал-губернатора Т. И. Тутолмина (1775—1786).

Описания Архангельской губернии, в состав которой входил Кольский уезд, неоднократно предпринимались и в XIX веке. Их авторами были А. Пошман (1802), К. Молчанов (1813), И. Пушкарев (1845), В. Верещагин (1849). В 1830 г. М. Ф. Рейнеке составил новое описание города Колы. Все эти источники описывали главным образом современное им состояние населения, его хозяйства и быта и вводили в оборот лишь крупицы сведений по истории Кольской земли, почерпнутые у местных жителей и в архивах.

Во второй половине XIX века интерес к Кольскому Северу заметно вырос, что отчасти было связано с открытием здесь пароходного сообщения (1871 г.). Свои записки о посещении края оставили многие путешественники и ученые, предпринимаются серьезные экономические описания мурманских рыбных промыслов. На проблемы развития Кольского полуострова обратили внимание публицисты.

Тогда же на Кольском Севере зарождается краеведение. Местные краеведы включаются в процесс изучения края, публикуя свои работы в периодических изданиях губернского центра, Москвы и Петербурга. В частности, большую работу по сбору саамского фольклора провел местный священник К. П. Щеколдин, следствием чего стала публикация в 1890 г. в петербургском журнале «Живая старина» его большого труда «Лопарские сказки, легенды и сказания, записанные в Пазренком погосте, пограничном с Норвегиею».

Рост интереса к заполярной окраине может продемонстрировать издательская активность. Согласно составленному В. Н. Шейнкером аннотированному указателю литературы, тогда как в первой половине XIX века о Мурмане вышло всего 4 публикации, во второй половине того же столетия — уже 34 публикации, а в начале XX века (до 1917 года) — 60 публикаций.

Все издающиеся о Мурмане работы еще не были собственно историческими. Однако они содержали в себе много сведений, необходимых историкам.

Сама историческая наука в дореволюционный период не интересуется Мурманом специально. Но прошлое заполярной окраины уже начинает находить отражение и в сугубо исторических работах.

Так, сведения о Кольском Севере обнаруживались в многочисленных исторических источниках, публиковавшихся с XVIII в. Были выявлены и опубликованы относящийся к IX веку рассказ Отера о терфиннах (К. Ф. Тиандер), первое упоминание о «терском даннике» 1216 г. («Летописец Новгородский»), текст Разграничительной (Рунной) грамоты о создании русско-норвежского округа на Севере Европы (без даты) и русско-норвежский договор 1326 г. (П. Г. Бутков), воспоминания князя А. М. Курбского о проповеднической деятельности Феодорита Кольского (Н. Г. Устрялов), норвежское донесение о разгроме шведами Печенгского мо-

настыря в 1589 г. (Д. Н. Островский), писцовая книга Кольского острога и уезда 1608—1611 гг. (Н. Н. Харузин), записки голландского купца Салингена «О земле Лопии» (А. М. Филиппов), дипломатическая переписка России и Дании по лапландскому вопросу XVI—XVII вв. (Ю. Н. Щербачев), сообщение епископа Афанасия о действии шведских кораблей у Терского берега в годы Северной войны (Н. И. Новиков), записки французского врача Ламартиньера, побывавшего на Кольском Севере в 1653 г. (В. Н. Семенкович), Житие Трифона Печенгского (Казанская духовная академия) и др.

Не только успехи археографии, но и кропотливая работа по изучению истории международных отношений на Севере Европы, проводившаяся Н. М. Карамзиным, И. Х. Гамелем, Г. В. Форстеном, В. А. Кордтом, К. Ф. Тиандером, позволила выявить многие факты, так или иначе имевшие отношение к истории Мурмана.

Таким образом, накопленная к началу XX в. эмпирическая база по истории Мурмана открывала возможность для ее комплексного и критического изучения.

Компиляция Н. Дергачева

Одна из первых попыток обобщения разрозненных сведений о Кольском крае принадлежит архангельскому учителю Николаю Дергачеву, который по заказу губернского статистического комитета в 1860—70-е гг. занимался изучением истории Кольского Севера. Итогом его разысканий стал очерк «История Лопской земли», который, по словам автора, есть «сгруппирование всех как обнародованных материалов о Кольском полуострове и обитающих там инородцев, так и рукописных, доставленных в статистический комитет и собранных в архивах».

Н. Дергачев не предпринял теоретического осмысления обнаруженных фактов. Его труд — компиляция, обзор большинства доступных на тот момент источников по истории Мурмана, знаменовавший собой тем не менее рождение региональной, собственно «мурманской» историографии.

«История обеднения» Н. Харузина

В конце XIX — начале XX века появляются первые попытки концептуального осмысления истории Мурмана, умещающиеся в рамках схемы «истории обеднения».

В 1890 году в Москве было издано капитальное исследование Николая Харузина «Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта», написанного по результатам экспедиции автора в Лапландию.

Рассматривая историю Мурмана сквозь призму жизни саамов, Н. Харузин отрицательно оценивал влияние русской колонизации, полагая, что до прихода русских лопари жили «гораздо счастливее и покойнее». Приход же русских превратил историю «лопарского племени» в «историю его обеднения». По данным Н. Харузина, лопари поначалу даже оказывали русским вооруженное сопротивление. Начиная с XIII века, по словам Н. Харузина, «история лопарей не дает нам ни одной светлой страницы», это — «по крайней мере, полтысячелетия постоянных страданий». Проникшие в край монастыри эксплуатировали лопарей «в самых возмутительных формах», что явилось причиной обеднения лопарей, перехода их от оленеводства к рыболовству и охоте.

На «историю обеднения» работала и гипотеза о «вымирании лопарей», высказанная несколько ранее А. Кельсиевым и В. Кушелевым. Причинами деградации и вымирания лопарей ими указывались болезни, уменьшение численности оленей — источника пищи и одежды для лопарей, их кочевой образ жизни.

В отношении лопарей Н. Харузин между тем предложил более оптимистичный прогноз: несмотря на произошедшее «обеднение», «говорить о вымирании лопарей пока преждевременно», «лопари увеличиваются численностью». В то же время он признавал, что «процент прироста населения низок» вследствие «негигиенических условий» жизни и отсутствия медицинской помощи.

Периодизация В. И. Маноцкова

Схему «истории обеднения» использовал в след за Н. Н. Харузиным В. И. Маноцков, издавший в 1897 г. в Архангельске книгу «Очерки жизни на Крайнем Севере». Правда, в отличие от Н. Н. Харузина, он поставил в центр своего исследования не лопарей, а мурманские рыбные промыслы.

Определив в качестве главного условия эффективности промыслов их свободу (от государства, монополиста, конкурента и т. д.), В. И. Маноцков усматривает в процессе их развития «беспрерывные и плохо мотивированные переходы от полной свободы к монопольной зависимости», в

результате чего в длительной исторической перспективе «никаких существенных перемен в сторону большего развития промыслов, улучшения их техники, усиления их экономического значения... не произошло».

В. И. Маноцков детализирует этот вывод периодизацией. В первоначальный период возникновения промыслов на Мурмане (XIII—XV вв.) они были свободными, что, по мнению В. И. Маноцкова, способствовало их развитию. Именно тогда «Кола стягивала к себе и мезенцев, и холмогорцев, пинежан, онежан и кемлян». Но в последующий период (XVI — начало XIX вв.), когда Колу начинает посещать все меньше и меньше количество промышленников, наблюдаются уже стагнация и даже регресс вследствие попадания промыслов в зависимость от откупщиков, монополистов и самого государства. С 1813 г. мурманские промыслы вновь и уже «навсегда делаются вольными», однако их развитие останавливает невнимание государства к нуждам рыбаков, в результате чего сами промыслы начинают подменяться закупкой рыбы в соседней Норвегии, получившей благодаря этому дополнительный стимул для собственного и без того бурного экономического роста.

Историческая концепция Г. Ф. Гебеля

За рамки схемы «истории обеднения» не вышел и самый видный представитель дореволюционной историографии Мурмана Герман Федорович Гебель. Ему как предпринимателю, основавшему «Первое Мурманское китобойное и иных промыслов товарищество», было хорошо заметно отставание Мурмана от соседнего норвежского Финмарка. Не считая такое положение нормальным, Г. Ф. Гебель в след за своими предшественниками решился в очередной раз обратить внимание правительства к Северу. Его труд «Наша северо-западная окраина — Лапландия» издавался в журнале «Русское судоходство» в 1904—1905 гг., а затем вышел отдельной книгой.

Само композиционное построение работы подчинено этой цели. В ней Г. Ф. Гебель дает основательный обзор природы края, придя к выводу о ее богатстве и привлекательности. Исходя из этого, он предлагает правительству программу мероприятий, необходимых для экономического оживления Мурмана.

Встроенный в эту конструкцию «исторический очерк» также работает на общую цель. Развивая идеи «истории обеднения», высказанные Н. Н. Харузиным и В. И. Маноцковым, Г. Ф. Гебель создает концепцию, положенную на более капитальный теоретический фундамент.

Ему удалось задействовать не только все вышедшие в России источники о Кольском полуострове, но и зарубежные. Указатель использованной им литературы составляет почти сорок страниц текста. Правда зарубежным источникам он доверял больше, чем русским.

По своим теоретическим воззрениям на историю Г. Ф. Гебель был близок к представителям «государственной школы» (С. М. Соловьеву, С. Ф. Платонову и др.), считавшим государство и саму государственную власть главным фактором исторического развития России.

История Лапландии для Г. Ф. Гебеля — это история колонизации (заселения и освоения) этого края, проходящей при участии «как со стороны правительства, так и со стороны частных лиц и торговых компаний». Причем, воздействие «сверху», т. е. правительственное влияние, исследователь оценивает более высоко, нежели воздействие «снизу», самого общества. Г. Ф. Гебель показывает, как периоды подъема в истории края сменялись периодами упадка, вызывавшимися, по его мысли, «не стихийными причинами, не войнами, не отсутствием предприимчивости, но близорукостью правителей, ленью и деморализацией чиновного мира, не заботившегося о благе края». Периоды же подъема Г. Ф. Гебель, напротив, связывает с деятельностью мудрых правителей.

Он выстраивает свою периодизацию, выделяя в истории края четыре периода, каждый из которых соответствует очередной волне колонизации.

Первый из них Г. Ф. Гебель определяет в границах от наиболее раннего упоминания Лапландии «викингом» «Отаром» в IX веке до русско-норвежского договора 1326 г. Исследователь считал этот период началом заселения Мурмана русскими людьми, что довольно гипотетически обосновывалось им образованием на основании Рунной грамоты совместного норвежско-новгородского округа по сбору дани с саамов. Рунная грамота, дошедшая без даты ее создания, датируется им тоже на основе гипотез, предложенных

Н. М. Карамзиным и П. В. Бутковым, — не позже XI века. Этого доказательства было явно недостаточно, и Г. Ф. Гебелю пришлось принять даже сомнительную редакцию упоминая Колы («Колоперемь») в договорной грамоте тверского князя Ярослава Ярославича от 1264 г. Других источников, прямо указывавших на существование русских селений в Лапландии до XV века, обнаружено не было.

Г. Ф. Гебель, видимо, чувствовал уязвимость своей позиции, основанной сплошь на гипотезах, поэтому определял состояние края в тот период как «хаотическое» и даже допускал возможность временного оставления Колы жителями в силу неудачных рыбных промыслов и частых набегов врагов. Только по мере укрепления Русского государства, что произошло уже во второй период (1326—1665 гг.), по его мнению, удалось в значительной степени устранить притязания иностранцев на Мурман. Как раз на время с середины XVI до середины XVII веков приходится, по убеждению Г. Ф. Гебеля, «полный расцвет Лапландии». Богатство уловов и установившийся на Мурмане режим «порто-франко» (свободная таможенная зона) породили вторую колонизационную волну на Мурман. Вывод Г. Ф. Гебеля о расцвете Лапландии в этот период базировался на несогласованном с русскими источниками сообщении бывшего секретаря Норботтенского фохта Якова Перссона «О Лаппмарке и Триннесе» от 1581 г., в котором сообщается, что на Мурманском берегу в 1580 г. «ловили рыбу 7426 лодок... каждая по 4 человека команды» (это 29704 человека), а в становище Цып-Наволок на полуострове Рыбачьем имелось 937 дворов. Столь впечатляющие для Мурмана цифры были несопоставимы даже с началом XX века.

Третий период истории края (1665—1813 гг.), как и четвертый (1813—1898 гг.), соответствовали, по Г. Ф. Гебелю, времени упадка Мурмана. Если в третий период государство «задавило» местное население новой системой сбора пошлин и десятины с последующей передачей промыслов в монополию различным вельможам и компаниям, то четвертый оказался разрушительным по обратной причине: государство, сделав после закрытия Беломорской компании мурманские рыбные промыслы «вольными», почти утратило интерес к Мурману, что привело к разрастанию кулачества. Эксплуатации труда рыбака при помощи «системы полного, неограниченного произвола... горсти эксплуататоров». Ручейки ко-

лонизационного движения на Мурман, хотя и имели место в третий период, после отдачи в середине XVIII в. промыслов в монополию к графу П. И. Шувалову (которого Г. Ф. Гебель, в отличие от многих других вельмож, оценивал положительно), и в четвертый период, после установления правительством льгот для желающих переселиться на Мурман, все же кардинально не изменили ситуацию к лучшему.

Поскольку будущее Мурмана Г. Ф. Гебель связывал прежде всего с рыбными промыслами, в качестве главного участника мурманской истории он видел помора-рыбака. Лопари не интересовали Г. Ф. Гебеля. В вопросе о «вымирании лопарей» Г. Ф. Гебель поэтому не только поддержал пессимистов, но и пошел дальше их, утверждая, что лопари вымирают по «естественному закону», которому «все малоспособные к культуре охотничьи и кочевые племена, приходя в соприкосновение с культурными народа, исчезают с лица земли, уступая им свое место». Г. Ф. Гебель критиковал Н. Н. Харузина за стремление защитить лопарский народ, иронично называя его «платоническим другом лопарей». Лопарский народ «приговорен к исчезновению», — писал Г. Ф. Гебель, — «и никто не будет жалеть о том, что исчезнет ленивый, грязный лопарь-кочевник...».

Такой вывод, конечно, не украшал исследование Г. Ф. Гебеля, переступившего тем самым этическую грань исследователя.

В остальном же его труд своеобразно подводил черту теоретическим разработкам дореволюционной историографии Мурмана, окончательно утверждая «историю обеднения» в качестве ее несущей конструкции.

* * *

Дореволюционная историография Мурмана проделала немалую работу, фактически предложив взамен примитивных обыденных представлений о прошлом Кольской земли концепцию «истории обеднения». Последняя базировалась уже не на элементарной схеме противопоставления двух элементов, как в историческом фольклоре саамов и поморов, а предусматривала рассмотрение истории как развивающегося процесса, хотя и однонаправленного (от богатства к бедности).

Появление «историй обеднения» в период нарастания либерально-демократических ожиданий российской общественности не было случайностью. В конце XIX века особенно заметным стало отставание Мурмана от промышленно развитых регионов. Прецедент произошедшего в давние времена расцвета Мурмана и наступившее затем «обеднение», хотя имели шаткую источниковую основу, принимались исследователями практически безоговорочно в надежде убедить правительство в мысли о большом потенциале Кольского Севера и в необходимости поэтому обратить внимание на нужды его жителей. Наука тем самым оказывалась орудием публицистики.

Однако уже в дореволюционной историографии раздавались отдельные голоса, противоречащие такому подходу. Так, например, А. М. Филиппов, обнаруживший и опубликовавший «Сообщение» голландского купца Симона ван Салингена, в котором под 1565 годом упоминается Мальмус (Кола), предположил, что это «известие Салингена является первым известием о Коле». Его фактически поддержал А. В. Тищенко, полагавший, что освоение русскими людьми Мурманского берега начинается лишь во второй половине XVI века; отрывочные и сомнительные источники, относящиеся к более раннему периоду, он не считал «документальными».

4.2. От «истории обеднения» к «истории роста»: развитие региональной интерпретации формационно-классовой концепции в советский период

Принципы советской исторической школы

Произошедшая в России революция кардинально повлияла на развитие исторической науки. Советские ученые были ограничены жестким идеологическим контролем власти, и могли руководствоваться только формационно-классовой теорией истории, разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом и впоследствии развитой вождями Советского государства. Это учение было объявлено в СССР единственно верным, и всякие отступления от него считались отходом от истины и истолковывались как пособничество «буржуазной» науке. В результате вся дореволюционная немарксистская историография, подвергнувшись идейной критике с позиций принципов формационно-классовой теории,

должна была быть отвергнута. Советские историки принялись за написание новой истории.

Основными принципами марксистского учения об истории являлись: представление о приоритете материального над духовным; рассмотрение исторического процесса как последовательной смены общественно-экономических формаций обеспечивающих перманентный социально-экономический прогресс (каждая последующая формация стоит на более высокой ступени развития по сравнению с предыдущей); определение классовой борьбы в качестве движущей силы истории; отрицание самостоятельной роли личности в истории; признание культуры продуктом социально-экономического уклада.

Этим принципам придавался всемирный характер, и советским историкам ставилась задача объяснить не только отечественную, но и всеобщую историю с позиций марксистского учения, что в конечном итоге предусматривало рекламирование выбранной СССР политической системы социализма как неизбежной для всего мира.

Выросшая на основе гегелевской диалектики формационно-классовая теория в годы узурпации власти И. В. Сталиным при его непосредственном участии была наиболее упрощена, потеряв свой глубинный диалектический смысл. Классовая борьба, как главная движущая сила истории, по Марксу, низводится И. В. Сталиным до схемы примитивной дихотомии, в результате чего вся история начинает рассматриваться только в черно-белом свете по шаблону: враг — свой; революционер — контрреволюционер и т. д. Эта схема не предусматривала никаких переливов или оттенков.

К тому же исключалась всякая критика В. И. Ленина и правящих вождей Советского государства.

Советские ученые практически не имели возможности свободно высказывать свои мысли. В этих условиях рождается особый «эзопов язык», с помощью которого отдельным исследователям все же удавалось «между строк» показать нестандартность своего мышления.

Лишь в годы хрущевской «оттепели» власть несколько ослабляет цензуру, открывает многие ранее засекреченные документы. На волне развенчания культа личности И. В. Сталина историки даже получают возможность легальной

критики сталинского руководства. Происходят дискуссии между историками старого и молодого поколений вокруг толкования наиболее туманных идей В. И. Ленина.

При сохранении принципов формационно-классовой теории в качестве методологической основы советской исторической науки, историки в СССР между тем начинают постепенно преобразовывать методологию. Этому во многом способствовал нереализованный диалектический потенциал марксистской теории. Прежде всего, это касалось оценки развития самого общества: классовый антогонизм отныне начинает восприниматься не так категорично, как раньше; историки обращают внимание на «маленького» человека и его нужды.

И что характерно, рамки свободы стали раздвигаться не столько в столичной, сколько в региональной историографии. Историки, жившие в провинции, брали инициативу в свои руки.

Проблематика и эмпирическая база исследований

Бурные события XX века, затронувшие и преобразившие Кольский край, повысили к нему интерес советской исторической науки. В 1920—40-е гг. местной историей, кроме краеведов, занимаются ученые-специалисты из Ленинграда и Москвы. А начиная с 50-х гг. в Мурманске начинает складываться местное сообщество ученых-историков.

Формационно-классовая методология требовала первоочередного внимания исследователей к социально-экономической и социально-политической проблематике. Исходя из этого, в советский период выходят работы, в которых рассматриваются вопросы колонизации Кольского Севера (А. И. Андреев, С. Ф. Платонов, И. П. Шаскольский), социально-экономические отношения в поморской и саамской общинах, рыбацкой артели (И. Н. Ульянов, И. Ф. Ушаков, А. И. Копанев), развитие мурманских рыбных промыслов (Н. А. Кораблев, И. Ф. Ушаков), развитие торговли (И. М. Калинин, М. М. Громыко, И. П. Шаскольский, Т. А. Шрадер), социальные движения и история ссылки на Кольском Севере (М. Д. Рабинович, М. Н. Мартынов, И. Ф. Ушаков), строительство Мурманской железной дороги (Е. К. Арьева, И. Ф. Ушаков). Все эти проблемы в той или иной степени изучались еще в дореволюционный период; советской исто-

риографии требовалось конкретизировать, углубить или переосмыслить этот материал.

Советские ученые стали разрабатывать и относительно новые проблемы дореволюционной истории края, такие, как первобытное прошлое Кольского Севера (А. В. Шмидт, Н. Н. Гурина, З. А. Витков), последствия опричнины на Севере (П. А. Садиков), боевые действия в крае и защита его от иноземных врагов (Е. В. Тарле, В. В. Косточкин, И. Ф. Ушаков, П. Д. Быков, К. Ф. Фокеев, Н. А. Залесский), зарождение и развитие арктического мореплавания (М. И. Белов, В. В. Мавродин).

Принципиально новую проблематику исследований открывал послеоктябрьский период истории края. В центре внимания ученых оказались история революции, интервенции и Гражданской войны на Мурмане (Н. А. Корнатовский, В. В. Тарасов, А. А. Киселев и Ю. Н. Климов), политика большевиков по построению и развитию социализма на Кольском Севере (Ю. Н. Климов, А. А. Киселев, В. П. Пятовский, В. К. Гудзенко, Н. А. Дмитриев, М. И. Сухарев, Т. А. Киселева и др.), Великая Отечественная война в Заполярье (Н. М. Румянцев, Б. А. Вайнер. С. А. Смирнов, И. А. Козлов, В. С. Шломин и др.).

Расширение проблематики исследований потребовало введения в оборот новых источников по истории края. Начиная с 1928 г. для изучении проблем первобытной истории Мурмана ученые стали привлекать археологические материалы. Тогда же, в 1920-е гг., в Ленинграде были подготовлены и изданы грамоты Коллегии экономии, содержащие важнейшие документы по истории Севера XVI—XVII вв. В 1930 г. Археографической комиссией АН СССР был издан «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII веках», в которые вошли многочисленные документы преимущественно социально-экономической истории края, обнаруженные в ленинградских и московских архивохранилищах А. И. Андреевым и И. Н. Ульяновым. В 1939 г. в Ленинграде был напечатан подготовленный группой ученых под руководством профессора В. П. Вощинина первый том «Географического словаря Кольского полуострова», содержащий ценные сведения по истории и топонимике. В послевоенные годы были опубликованы «Соловецкие летописцы» второй половины XVI века (М. Н. Тихомиров и В. И. Корецкий), акты Соловецкого монастыря за период с

1479 по 1584 гг.» (И. З. Либерзон), рассказ Ноусиа о Русском фольклора Терского берега (Д. М. Балашов) и саамского фольклора (Е. Я. Пация).

В 1920—30-е гг. в Мурманске появились свои архивы, ставшие центрами сбора и хранения источников советского периода. На их основе было осуществлено несколько крупных документальных публикаций: вышли сборники документов и материалов «Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане» (1960 г.), «Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района» (1964 г.), «Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки» (1967 г.), «Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток» (1969 г.), «Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе» (1970 г.), «Мурманская область в годы Великой Отечественной войны» (1978 г.), «Развитие рыбной промышленности Мурманской области» (в 2-х томах, 1986—1991 гг.).

Комплексное изучение эмпирической базы позволило местным историкам И. Ф. Ушакову и А. А. Киселеву нарисовать целостную историческую картину Кольского Севера, взяв за основу формационно-классовую концепцию. В первой половине 1970-х гг. одна за другой у них вышли объемные монографии по дооктябрьскому (И. Ф. Ушаков, «Кольская земля») и советскому (А. А. Киселев, «Родное Заполярье») периодам истории края. Подобный опыт имеется далеко не в каждом регионе России.

Критика дореволюционной историографии Мурмана

Создание региональной интерпретации формационно-классовой концепции требовало от ученых выработки отношения к дореволюционной историографии Мурмана и его единственной концепции — «истории обеднения». Несмотря на критическую установку советской идеологии к дореволюционному наследию, «история обеднения» оказалась не сразу ею отвергнута, продолжая значительное время оказывать влияние на советских историков. С марксизмом старую концепцию сближал социально-экономический детерминизм, а с советской идеологией — стремление принизить достижения дореволюционной эпохи, необ-

ходимое в данном случае для того, чтобы сильнее возвысить завоевания большевиков.

Поэтому со стороны отдельных исследователей не только не видно критики «истории обеднения», но даже наоборот — заметны попытки развить отдельные ее положения.

Связь со старой историографией в первую очередь сохраняло дореволюционное поколение историков, пережившее революцию.

Известный русский историк, ученик В. О. Ключевского, А. А. Кизеветтер накануне своей эмиграции, в 1919 г., в Вологде опубликовал свой очерк «Русский Север. Роль Северного края европейской России в истории русского государства». Принимая «историю обеднения», он начинал упадок Мурмана уже с 80-х гг. XVI века (т. е. на 80 лет раньше, чем у Г. Ф. Гебеля), связывая его с основанием Архангельска и переносом туда главного торга. Однако происшедшее в XVIII в. укрепление России на балтийских берегах, когда северный путь перестает служить единственным «окном в Европу», привело, по его мнению, к потере Архангельском своего былого могущества и снижению значения Севера в Русском государстве. Следствие этого пожинали и в XIX веке, когда Северный край, как писал А. А. Кизеветтер, был «оставлен за бортом технического прогресса».

Концепцию А. А. Кизеветтера фактически поддержал виднейший представитель «государственной школы» академик С. Ф. Платонов. Составляя в 1923 г. обзор истории Мурмана для коллективного сборника статей «Производительные силы района Мурманской железной дороги», он писал: «Заря торгового оживления, занявшаяся в 60-х годах XVI века, погасла на целые века, и Кольский полуостров... стал действительно «убогим местом», как называли его московские дипломаты конца XVI века. За XVII и XVIII века Кольский полуостров не имеет истории и в русской жизни не играет роли. Только в XX столетии он начинает оживать. Поразительная хозяйственная деятельность архимандрита Ионафана в возобновленном Печенгском монастыре (с 1890 года) конкретно показала, чего может достичь разумная колонизация в «краю зело дальнем и отлеглом». Основание г. Александровска (1899) ука-

зало на желание русской власти воспользоваться незамерзающими бухтами Ледовитого океана. А последняя война (Первая мировая. — **П. Ф.**) заставила осуществить давно подвергнутый обсуждению проект железной дороги на Мурмане. Новая заря возрождения Мурмана, надеемся, не угаснет и сменится ясным днем».

В советской историографии получила неожиданную поддержку одна из часто встречающихся идей в «истории обеднения» — о русском заселении Кольского Севера в период Киевской Руси. Не принимавшаяся, правда, ни А. А. Кизеветтером, ни С. Ф. Платоновым, она культивируется в работах других ученых (В. В. Тарасов, В. В. Косточкин, И. С. Миславский), публицистов и краеведов (Н. Пинегин, Ф. Беляевский, В. Копяткевич, А. Мошкин) и даже находит свое углубление в трудах известного полярника, Героя Советского Союза К. С. Бадигина.

В своей кандидатской диссертации, посвященной ледовым плаваниям русских поморов, К. С. Бадигин утверждал: в течение XII—XV веков благодаря активной промысловой деятельности «русскими поморами были совершены все важнейшие географические открытия в Ледовитом океане», «от Скандинавского полуострова и до Берингова пролива». Вывод, сделанный К. С. Бадигиным в 1953 г., в духе развернувшейся тогда в СССР борьбы с космополитизмом отстаивал приоритет русских мореплавателей в освоении Арктики, уже работая на «холодную войну»: «В те века, — писал К. С. Бадигин, — когда западноевропейцы еще не решались проникать в ледовитые моря, русские мореплаватели добились больших успехов в освоении льдов, и плавания их за Полярным кругом стали к XIII—XV векам массовым явлением»; следовательно, «появлением достоверных представлений о морских льдах и природе Ледовитого океана народы западно-европейских стран обязаны русским северным мореходам», «русские мореходы... были первыми наставниками и учителями англичан, голландцев и других иноземцев в ледовом мореплавании». Арктические походы поморов, утверждал К. С. Бадигин, «составили эпоху великих русских географических открытий в Северном Ледовитом океане», произошедших «значительно раньше открытий Колумба, Васко да Гамы, Магеллана».

Обосновывая свою теорию раннего проникновения русских мореходов в Арктику, К. С. Бадигин ссылался на не-

известные науке «записки русского морехода Ивана Новгородца», карты плавания Амоса Коровинича, вкладные книги.

На основе диссертации он написал большую книгу «Путь на Грумант», которая разошлась по стране большими тиражами.

Теория К. С. Бадигина имела прямое отношение к региональной историографии. Столь активная деятельность поморов в Арктике могла происходить только в случае освоения ими арктического побережья: исходя из этого, К. С. Бадигин указал, что на Мурманском берегу в XVI веке находилось уже «47 поморских портов». Тем самым подтверждалась идея о раннем заселении Кольской земли русскими людьми.

В советскую историографию проникали и некоторые другие идеи старой «истории обеднения»: идея о вымирании лопарей (Е. Рахманинов, А. Ходосов) и экономическом регрессе лопарского хозяйства (П. М. Трофимов); идея о расцвете мурманских рыбных промыслов на рубеже XVI—XVII вв. (В. В. Мавродин, В. П Пятовский) и последующем нарастании в их развитии кризисных явлений затяжного характера (В. П. Пятовский).

С этими же идеями были связаны и оценки такого рода, что к середине XIX века «сплошь неграмотные поморы» работали на Мурмане орудиями XVI века (Н. Пинегин, А. Мошкин), что местному населению была свойственна «почти поголовная неграмотность, низкий уровень культурного... развития» (В. П. Пятовский). Подобная характеристика, естественно вытекавшая из «истории обеднения», в немалой степени определялась и оценкой самого В. И. Ленина, согласно которой к северу от Вологды царила «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

Концепция «истории обеднения», при всей своей гибкости, между тем содержала одно вопиющее противоречие с марксизмом: отстаивая идею длительного регресса, она не отвечала основному принципу учения К. Маркса о перманентном социально-экономическом прогрессе, который только и обеспечивал обоснование неизбежности наступления высшей, коммунистической формации.

Исходя из этого, в советской региональной историографии постепенно набирают силу идеи, отвергающие старую схему «истории обеднения», вследствие чего рождается про-

тивоположная концепция — «истории роста», которая обосновывает процесс постепенного заселения и освоения Лапландии по нарастающей тенденции, от низших форм к высшим, от простых к сложным.

Решение этой задачи требовало, в первую очередь, пересмотра идеи о древнерусском заселении Мурмана. Ведь капитальный массив источников, подтверждающих существование русских поселений на Кольском Севере, ведет свое начало с XV века. Искусственное удревление истории Мурмана на несколько столетий при отсутствии надежных источников затрудняло возможность показа эволюции роста экономики края, как того требовал классический марксизм. Это и послужило основой для формирования идеи о поздней колонизации края. Сторонники такого подхода относили начало его заселения русскими людьми к XV веку (Терский берег) и XVI столетию (Мурманский берег). Обоснование этой точки зрения формировали А. И. Андреев, С. Ф. Платонов, И. П. Шаскольский, И. Ф. Ушаков.

Так, И. П. Шаскольский, в отличие от Г. Ф. Гебеля и других сторонников ранней колонизации края, не отождествлял образование совместного новгородско-норвежского округа по сбору дани с саамов с началом русского заселения Лапландии, полагая, что в XII—XIV вв. русская колонизация носила исключительно промысловый характер, и только в XV веке приняла форму заселения.

Эта позиция потребовала критического отношения к сообщению договорной грамоты тверского князя Ярослава Ярославича с Новгородом от 1264 г. Упомянутую в ней «волость Колоперемь» дореволюционные, а в след за ними и советские исследователи связывали с городом Колой. И. Ф. Ушаков и И. П. Шаскольский оспорили такой прием, указав временем возникновения Колы XVI век на основе сообщения Софийской летописи за 1532 г. (о строительстве возле реки Колы православного храма), сообщения Ноусна от 1556 г. (упоминающего Колансоу) и сообщения Салингена от 1565 г. (упоминающего Колу под названием «Мальмус»).

Были подвергнуты критике и исторические работы К. С. Бадигина о древнейшем освоении русскими поморами Арктики. Группа крупнейших советских ученых, в числе которых были В. П. Андрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, В. В.

Мавродин, признали источники, которыми пользовался К. С. Бадигин, «подделкой», а сам его труд — фальсификацией.

Оказались пересмотренными и другие положения «истории обеднения». В. К. Алымов, а в след за ним И. Ф. Ушаков и А. А. Киселев подвергли критике гипотезу о «вымирании лопарей». И. Ф. Ушаков указал на то, что «несмотря на колебания, в исторической перспективе за три столетия... до первой мировой войны — виден неуклонный рост численности лопарей», «саамская народность, находясь в сфере русской колонизации, показала себя жизнестойкой и способной к социально-экономическому и культурному прогрессу». Этим же выводом отвергалась концепция Н. Н. Харузина, настаивающая на произошедшем с приходом русских «обеднении лопарей». Также И. Ф. Ушаков не согласился с харузинским представлением об исконном существовании оленеводства у лопарей. Он считал, что транспортное оленеводство появилось у них только в XV веке, а продуктивное оленеводство — в первой половине XVII века.

Подверглась критике и точка зрения П. М. Трофимова, который в духе харузинских идей утверждал, что «с развитием капитализма экономическая основа существования саамов — оленеводство было подорвано», вследствие чего «вся народность была превращена в наемных пастухов и работников на промыслах». И. Ф. Ушаков в противовес этому настаивал на том, что «статистические данные и другие источники говорят не об упадке, а о дальнейшем развитии оленеводства», в эпоху капитализма «среди саамов усилилось имущественное расслоение».

Наконец, критике была подвергнута и обоснованная Г. Ф. Гебелем периодизация развития мурманских рыбных промыслов. Сообщение Якова Перссона от 1581 г., как основополагающий источник, позволивший Г. Ф. Гебелю назвать период с середины XVI до середины XVII века «полным расцветом Лапландии», был отвергнут И. Ф. Ушаковым как неточный и незаслуживающий доверия. Рассматривая XVI столетие временем не расцвета, а лишь первоначального становления мурманских рыбных промыслов, И. Ф. Ушаков не согласился с идеей об их затяжном упадке в последующий период: «В развитии морских промыслов на Мурмане, — писал он, — наблюдались временные спады, но в широкой перспективе происходил неуклонный рост добычи рыбы и жира».

Поэтому же И. Ф. Ушаков пересматривает и утвердившуюся в советской историографии оценку о низком культурном уровне русских поморов. Он утверждал, что в XVI — первой половине XVIII века русское население Кольского края по уровню культуры не уступало сельскому населению центральной России, а в некоторых отношениях превосходило его, указав на значительное распространение грамотности среди поморов. И хотя в последующем в связи с основанием Петербурга и перенесением главных морских ворот на Балтику более заметным стало отставание Мурмана от промышленных районов России, даже при этих условиях на Кольском Севере был достигнут «известный прогресс», его жители по уровню грамотности и в конце XIX века не уступали населению большинства других регионов страны.

Такой же оптимистичной была оценка И. Ф. Ушакова и политической сознательности населения до революции, несмотря на существовавшую тогда точку зрения, согласно которой Кольский край в силу своей экономической отсталости не знал революционного движения, представляя собой «самый темный угол в мракобесной царской России» (М. С. Кедров). И. Ф. Ушаков признал, что, хотя «на Кольском полуострове не было аграрного движения» и крестьянство «не приняло сколько-нибудь заметного участия в революционной борьбе», местное население «подверглось сильному идейному влиянию революционных событий в стране и воздействию пропаганды политических ссыльных».

Таким образом, на основе критики старой «истории обеднения», в региональной историографии утверждается формационно-классовый подход, рассматривавший исторический процесс как перманентный прогресс.

Проблема феодализма

Критика старой концепции «истории обеднения» сопровождалась принципиальной дискуссией в среде сторонников нового подхода, возникшей вокруг проблемы феодализма. Отсутствие на Кольском Севере дворянства и крепостного права, неземледельческий характер местной экономики, ведущая роль торговли, разрушавшей натуральную основу хозяйства, — все это заметно выделяло край на общем фоне феодальной России и тем самым заставляло некоторых исследователей сомневаться в существовании феодализма на Мурмане.

Феодальную природу местного общества на Русском Севере отвергал, например, академик С. Ф. Платонов. Развивая идеи М. Н. Покровского, он называл новгородский период «эпохой капиталистической эксплуатации края». Следующий же, московский период он связывал с ликвидацией боярского землевладения и становлением «демократической основы русского населения» — крестьянского самоуправления. С. Ф. Платонов рисовал картину победного шествия «торгового капитала» на Севере, исходя из «бесспорного факта громадного влияния иностранной торговли на все стороны жизни Севера, который из глухой окраины государства стал одной из самых оживленных областей».

Несколько иную точку зрения предложил И. Н. Ульянов. Он хотя, в отличие от С. Ф. Платонова, считал Крайний Север «довольно прочно включенным в систему феодального хозяйства», вместе с тем тоже признавал своеобразие Мурмана на фоне крепостной России, полагая, что «это был какой-то оазис, в котором товарно-денежные отношения получили наибольшее распространение в сравнении с остальной территорией Московского государства». Близкие идеи у П. М. Трофимова.

С таким подходом фактически не согласился И. Ф. Ушаков. Будучи наиболее последовательным сторонником идеи феодализма на Мурмане, он утверждал, что это «не какой-то особый тип, а одна из разновидностей общерусского феодализма», феодальная система достигла здесь «вполне зрелого развития». Исходя из этого, И. Ф. Ушаков пришел к выводу, что на Кольском Севере в феодальную эпоху существовал даже «смягченный вариант крепостного права», имея ввиду закрепощения крестьян монастырями.

В то же время И. Ф. Ушаков признает наличие некоторых особенностей развития феодализма в крае. Развивая теорию общерусского феодализма Л. В. Черепнина, И. Ф. Ушаков утверждал, что феодализм на Кольском Севере сложился в двух формах — государственной (черносошные волости и погосты) и церковной (монастырские и патриаршие вотчины), дворянского землевладения здесь не возникло, отсутствовала торговля людьми и другие крайние проявления крепостничества.

Становление феодализма в крае И. Ф. Ушаков связывал с системой луковладения. Он считал, что первоначально под

термином «лук» подразумевался охотник — владелец лука, обложенный данью, однако в дальнейшем значение понятия изменилось: «лук» превратился, с одной стороны, в единицу налогообложения, а с другой — в конкретный участок на местности, условную долю доходности общинных угодий. Владение луками, по И. Ф. Ушакову, «ставило крестьян в феодально-зависимое положение по отношению к государству». Ученый замечал, что черносошные крестьяне Кольского Севера сначала имели право распоряжаться луками как своей собственностью: могли продавать, обменивать, закладывать и т. д., что заложило основу социального расслоения и закабаления бедноты богатеями и духовными феодалами. Но с середины XVII века это право у них было отнято в силу «укрепления самодержавной власти и усиления крепостничества».

Сама феодальная система в крае, в отличие от Центра, по словам И. Ф. Ушакова, «зиждилась не на земледельческом производстве, а на промыслах». Причем, промыслы, будучи внешне вольными, были связаны с системой феодализма покрутом — широко практиковавшейся на них кабальной организацией труда рыбаков, «сочетавшей в себе феодальные и капиталистические черты».

Другую особенность И. Ф. Ушаков видит в том, что «феодализм в промысловом варианте имел ярко выраженный торговый характер»: если для аграрного феодализма свойственна натуральная основа хозяйства, то «на Кольском Севере и крестьянское, и вотчинное хозяйство были теснейшим образом связаны с рынком, как с внутренним, так и с внешним».

Это связь еще сильнее упрочилась после ликвидации государством во второй половине XVIII века духовных вотчин и монополий на скупку сала и рыбы, что уже, по мысли И. Ф. Ушакова, способствовало зарождению капиталистических отношений в крае. Тем самым развитие феодализма по восходящей линии сменяется в этот период нисходящим процессом, но «до полной победы капитализма было еще далеко».

Проблема формационной периодизации

Региональная интерпретация формационно-классовой концепции, развиваемая мурманскими историками И. Ф. Ушаковым и А. А. Киселевым, привела их к

построению следующей периодизации истории края: 1) первобытнообщинный строй (с древнейших времен до XV века); 2) феодализм (XV век — 1861 г.); 3) капитализм (1861—1917 гг.); 4) Великая Октябрьская социалистическая революция и Гражданская война (1917—1920 гг.); 5) период строительства социализма (1921—1937 гг.); 6) период укрепления и развития социалистического общества (1938—1958 гг.); 7) период развертывания коммунистического строительства (с 1959 г.).

Такая периодизация традиционна для советской историографии, и единственное расхождение со стандартной схемой, которое мог себе позволить исследователь, заключалось в определении датировок границ, отделяющих один период от другого.

Это и сделал И. Ф. Ушаков, указав границей первобытнообщинного и феодального строя не IX век (как было принято в общерусской интерпретации), а XV век, связав его с началом русского заселения Кольского полуострова.

Утверждение же капиталистической формации на Кольском Севере И. Ф. Ушаков объединял с общероссийским процессом и, в частности, с отменой крепостного права, несмотря на то, что сама реформа 1861 года «практически не коснулась Крайнего Севера». Ведь здесь никогда не было ни помещиков, ни крепостных. Однако падение крепостного права, по мысли И. Ф. Ушакова, «ускорило развитие капитализма в России и тем самым открыло более благоприятные возможности для освоения Севера».

Периоды советского этапа истории определяли сами партийные вожди, поэтому их коррекция на региональном уровне была практически невозможна. Так, И. В. Сталин в конце 1936 г. известил советский народ о том, что социализм в стране в основном построен; Н. С. Хрущев же в 1959 г. провозгласил курс на развернутое строительство коммунизма.

Эта периодизация, предполагающая последовательную смену общественно-экономических формаций, каждая из которых прогрессивнее предыдущей, фактически окончательно ломала старую концепцию «истории обеднения».

В то же время новая периодизация имела существенный недостаток: приспособленная главным образом к русскому населению, она не учитывала темпы развития саамского

общества. Это привело к тому, что исследователями начала конструироваться отдельная, «саамская» периодизация.

Так, И. Ф. Ушаков вынужден был признать, что приход русского населения на Кольский полуостров в XV веке моментально не привел к переходу саамов от первобытного общества к раннеклассовому. Сбор дани с саамов в начальный период их подданства еще нельзя считать феодальной эксплуатацией, «это был обычный побор с побежденных». Только «после христианизации саамов и введения воеводского управления краем» положение стало меняться. Обложение второй половины XVI века, считал И. Ф. Ушаков, носило уже «феодальный характер» — «дань превратилась в феодальную ренту».

Последующий период развития саамского общества опять не вписывался в общепринятую периодизацию, поскольку фактически выявил неизменяемость саамского хозяйства на протяжении столетий, невосприимчивость его к веяниям капитализма. Исследователи, конечно, понимали, что теория К. Маркса фактически была неприменима в отношении традиционных обществ, однако, подчиняясь обязательным принципам, были вынуждены оставаться в рамках формационной терминологии, даже несмотря на возникновение чудовищных противоречий с классической марксистской схемой. Так, в частности, рождается вывод о том, что к концу 1920-х гг. способ производства у саамов оставался «полупервобытным», в результате чего социалистическая коллективизация оленеводческих хозяйств позволила саамам прийти к социализму, минуя капитализм (В. К. Гудзенко).

Исторический метод: ослабление классового антагонизма

Марксистская схема, в особенности взятая в ленинско-сталинской интерпретации, выявляла свое несовершенство и при объяснении общественных процессов. Предложенные К. Марксом понятия «базиса», «надстройки», «класса», «классовой борьбы» не могли объяснить все феномены социальной истории. И это особенно стало заметным в советской исторической науке с началом хрущевской «оттепели», когда с ослаблением цензуры исследователи почувствовали веяния свободы. Именно тогда «либерально» настроенные представители сталинского поколения исследователей и поколение молодежи, пришедшее в науку на рубеже 1950—60-х гг. («ше-

стидесятники»), хотя и оставаясь в русле марксистской методологии, начали коррекцию исторического метода, направленную на постепенное усиление элементов диалектики в господствовавшей тогда примитивной схеме классовой дихотомии. В результате постепенно изменялся подход изучения социальных процессов: в общественном развитии все меньше наблюдали непримиримый классовый антагонизм, но все больше — эволюционные тенденции, позволяющие рассматривать разные слои общества как части единого целого.

Причем, наиболее активно этот процесс продвигался региональными научными сообществами, где, в отличие от столицы, заметно слабее действовала научная цензура. Это видно хотя бы на примере характеристики стрелецких волнений в Коле 1698—1699 гг.

Так, например, М. Д. Рабинович в 1956 г. считал эти волнения «запоздалым откликом московских и азовских событий», относя их к числу мятежей, направленных против правительственной власти и петровских реформ. Стрельцы, по его мнению, хотя в этой борьбе и «сделались орудием боярской консервативной оппозиции», все же боролись за свои узко кастовые интересы, примыкая при этом к народным движениям. То громкое политическое звучание, которое придал этим выступлениям М. Д. Рабинович, однако, уже почти не слышно в работах мурманского историка И. Ф. Ушакова: «Выступление стрельцов в Коле, — писал он в 1962 г., — не было связано с происходившими в центре страны реакционными стрелецкими бунтами. Оно не вдохновлялось извне, не было направлено против начавшихся преобразований Петра I. Его целью было прекращение злоупотреблений местного воеводы».

Эволюция исторического метода еще сильнее заметна в региональной историографии революции и Гражданской войны. Поскольку Мурман был первым российским регионом, принявшим на свою территорию иностранный десант (март 1918 г.), что впоследствии сыграло свою роковую роль в отсоединении его от Советской России и появлении северного фронта антибольшевистской борьбы, мурманские страницы истории Гражданской войны всегда вызывали большой интерес советской историографии. В 1930—40-е гг. с выходом работ столичных исследователей Н. А. Корнатовского, М. С. Кедрова и В. В. Тарасова в ней утверди-

лась точка зрения, согласно которой отрыв Мурмана произошел в силу изначальной контрреволюционности его демократических организаций (и прежде всего Мурманского Совета), маскировавшихся под Советскую власть, но при этом пошедших на тайный сговор с Антантой. Тем самым Кольский Север изображался застывшим «контрреволюционным полем», возникшим в силу отдаленности и промышленной неразвитости его, а также под прямым воздействием «соглашательских» партий эсеров и меньшевиков. Согласно этой же концепции, «подлинная» Советская власть установилась на Мурмане только в 1920 г., с изгнанием интервентов и белогвардейцев.

В 1960—70-е гг. в рамках региональных исторических школ начинает оформляться иная точка зрения на эти события. Ее авторами стали представители более молодого поколения историков — А. А. Киселев и Ю. Н. Климов из Мурманска, М. И. Шумилов и М. А. Мишенев из Петрозаводска. Эти исследователи отказываются принимать Кольский Север периода 1917—1918 гг. застывшим «контрреволюционным полем», рассматривая ход событий здесь как сложный, развивающийся процесс. Содержанием этого процесса стало перерождение Мурманского Совета и других демократических организаций из органов революционных в контрреволюционные. Отсутствие в этой концепции строгого разграничения противоборствующих лагерей заметно снижало контраст классового антогонизма, выявляя тем самым приверженность ее авторов более либеральным позициям, хотя и в завуалированной форме. Эта позиция обнаруживала себя в новых оценках, существование которых в сталинской историографии было бы немыслимо.

Так, например, характеризуя деятельность исполкома Мурманского Совета в дооктябрьский период, несмотря на явное отсутствие в нем большевистского большинства, А. А. Киселев и Ю. Н. Климов назвали его «активно действующим органом народной демократии». Рассматривая попытку Мурманского Совета наладить взаимодействие с Временным правительством России по военному вопросу, мурманские ученые отвергли старую оценку о «соглашательском» характере такой политики, усматривая в этом лишь заботу об укреплении обороны края. Признав, что на Кольском Севере весьма важную роль играли городские сред-

ние слои, за которые в условиях двоевластия «боролись и Советы, и командование укрепленного района», А. А. Киселев в то же время посчитал безосновательной попытку ряда историков «сталинского поколения» «приписывать эсеро-меньшевистские взгляды всем представителям городских средних слоев только исходя из их принадлежности к мелкой буржуазии». Показав возможность эволюции политических взглядов, сторонникам новой концепции удалось снять ярлыки контрреволюционеров с главного начальника Мурманского укрепленного района адмирала К. Ф. Кетлинского и председателя Мурманского Совета С. И. Архангельского. Мурманские исследователи, вопреки установкам старой историографии, отказались причислять к предателям и Л. Д. Троцкого, в некоторой степени оправдывая его телеграмму, разрешавшую Мурманскому Совету принять помощь Антанты, попыткой удержать последнюю от развязывания войны. Самой же радикальной (для 1970-х гг.) стала характеристика, данная А. А. Киселевым и Ю. Н. Климовым начальному этапу присутствия союзнических войск в крае. Тогда как сталинская историография определяла его как прямое скатывание Мурманского Совета к предательству, мурманские ученые отметили, что его особенностью стало «весьма оригинальное сосуществование местной Советской власти и иностранных войск», не исключавшее военного взаимодействия между ними в борьбе против агрессивных белофиннов.

Новая концепция революции и Гражданской войны на Мурмане, новые веяния, пришедшие из провинции, встретили сопротивление со стороны столичных научных школ, в которых прочные позиции сохраняли приверженцы старых взглядов. Новая концепция подвергалась критике в центральной партийной печати (см. статью П. А. Голуба и М. В. Рыбакова: Вопросы истории КПСС. 1978 г. № 10).

Классовый антагонизм приписывался «сталинской» историографией и послереволюционному обществу, на основании выдвинутого И. В. Сталиным тезиса об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Исходя из этого, например, П. В. Соловьев, рассматривая проблему освоения апатито-нефелиновых месторождений в годы первой пятилетки, утверждал, что «враги народа... во главе с Томским пытались сорвать развертывание строительства в Хибинах». Причиной искривления политики пар-

тии по осуществлению коллективизации в Мурманском округе в работе В. К. Гудзенко называется вредительство «троцкистско-бухаринских элементов, которыми были засорены окружные и районные организации».

От подобного рода оценок региональная историография освободилась благодаря работам А. А. Киселева и В. П. Пятовского, уже в 1960-е гг., на волне «преодоления последствий культа личности».

Наконец, в некоторой степени эволюция исторического метода коснулась и той характеристики, которую советская историография давала взаимоотношениям СССР со странами-союзниками по антигитлеровской коалиции на Севере в годы Второй мировой войны. В 1950-е гг., под воздействием «холодной войны», была поставлена под сомнение искренность помощи Советскому Союзу со стороны союзников, исходя из якобы существовавших «коварных планов» англо-американских правящих кругов о захвате Кольского полуострова (С. А. Смирнов). Такая концепция базировалась на основе классового противопоставления «капиталистических» и «социалистических» стран, в своем крайнем виде исключавшем возможность какого-либо позитивного взаимодействия между ними. Отказ от таких оценок произошел опять же в 1960-х гг., под влиянием начавшихся «разрядок» во взаимоотношениях со странами Запада и, прежде всего, с США. Именно тогда Н. С. Хрушев выдвинул тезис о возможности мирного сосуществования стран социализма и капитализма. Однако противостояние между ними сохранялось, под воздействием чего военные поставки по ленд-лизу советская историография рассматривала как малозначащую помощь, никак не повлиявшую на исход войны.

Появление гуманистической тенденции

Классовый подход практически исключал проявление научного интереса к жизни индивида. Историк обязан был показывать развитие целого класса, описывать деятельность «народных масс». Трудности и проблемы, попадавшиеся на их пути, не должны были заслонять революционного духа созидания и энтузиазма. Появившиеся в сталинский период первые работы по истории социалистических преобразований на Кольском Севере И. Д. Алпатова, В. К. Гудзенко, П. В. Соловьева поэтому

показывали только преимущества социалистческого пути развития и скрывали его недостатки и издержки.

Однако хрущевская «оттепель» и в этом подкорректировала исторический метод, принеся в историческую науку проблему «маленького человека», с его нуждами и чувствами. В региональной историографии это проявилось в первую очередь в работах В. П. Пятовского. Изучая историю первой пятилетки на Мурмане, исследователь подчеркнул, что этот период для него олицетворяет не только пафос строительства и созидания, героики и новаторства, но и огромного мужества, трудностей и лишений, для преодоления которых потребовалось «нечеловеческое напряжение». На примере хибинской стройки ученый показал «невероятно тяжелые жилищные и культурно-бытовые условия»: первые отряды рабочих, писал В. П. Пятовский, «жили в брезентовых палатках в течение долгой почти десятимесячной полярной зимы с ее неистовыми буранами, морозами, трехметровыми снежными сугробами и более чем двухмесячной ночью». (Историк мог лично наблюдать все это в детском возрасте, когда жил в Хибиногорске). Так впервые в региональной историографии была поставлена этическая проблема цены индустриализации.

Пробивавшая себе дорогу гуманистическая тенденция, однако, была еще слишком слаба; в тех же работах В. П. Пятовского она сосуществует с весьма жесткой оценкой процесса раскулачивания, в результате которого на Север были принудительно выселены тысячи крестьян. Большевистскую политику по «переделке» бывших кулаков в «активных и сознательных строителей новой жизни» В. П. Пятовский считал вполне закономерной и полезной, как того и требовал классовый подход.

Советская государственность: от панегирика к критицизму

Неоднозначное место занимала в советской исторической методологии и проблема государства. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса, хотя и не отрицало роли государства в истории (и даже признавало его решающее значение в период захвата власти пролетариатом), все же главенствующим фактором исторического развития видело общественно-экономические отношения. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что в конечном итоге, с утверждением коммунизма,

классовый антагонизм в обществе должен исчезнуть, и тогда государство само собой отомрет.

Однако в российской реальности еще со времени Гражданской войны все отчетливее проявлялись симптомы становления Республики Советов как жестко-централизованного бюрократического государства, в результате чего общество оказалось под тотальным контролем партийно-советской номенклатуры. Государство, в отличие от предсказаний К. Маркса, сохранялось и не думало «отмирать». Система, подчинившая себе практически всю идеологическую сферу в стране, не могла не отразиться на исторической науке. Последняя, в частности, оказавшись весьма восприимчивой к культу личности, стала странным образом сочетать в себе общественно-экономический (марксистский) подход с подходом государственным, фактически унаследованным от дореволюционной историографии (Н. М. Карамзим, С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов и др.).

В советской историографии формируется целое историко-партийное направление, представители которого изучали политику Коммунистической партии по построению и развитию социализма, а фактически — историю партийно-советской государственности. На региональном уровне это направление было представлено трудами Г. С. Клеткиной, И. Д. Алпатова, С. А. Смирнова, Н. А. Дмитриева, М. И. Андрианова-Верхнева, В. П. Пятовского, И. М. Кропотова, Л. М. Романова, М. И. Сухарева, Г. И. Неруш, В. Н. Терещенко, А. Д. Безымянова, Л. И. Львова, И. М. Пантелеева, Л. И. Федоровой, В. Я. Шашкова, В. Н. Менюшкова, Г. С. Щурова, Ю. Ф. Лукина, Л. Б. Красавцева и др.

Общими усилиями этой группы исследователей был создан настоящий панегирик Советскому государству, «руководящей и направляющей силой» которого являлась Коммунистическая партия. Успешный, не имеющий прецедента опыт создания крупного индустриального края за чертой Полярного круга обосновывался ими преимуществами социалистической государственности, являющейся, согласно этому подходу, самой прогрессивной в мире.

В. П. Пятовский, например, рисуя широкую панораму индустриального строительства на Европейском Севере в 1920—30-е гг., доказывал тем самым «могучую преобразу-

ющую силу ленинских идей». Преображенный Север, по его мнению, — это «рукотворный памятник ленинскому гению».

В период культа личности в работах историков превозносилась и роль И. В. Сталина, его соратников (С. М. Кирова, А. А. Жданова и т. д.) в освоении Кольского полуострова.

Однако с началом хрущевской «оттепели» по инициативе самой партийно-советской власти в СССР началось развенчание культа личности И. В. Сталина, что фактически легализовывало критический подход к советской государственности по крайней мере сталинского периода.

И в региональной историографии появляются такие критические оценки, относящиеся преимущественно к деятельности государственно-оборонных структур накануне и в период Великой Отечественной войны.

Так, например, Н. М. Румянцев и М. И. Андрианов-Верхнев указали на ответственность руководителей Советского государства за состояние обороноспособности Кольского Севера к началу войны. В качестве довода Н. М. Румянцев приводил тот факт, что строительство военных укреплений к 1941 г. находилось здесь в «зачаточном состоянии»; к тому же Наркомат обороны СССР, чтобы не вызывать подозрения у финнов, стопорил переброску советских войск к государственной границе. По мнению М. И. Андрианова-Верхнева, «из-за просчетов Сталина в оценке военно-стратегической обстановки» ВВС Северного флота «вступили в войну недостаточно подготовленными организационно и технически»: «Наши самолеты были устаревших типов и конструкций, уступали немецким в маневренности и скорости, торпедоносной авиацией флот не располагал, бомбардировочная авиация была представлена лишь одной авиаэскадрильей, морская авиация располагала только двумя аэродромами... Уроки советско-финской войны в боевой подготовке, к взаимодействию с кораблями флота местный состав не был подготовлен».

Впрочем, постсталинский критицизм не задел советскую историографию глубоко. Это была лишь тенденция, появившаяся в результате временного ослабления самого Советского государства. Однако своим рождением она свидете-

льствовала о том, как тесно исследователям в рамках советской исторической методологии.

* * *

Происходившие в советский период бурные преобразования в регионах активизировали процесс их изучения. Ученым удалось заметно продвинуться и в исследовании прошлого Кольского Севера.

Доставшаяся в наследство от дореволюционной историографии «история обеднения» была подвергнута научной критике. Ей на смену в региональную историографию пришла основанная на более капитальной источниковой базе новая концепция, представляющая собой региональную интерпретацию формационно-классовой теории К. Маркса. В соответствии с ней историческое развитие рассматривалось как процесс неуклонного роста, устремленного в будущее: «Экономика Кольского края в эпоху феодализма развивалась медленно... Капитализм принес с собой более быстрые темпы социально-экономического развития» (И. Ф. Ушаков); и после революции в крае «происходили и происходят те же процессы роста и развития, созидания и возмужания, что и во всей социалистической державе», «с каждой пятилеткой возрастает экономическая мощь нашего родного Заполярья, все краше расцветает культура, все выше становится благосостояние тружеников Мурмана», «вместе со всей страной Заполярье идет к коммунизму» (А. А. Киселев).

Идеологические ограничения советского периода не позволили исследователям в полной мере учесть весьма заметную специфику Кольского Севера. Историческое краеведение было призвано «обслуживать» культ КПСС и его вождей.

Только с 60-х гг., с либерализацией политической системы при Н. С. Хрущеве, в региональную историографию начинают проникать новые идеи, свидетельствовавшие о происходящей эволюции исторического метода и ослаблении зависимости от формационно-классового подхода. Однако эта зависимость так и не была преодолена вплоть до распада СССР.

4.3. Пути развития региональной историографии в современный период

Демократизация исторической мысли

Произошедший в начале 1990-х гг. распад СССР привел к краху советской идеологии, в результате чего партийно-коммунистические ориентиры стали необязательными. Это позволило продолжить начатый в период хрущевской «оттепели» процесс переосмысления исторического опыта, но на ином уровне, что, впрочем, не означало моментального отказа от формационно-классовой методологии.

В 1997 году был переиздан написанный на основе марксистского подхода труд И. Ф. Ушакова «Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период». Во второе издание автор внес несущественные коррективы, не изменяющие смысла работы.

Несколько раньше, в 1995 году, была издана и обновленная «История Мурманской области» по послеоктябрьскому периоду. Ее авторы (А. А. Киселев, Т. А. Киселева), хотя и пытались пересмотреть старую концепцию «истории роста» тем, что признали ход истории края неравномерным и труднопредсказуемым («периоды бурного роста сменялись годами застоя», стремились «вперед, не очень четко представляя себе, что нас ждет в будущем»), тоже сохранили верность учению о социализме, положив в основу своей периодизации истории края отрицающие неравномерность планы развития народного хозяйства.

Переосмысление историографического опыта, даже несмотря на появившуюся полную свободу творчества, оказалось процессом довольно медленным, связанным как с довольно болезненной ломкой и эволюцией исторических представлений у опытных ученых, так и с объективными трудностями становления нового поколения исследователей.

Вместе с тем современным историкам-регионалистам и краеведам удалось уже сделать немало. По-новому, без политической критики, показана роль «господствовавших классов» — русских монархов, предпринимательских кругов, церкви в истории Мурмана (И. Ф. Ушаков, Ю. П. Бардилева), началось переосмысление многих драматических страниц региональной истории — революции и Гражданской войны (В. И. Голдин, А. А. Киселев, И. Ф. Ушаков), Второй мировой войны (М. Н. Супрун, А. А. Киселев, А. Б. Беляев,

С. Н. Дащинский, В. В. Сорокажердьев), истории национальной политики большевиков на примере кольских саамов (А. А. Киселев, Т. А. Киселева). В последнее время начали разрабатываться и принципиально новые направления региональной историографии — тема политических репрессий в крае и связанная с нею проблема использования принудительного труда в индустриальном строительстве Кольского Севера, история ГУЛАГа, спецпоселений (В. Я. Шашков, С. Н. Дащинский, Л. М. Романов, А. А. Киселев, О. В. Миколюк), история региональной политической элиты, партийно-советской номенклатуры (С. Н. Дащинский).

Преодоление крайностей формационно-классового подхода обеспечивает выработку совершенно новых подходов к рассмотрению тех или иных проблем региональной истории. Они, хотя и берут свое начало в новых идеях, пришедших в советскую историографию на волне хрущевской «оттепели», все же заметно превосходят их по своей радикальности. Так, например, В. И. Голдин, став признанным лидером в изучении вопросов революции и Гражданской войны на Русском Севере, видит в генезисе интервенции не столько антибольшевизм, как это считалось ранее, сколько антигерманизм, порожденный продолжающейся Первой мировой войной. В корне изменяется отношение и к антибольшевистскому движению — оно рассматривается В. И. Голдиным в категориях, сопоставимых с большевистским.

Действуя в том же направлении, Т. А. Киселева поставила под сомнение вывод советской историографии о позитивном влиянии социально-экономической и национальной политики большевиков на развитие кольских саамов.

В последнее время серьезное развитие получило направление, связанное с изучением Крайнего Севера в контексте развития международных отношений. Современными исследователями постепенно преодолевается возникшее ранее одностороннее представление об этих отношениях как исключительно связанных с торговлей. Международная тематика и в региональном ракурсе рассматривается ныне как весьма сложный комплекс проблем достаточно широкого спектра.

Один из сторонников такого подхода, М. Н. Супрун, изучая историю полярных конвоев периода Второй мировой войны, опровергает старые суждения о малозначительности союзнических поставок для СССР, показывая важный вклад «ленд-лиза в Победу».

Демократизация исторической мысли, таким образом, привела к методологическому и концептуальному плюрализму, сделав тем самым неизбежным сосуществование различных подходов, оценок, суждений.

«Вторые Дарданеллы»

Один из новых методологических подходов изучения региональной истории представлен в нашей книге «Вторые Дарданеллы: Кольский край в истории Российского государства» (Мурманск, 2003).[19]

Мурман рассматривается в книге не самодостаточной региональной целостностью, а элементом геополитической системы, значение и развитие которого определяются внешними, находящимися за пределами региона факторами — международными отношениями и государственной политикой. Согласно этой концепции, внутренние, собственно региональные стимулы не сыграли ведущей роли в развитии этого края, поскольку этому препятствовали неблагоприятные условия жизни, вызванные его заполярным расположением.

Используемый здесь принципиально новый, геополитический ракурс рассмотрения региональной истории позволил построить оригинальную периодизацию, в основу которой положено изменение геополитического статуса региона.

В ходе первого этапа (с древнейших времен до 1914 г.) территория Кольского Севера, хотя в результате многовековой борьбы и была присоединена к Российскому государству, пребывала на «задворках» геополитики («то место убогое», утверждал царь Федор Михайлович). Отсюда происходило замедленное развитие края.

Только в рамках второго этапа (с началом первой мировой войны в 1914 г. и до окончания Второй мировой войны) государство начинает, да и то в большей степени вынужденно, рассматривать Мурман сферой своих стратегических интересов. Именно тогда построенной Мурманской железной дорогой был открыт запасной выход России на Запад, крайне необходимый в условиях блокирования противником Черного и Балтийского морей. Этот северный коридор сразу же получил название «Вторых Дарданелл». Железная дорога вдохнула жизнь в дальнюю окраину, поз-

[19] В несколько переработанном виде этот очерк помещен во второй раздел настоящей книги.

лив начать промышленную добычу находившихся на Кольском полуострове и в северных морях богатых природных ресурсов, что потребовалось для реализации большевистской программы построения социализма в условиях международной изоляции России. На Кольском Севере вследствие этого начинают появляться и расти города, крупные индустриальные предприятия.

В течение третьего этапа (с середины XX века до распада СССР) геополитический статус Мурмана еще более вырастает, чему способствовала начавшаяся «холодная война». Изобретение ядерного крылатого оружия дальнего радиуса действия практически отменяло старую военную доктрину, согласно которой стратегия должна была развиваться по традиционным наземным направлениям (южному, западному и северному). Вследствие этого базировавшийся на Мурмане Северный флот, игравший прежде локальную роль в военно-морском пространстве, в послевоенные годы постепенно превращается не только в самое мощное военно-морское формирование страны, но и в одну из крупнейших концентраций ядерного оружия в мире, поскольку из всех флотов СССР он находился в самой близкой позиции к главному потенциальному противнику и конкуренту Советского Союза — США. Кольский Север в этот же период окончательно превращается в крупную индустриальную область.

Наконец, вызванное распадом СССР изменение международной и внутриполитической ситуаций в очередной раз отразились на развитии Мурмана, несколько снизив геополитический статус последнего и создав угрозу региональному благополучию, что стало началом четвертого периода в его истории.

Концепция «Вторых Дарданелл», отражающая историю осознания и использования регионального геополитического ресурса мировым сообществом и государством, позволяет глубже понять историю России в целом, в частности, проследить эволюцию внешнеполитической стратегии страны: от изоляционизма — к освоению западного периметра; от центральных и южных его частей — к северным.

Культурно-исторические конструкции

Демократизация отечественной исторической мысли выявила и обратную тенденцию, давно уже присущую западной науке. Это тенденция сужения территориальных рамок объекта регионального исследования, что до-

стигается с помощью микроанализа. В результате в центр внимания ставятся повседневность и человек, его образ жизни, система ценностей, ментальность и т. д. История Кольского Севера хранит в себе большие перспективы изучения разных культурно-исторических процессов: взаимоотношения человека и северной природы; поглощения традиционных культур (саамской, поморской) индустриализацией; «укоренения» приезжего населения; становления и развития менталитета мигрантов и т. д.

В 1998 году вышла книга И. Ф. Ушакова «Кольский Север в досоветское время». В ней ученый комплексно исследует дореволюционное общество на Кольской земле, рассматривая его как сложную, но довольно устойчивую в целом, культурную систему, основными компонентами которой были поморская и саамская историко-культурные общности. Несмотря на различия и внутреннюю неоднородность, этой системе были свойственны определенные традиции: материальные (хозяйственные занятия населения, его быт и бытие), духовные (религия и «народная память») и социально-структурные. Эту систему И. Ф. Ушаков не рассматривает изолированно. Он обнаруживает многочисленные точки соприкосновения и каналы взаимодействия ее с внешней средой. В частности, в книге прослеживается, как «простые люди», жители края, попадают в «поток истории», становясь очевидцами и участниками нерядовых исторических событий; как многочисленные знаменитости, приезжавшие на Мурман, формируют имидж Кольского Севера в столичной среде и т. д. Большое внимание уделено в книге проблеме повседневности: дореволюционный житель края показан «снаружи» (одеяние, освещение, питание, лечение и т. д.) и «изнутри» (духовность).

Иной подход представлен в книге Г. П. Попова и Р. А. Давыдова «Мурман: Очерки истории края в XIX — начале XX в.», изданной в Екатеринбурге в 1999 г. Поскольку Север, с его суровой природой, был и остается значительным препятствием для его заселения, авторов привлекла «экологическая история», ставящая в центр исследований проблему взаимоотношения человека и природы. Причем, их заинтересовали возможности выживания на «диком» Севере «колонистов» — людей не вполне местных, пришедших на Мурман из других регионов в период правительственной колонизации края. Рассматривая важнейшими условиями жизне-

обеспечения рыбный промысел и охрану морских ресурсов, инфраструктуру и связь с внешним миром, спасение погибающих на море, врачебную помощь, психоэмоциональное здоровье, исследователи пришли к выводу о весьма слабой защищенности колонистов как в силу того, что «никак не удавалось покончить с пьянством», так и в силу отсутствия у государственных властей «заранее продуманного плана колонизации». Вместе с тем авторы книги замечают, что приспособленность к суровым условиям Мурмана была несравнимо выше у норвежских и финских колонистов, нежели у русских.

Проблеме выживания человека в Заполярье в условиях Великой Отечественной войны посвящена книга А. А. Киселева «Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941—1945 годах» (Мурманск, 2002). В ней автор показал «мозаику ментальных особенностей жизни северян», коснулся «бытовых проблем периода борьбы с фашизмом: как питались мурманчане (военные и гражданские) на разных этапах войны; как одевались — обувались; в каких условиях работали и отдыхали (кино, танцы); как влюблялись и женились; как помогали фронту, как лечили раненных, о вере в победу и... Бога; о болезнях и смертях; о жилье и имуществе; о торговле (магазины, рынки); о взаимоотношениях между людьми».

Несмотря на наличие множества идей, культурно-историческая проблематика все же не стала еще предметом глубоких теоретических обобщений региональной историографии.[20] Возможно, это предстоит сделать в ближайшем будущем.

Церковно-историческая школа

Еще один подход к изучению истории региона предлагают представители церкви, рассматривающие прошлое сквозь призму религиозного сознания. Первый церковно-исторический опыт в историографии Мурмана восходит к периоду составления Жития Трифона Печенгского

[20] На наш взгляд, едва ли можно признать удачной попытку создания концепции истории региональной культуры Л. С. Вагиновой положившей в основу своей периодизации зачастую весьма слабо связанные с местным культурным процессом политические факторы (См.: Вагинова Л. С. Регион как историко-культурная целостность. В 2-х ч. — Мурманск, 2003).

(XVII век). Однако сколько-нибудь заметного развития до революции этот опыт не приобрел. Вниманием пишущих пользовался только Трифоно-Печенгский монастырь, но при всем обилии издававшейся литературы о нем, собственно церковно-исторический труд вышел всего один — это изданная в Петербурге в 1908 г. книга Н. Ф. Королькова «Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление».

В советский период, когда государство подвергало церковь гонениям, о развитии идей церковно-исторической школы говорить не приходится.

Только на современном этапе, с образованием в 1995 году Мурманской православной епархии, церковь начинает включаться в региональный историографический процесс.

Одним из существенных современных достижений церковно-исторической школы стала разработка периодизации истории края, предпринятая М. А. Стрельниковым. В ней он выделяет четыре периода: 1) период дохристианский (до XVI века), когда на Кольском Севере господствовало язычество и земля была «бесплодной и жаждущей»; 2) период христианский (с XVI века до 1917 года), когда на Мурмане воссиял «свет Христовой веры», благодаря чему «некогда дикая земля и духовная пустыня» была превращена в «рассадник просвещения и богатый торгово-промысловый край»; 3) период послеоктябрьский (с 1917 г. до начала 1990-х гг.), когда земля вновь «духовно опустела», установился «язычески сатанинский культ одной личности»; 4) период духовного возрождения Кольского Заполярья, приметой чего стала создание Мурманской епархии.

Предложенная периодизация, правда, еще не подкреплена созданием обзорного, в рамках епархии, церковно-исторического труда. Но шаги в этом направлении уже делаются. Так, например, отец Митрофан (Баданин) издал книги о просветителях лопарей Феодорите и Трифоне. Пытаясь объяснить причины столь быстрого падения церкви после революции, он пишет о болезненных симптомах «тления», существовавших в церковной среде еще с XVI века, с момента разделения ее на осифлянство и нестяжательство. На примере истории богатого Трифоно-Печенгского монастыря автор показывает, как постепенное превращение церкви в «религиозно-промышленную колонию», служащую не Госпо-

ду, а нуждам хозяйственных преобразований, привело к ее «духовному неблагополучию», а оно, в свою очередь, продолжая «неуклонно прогрессировать», — к печальному результату.

Этот вывод выявляет разность подходов внутри самой церковно-исторической школы, вступая в противоречие с тем панегириком деятельности Трифоно-Печенгского монастыря, который был создан трудами Н. Ф. Королькова и его современного продолжателя — А. Конюшанца.

Саморефлексия Региональные историки все более ощущают затрудненность дальнейшего развития без систематизации и анализа своей теоретической базы. Эту потребность еще в советский период почувствовал И. Ф. Ушаков, издавший в 1974 г. книгу «Историческое краеведение», содержащую первый обзор историографии и источников дореволюционной истории края. В 1990-е гг. этот же ученый публикует более широкие обзоры в своих статьях «Источниковедение истории Кольского Севера (конец XV — начало XX века)» и «Становление истории Кольского Севера», а также составляет первую документальную Хрестоматию по истории Кольского Севера с древнейших времен до конца XVIII века (Мурманск, 1997). В 1998 г. выходит первая обзорная работа по историографии послеоктябрьской истории края — наша книга «Спорные вопросы в истории Мурмана».[21] В последнее время опубликованы также историографические очерки о творчестве местных историков В. П. Пятовского, И. Ф. Ушакова и А. А. Киселева. В 2000 г. А. А. Киселев издает мемуарную книгу «Записки краеведа», в которой размышляет о путях развития мурманского краеведения и дает собственную оценку своей роли в нем.

Стремление систематизировать накопленный материал также нашло свое выражение в попытке создания местными историками и краеведами (под руководством С. Н. Дащинского) Энциклопедии Кольского края, в появлении первых библиографических указателей трудов кольских краеведов, а также в издании историко-краеведческого словаря и трехтомного собрания историко-краеведческих сочинений И. Ф. Ушакова.

---

[21] Книгу, которую Вы держите в руках, тоже можно рассматривать как своеобразное проявление саморефлексии.

* * *

Таким образом, к началу XXI века более чем столетний опыт изучения истории Мурмана обеспечил становление исторического регионоведения как вполне самостоятельной научной дисциплины. Ныне в нем накоплена определенная теоретическая база, утвердился полный плюрализм мнений. История края, как обязательный компонент, включена в программу средней школы.

Начавшийся в конце XX века процесс переосмысления исторического прошлого края привел современных исследователей к мысли о явной недостаточности однолинейного рассмотрения истории. Их перестали устраивать старые схемы, показывающие либо «обеднение» региона, либо его социальный и экономический рост.

Но в то же время наряду со стремлением к деидеологизации и преодолению крайностей партийно-формационного подхода выявилась тенденция к обесцвечению исторической мысли, выхолащиванию и упрощению теоретической базы, описанию фактов в ущерб их глубокому осмыслению. Отчасти это можно объяснить тем, что современным историкам-регионоведам для построения новых теоретических конструкций не хватает эмпирического материала. И прилагаемые усилия по открытию новых исторических фактов, как и по ревизии старых, действительно играют позитивную роль, закладывая необходимый для будущего фундамент.

Выбор той или иной теоретической модели исследователем, конечно, не должен предшествовать объективному анализу фактов, который только и может подсказать направление движения исторической мысли. Но сам по себе факт из региональной истории, пусть и добытый большим исследовательским трудом, без приложенной интерпретации, включающей его в глобальный «поток истории», чаще всего ничего не значит для большой науки.

Поэтому будущее исторического регионоведения, его востребованность наукой, будут зависеть прежде всего от теоретического уровня и качества выполняемых на региональном материале исследований, что потребует настойчивой работы историков и краеведов не только по выявлению новых исторических источников, но и по расширению арсенала методов и приемов, совершенствованию уровня организации регионоведческих исследований, учету многообразного отечественного и зарубежного опыта исторической науки.

ЛИТЕРАТУРА[22]

Беляев А. Б. Великая Отечественная война в Заполярье в трудах А. А. Киселева // Ученые записки МГПИ: Исторические науки. Вып. 1. — Мурманск, 2001.

Супрун М. Н. Ленд-лиз и северные конвои: обзор историографии и источников // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. — Архангельск, 2000.

Ушаков И. Ф. Историческое краеведение. — Мурманск, 1974.

Ушаков И. Становление истории Кольского Севера // Мурманский вестник. 1994. 9, 14, 17, 23, 27 декабря.

Федоров П. В. Историк Европейского Севера В. П. Пятовский. — Мурманск, 2001.

Федоров П. В. Историки и историческая наука в России: взаимоотношения столицы и провинции (на примере изучения революции и Гражданской войны на Мурмане) // Гражданская война в России: региональные проблемы: Материалы научной конференции 3—4 марта 2003 года. — Мурманск, 2004.

Федоров П. В. Советская историческая наука о белом Мурмане // Белый Мурман: Памяти профессора И. Ф. Ушакова. — Мурманск, 2004.

Федоров П. В. Спорные вопросы в истории Мурмана, 1917—1997: Концепции, суждения, гипотезы. — Мурманск, 1998.

Федоров П. В. Трифоно-Печенгский монастырь (1886—1917) в отечественной историографии // Наука и бизнес на Мурмане. 1999. № 3.

Федоров П. В. Труды И. Ф. Ушакова по истории Кольского Севера (историографические заметки) // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 1.

---

[22] См. также указатель «Исследователи истории Кольского Севера», помещенный в приложениях.

РАЗДЕЛ 2

ИСТОРИЯ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНА (КОЛЬСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА)

Новая заря возрождения Мурмана,
надеемся, не угаснет
и сменится ясным днем.
Академик С. Ф. Платонов.

Преобладающая часть земной поверхности покрыта морями — глобальной инфраструктурой, обеспечивающей наиболее дешевый способ транспортировки людей и товаров, а вместе с ними — силы и влияния. Редкое государство смогло добиться могущества в мире, не имея выхода в море.

Еще в XVII веке голландский мыслитель Г. Гроций размышлял о приобретении власти над той или иной частью моря, выделив два способа для этого: через деятельность находящихся в море людей (например, флота) и опираясь на территорию, «поскольку с берега есть возможность оказывать принуждение на тех, кто находится в ближайшей части моря». Не случайно поэтому за порты и приморские участки суши столетиями велась неустанная борьба.

Не за одно столетие стала великой морской державой и Россия, поначалу имевшая всего лишь один морской порт Архангельск на Севере. Начавшееся во время Петра I разрушение международного изоляционизма России привело к осознанию географического неудобства Архангельска относительно прямых морских выходов в Европу через Балтийское и Черное моря. Но только боевые действия позволили России укрепиться на обоих берегах в XVIII веке.

Параллельно Россия продвигалась на восток. В XIX веке она прочно обосновывается на берегу Тихого океана.

Казалось бы, тем самым оформление геополитического контура России в основном завершилось. Основные стратегические направления — западное, южное и восточное — были победоносно отмечены основанием морских портов (Петербург, Севастополь, Владивосток).

Однако Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году, открыла неожиданный феномен. Россия ощутила нехватку геополитического ресурса, вследствие чего была вынуждена вновь устремиться на Север. Но не только в старый Архангельск, но и прежде всего на далекую и захудалую заполярную окраину на берегу Баренцева моря. Сюда была спешно построена Мурманская железная дорога, которую

западные газеты сразу же окрестили «Вторыми Дарданеллами».

Что же заставило Россию совершить обратное движение по гигантскому геополитическому периметру — с востока и юга на север? Что привело к развитию заполярного края, где численность населения за каких-то полвека увеличилась в 100 раз?

Ответить на эти вопросы поможет история Кольского Севера.

ГЛАВА 1.

ДАЛЬНИЙ СЕВЕР: КОЛЬСКИЙ КРАЙ СТАНОВИТСЯ ОКРАИНОЙ РОССИИ

1.1. «Лапландский спор» и борьба за присоединение Кольского полуострова к Русскому государству (IX—XVII вв.)

Человеческая история на Кольском Севере насчитывает восемь тысячелетий. Как свидетельствует археология, древние люди заселяли этот край волнами, начиная с эпохи мезолита. Самые первые племена охотников пришли из Скандинавии и основались на территории к западу от Кольского залива. Следующая волна пришлась на время неолита (IV—III тыс. до н. э.) и привела в край откуда-то с европейского юга племена, умеющие не только охотиться, но и ловить рыбу, заниматься гончарным ремеслом (не случайно археологи прозвали их племенами «ямочно-гребенчатой керамики»). В последующую за этим эпоху раннего металла Кольский Север принял новую волну пришельцев. Они имели монголоидную внешность. Их ближайшие предки обитали в районе Северного Урала.

Смешение этих новичков со старым населением, являвшимся, по-видимому, европиодным, и привело к образованию народности саамы, называвшихся в старину «лопарями». Лопари жили не только на Кольском Севере, но и к западу от него, в северных районах Скандинавского полуострова (Финмарке). На Западе лопарей также называли «финнами».

Вся эта «земля лопарей» (Лапландия) долгое время оставалась ничейной. Первыми с ней познакомились норвежцы, жившие в северной части Норвегии, в области Халоголанд. Большое значение в хозяйстве норвежцев играла меновая торговля с племенами саамов, живших к северу от Халоголанда, в Финмарке. Поскольку саамы были отличными охотниками, норвежцев особенно интересовали меха, которые можно было с успехом продавать на рынках Европы. Очевидная экономическая полезность контактов предприимчивых жителей Халоголанда с саамами Финмарка постепенно привела к частичному подчинению последних: саамы стали облагаться данью в пользу норвежцев. Обложив данью саамов в Финмарке, норвежцы двинулись на восток, расширив территорию своего влияния обложением саамов, живших на Кольском полуострове.

В рамки того движения вполне вписывается и плавание вокруг Скандинавии и Кольского полуострова норвежского морехода Отера в IX веке. Впоследствии при встрече с королем Англии Альфредом Великим Отер рассказывал о Кольском полуострове — «земле терфиннов», которая, по его словам, весьма пустынная и где лишь местами живут люди, занимающиеся охотой, рыболовством и ловлей птиц.

В то же самое время аналогичное продвижение в направлении Кольского полуострова начинается и из древнерусского Новгорода. Побудительными мотивами его выступает все та же торговля. Новгородский рынок, как и в норвежском Халоголанде, был тоже посредническим (только значительно крупнее), и поэтому он постоянно нуждался в новых товарах. Новгородские бояре организуют на Севере экспедиции для заготовки пушнины, рыбы, сала, моржового клыка. В XI веке новгородцы достигли Белого моря и, по-видимому, спустя столетие, ступили на Кольский полуостров. Как и у норвежцев, вместе с торговцами и промышленниками сюда явились представители новгородской власти («терский данник»), обложившие саамов данью. Продвижение новгородцев вглубь Лапландии, на запад, неминуемо столкнуло их с норвежцами (древнерусские летописи называют их «мурманами»). Так в отношениях между Новгородом и Норвегией возник «лапландский вопрос».

Первая попытка урегулирования, предпринятая в 1251 г. Новгородом и Норвегией, привела не только к установлению для обеих сторон строго определенного размера саамской дани (не более пяти беличьих шкурок с каждого охотника), но и, по сути, к созданию общего норвежско-новгородского округа, включающего Финмарк и Кольский Север. Все саамы, проживавшие на этой территории отныне становились двоеданными, т. е. платили дань сразу двум государствам — Норвегии и Новгороду.

Подобный компромисс вызывался нехваткой сил обеих сторон разрешить вопрос в свою пользу: ведь ни норвежских, ни новгородских постоянных поселений на территории округа долгое время не было. Обе стороны, однако, не теряли надежды пересмотреть условия договора в свою пользу, часто нарушали их, занимаясь по-существу грабежом саамов.

Стремление довольно далеко расположенного Новгорода укрепиться на этих землях вызывалось не только их непо-

средственной экономической привлекательностью, но и, прежде всего, внешнеторговой стратегией, нацеленной на поддержание с Западной Европой, с которой как раз была территориально близка Лапландия, постоянных контактов. Особенно новгородский натиск на принорвежские земли усилился в начале XIV века, когда русские вместе с карелами и саамами совершали постоянные набеги на Финмарк. В 1323 г. такой объединенный отряд, проникнув на судах в Халоголанд, сжег Бьаркэй, поместье правителя Норвегии Эрлинга сына Видкуна. Норвежские власти, не желая терять своего географически оправданного влияния в западной части округа, предприняли ответные меры. С одной стороны, здесь было сооружено военное укрепление Вардехус (русские его называли Варгав), а с другой стороны, активизировала свою деятельность церковь по приобщению саамов-язычников к католичеству. Последнее имело, пожалуй, определяющую роль, т. к. характер веры жителей тогда в значительной степени определял и государственную принадлежность территории, на которой они проживали.

В 1326 г. между православным Новгородом и католической Норвегией был заключен новый договор, который свидетельствует о перемене новгородской политики. Новгород, не претендуя больше на Финмарк, соглашается на проведение границы зон влияния. Финмарк отныне является норвежской зоной влияния, тогда как Кольский полуостров — новгородской. При этом общий округ сохранялся традицией. И хотя восстановленный компромисс иногда продолжал нарушаться из-за отдельных конфликтов, в целом, вплоть до XVI века «лапландский вопрос» особо не беспокоил владельцев округа, которые вскоре сменились. На протяжении всего XV столетия и в Скандинавии, и на Русской равнине происходили сложные политические процессы, в результате которых и Норвегия, и Новгород потеряли свою независимость. Норвегия вошла в состав Датского государства, а Новгородская земля — в состав Московского княжества. Политические страсти отвлекли на время внимание от Севера. Но по мере стабилизации обстановки, произошедшей уже в XVI веке, «лапландский спор» возобновился.

Еще до подчинения себе Новгорода московские князья, посылавшие на Кольский полуостров «ватаги» за ловчими птицами для княжеской охоты, считали Терскую сторону сферой своего влияния, требуя, чтобы новгородцы туда не

ходили. После присоединения Новгорода претензии Москвы естественно были перенаправлены в сторону совладелицы округа Дании. Возобновление давнишнего «лапландского спора» в XVI веке в значительной степени было вызвано как ростом могущества новых владельцев округа, что позволяло последним изыскивать ресурсы в том числе на урегулирование спорных пограничных проблем, так и начавшимся в XV веке процессом русского заселения южной части Кольского полуострова.

В первой половине XVI века московские власти первыми начинают наступление и проводят курс на приобщение лопарей-язычников к православной, русской вере, что должно было закрепить территорию их проживания за Русским государством. Так, в 1526 году Великий князь московский Василий III поручил новгородскому архиепископу Макарию отправить на Крайний Север священнослужителей для совершения обряда православного крещения саамов. Этому предшесетвовала большая миссионерская работа. В Лапландии проповедникам православия (Трифону, Феодориту и др.) открывалось широкое поле деятельности, но в пределах Кольского полуострова, т. к. лопари, жившие в Финмарке, в свое время уже подверглись влиянию католичества. Однако сама церковь в Норвегии тогда переживала упадок, вызванный реформацией, и это избавило православие от западного конкурента. Деятельность православных миссионеров в восточной части датско-московского округа, в целом, увенчалась успехом также благодаря выбранной ими гибкой тактики. Действовавший вблизи рек Колы и Туломы Феодорит, относясь к числу так называемых «нестяжателей», сделал ставку на культурно-просветительскую работу, изучение саамского языка, переводы Библии и т. д. Правда, предложенная им модель монастыря не претендовала на хозяйственное освоение края. Оказавшись материально слабым, монастырь Феодорита распался и его монахи ушли на реку Печенгу, к Трифону. Трифон же, напротив, следуя несифлянской тактике, строил свою миссионерскую деятельность при помощи вовлечения саамов в торгово-экономические отношения. Поэтому, в отличие от Феодорита, он занимался укрупнением своей обители: приобретал земли, развил хозяйство, получив при этом поддержку Ивана Грозного. Основание Печенгского монастыря в середине XVI века имело огромное значение для утверждения православия, а значит и русской государственности в наиболее спорном, северо-

западном районе Кольского Севера, непосредственно граничащем с Финмарком.

Надо сказать, что московские власти в XVI веке особенно поддерживают на Кольском полуострове православные монастыри, в том числе и те, которые находились за пределами края, жалуя им здесь земельные владения, причем, иногда вместе с лопарями. Учитывая, что лопари по-прежнему оставались двоеданными, эта мера ярко свидетельствует о нежелании Москвы сохранять округ совместного владения и учитывать интересы его совладелицы Дании.

При этом московские власти не сбрасывали со счетов политических преимуществ и от налаживания конструктивного сотрудничества с лопарями. Не случайно еще великий князь Василий III в 1517 году предупреждал русских сборщиков дани о недопустимости произвола в Лапландии.

Усиление русского влияния на Кольском полуострове произошло и вследствие проникновения русских поморов на Мурманское побережье, где со второй четверти XVI века они стали осваивать тресковые промыслы в Баренцевом море. Это привело не только к появлению сезонных русских становищ на берегу, но и к возникновению международного торга с иностранцами. Последний имел для Российского государства большое значение, т. к. страна тогда не имела удобного порта для международной торговли. И этим портом в 1570—80-е гг. становится Кола на Мурманском берегу. На торг ежегодно собирались купцы из западно-европейских стран, внутренних районов России и местные жители.

Возросшее русское влияние в восточной части датско-московского округа не могло не раздражать датского короля Фредерика II, который решил с чужеземных торговых судов, идущих на Мурман, собирать дань. Поскольку эта мера вызвала противодействие со стороны торговцев, Фредерик решается на более жесткий шаг, приказывая своим подчиненным захватывать идущие на Мурман и с Мурмана чужестранные суда, причем, делать это даже в Кольском заливе, «ибо Кола принадлежит на столько же Норвегии, на сколько и России». Датская эскадра, контролировавшая в 1582 году побережье Мурмана, выполнила указание короля, награбив у заморских купцов всяких товаров на 50000 рублей. Фредерик II вскоре идет дальше и при-

казывает своим даньщикам, посылаемым на Кольский Сеьер, собирать дань уже не только с саамов (как это было установлено договором 1251 г.), но и «с русских, карел... монастырей, деревень и всех поданных Лапландии», предлагая, правда, в этом случае воздержаться от применения насилия. Датские власти, таким образом, к началу 1580-х годов, уже достаточно ясно выражают свои претензии на весь Кольский полуостров. При этом, если действия датской эскадры у берегов Мурмана оказались весьма успешными, то стремление датского правительства обложить данью русское население оказалось в силу нежелания последнего платить по-существу безрезультатным.

Исходя из присутствия русских на Мурмане, правительство Ивана Грозного поэтому не предъявляет претензий на датско-норвежскую зону общего округа — Финмарк, но постоянно подчеркивает принадлежность к Русскому государству Кольского полуострова. Оно дважды, в 1562 и 1574 гг., стремясь провести учет населения и хозяйства, предпринимало описание Кольского Севера. Кольский край, таким образом, воспринимался русскими властями как неотделимая часть Русского государства, несмотря на то, что двоеданство саамов продолжает сохраняться. Так, например, в 1568 году, во время опричнины, для разрешения конфликтной ситуации. возникшей по поводу сбора десятины, царь направил на Терский берег карательный отряд опричников во главе с Басаргой Леонтьевым, устроивший здесь погром.

В послании к английской королеве Елизавете I Тюдор Иван Грозный прямо называет Колу и Печенгу «древней собственностью» своего Отечества. Обращая внимание на то, что Дания угрожает безопасности английских купцов, торгующих на Севере, он просит у Елизаветы военной помощи кораблями. Однако Россия, проигрывавшая тогда Ливонскую войну Швеции, была в глазах Англии не лучшей союзницей. Не имея военной защиты с моря, Иван IV пытается усилить Мурманское побережье учреждением воеводского управления в 1582 г. и созданием военного укрепления в Коле. Эта мера вызвала удивление и даже растерянность с датско-норвежской стороны. Первый воевода боярин Аверкий Иванович рассматривает мурманский торг как сферу влияния Русского государства, введя в его пользу таможенную пошлину. Воеводы представляли на дальней северной окраине Русское государство, и поэтому правительство

стремилось назначать на эту государеву должность представителей знатных родов, порой боярских и княжеских.

Однако первые русские воеводы чувствовали себя на Мурмане все же неуверенно. Так, второй кольский воевода М. Ф. Судимантов, хотя и называл Колу «царской вотчиной», крайне уклончиво сообщал датско-норвежским посланникам об истинных причинах постройки военной крепости — говорил, что она поставлена для защиты якобы от морских разбойников. А власть кольского воеводы, разъяснял М. Ф. Судимантов, распространяется не на всю Лапландию, а только на пять волостей. От некоторых вопросов М. Ф. Судимантов и вовсе уклонился, сославшись на отсутствие приказаний «сверху». О неустойчивом положении воеводы говорит и тот факт, что когда датско-норвежские посланники предложили М. Ф. Судимантову встретиться в Вайда-Губе, тот отказался, предложив местом встречи Колу, сославшись на то, что в Вайда-Губе «на торговище королевским бы людям с русскими людьми браниться не велели».

Вообще то внимание, которое Иван Грозный уделял этой окраинной и слабозаселенной территории, вызвано не столько «лапландским спором», сколько той внешнеполитической стратегией царя, которая с началом Ливонской войны оказывается связанной с западным направлением. И хотя основная борьба развернулась в Прибалтике, Кола могла рассматриваться Иваном IV как запасной выход России в Западную Европу.

Однако после смерти Ивана Грозного пришедший к власти его сын Федор Иванович, хотя в след за своим отцом и продолжает рассматривать восточную Лапландию своей вотчиной, под влиянием неудачи в Ливонской войне фактически отказывается связывать западную стратегию с Колой, потому что для него «то место убогое». Из-за невозможности отвести угрозу со стороны Дании, он переводит международный торг с Мурмана в только что основанный город Архангельск (в Коле разрешалось торговать с иностранцами только продуктами местных промыслов), туда же отправляет и кольских стрельцов, оставив Колу без военной силы.

Но западный фактор продолжает оказывать свое влияние независимо от воли царя. В последней четверти XVI века Швеция, находившаяся во враждебных отношениях и с Россией, и с Данией, стремилась включить Лапландию в сферу своего влияния. Шведский король Юхан III утвердил план

его захвата. В 1589—1591 гг. шведы совместно с финнами разорили многие селения на Кольском полуострове, в том числе Кандалакшу и Печенгский монастырь. При этом гибли люди. Дважды в XVI веке подданные шведского короля пытались захватить Колу, но безуспешно. Причем, во время первого нападения в 1589 г. город, оставшийся без стрельцов, организовывал оборону самостоятельно, силами местных жителей. За это Федор Иванович освободил горожан на три года от всех повинностей и пошлин. Одновременно правительство вернуло в город отряд стрельцов. Был перестроен Кольский острог. Вместе с тем, видимо, в силу осознания слабости позиций Русского государства Печенгский монастырь по указу царя был переведен из Печенги в Колу.

В 1595 году, после многолетних войн, между Россией и Швецией был заключен Тявзинский мирный договор, по которому среди прочих условий Швеция отказывалась от притязаний на Кольский полуостров.

Но Дания сохранила их, несмотря на то, что сама оказалась вовлечена в борьбу со Швецией за влияние на Балтике и за право сбора дани с саамов в Финмарке. Правда, столь трудные условия соперничества заставили нового датского короля Христиана IV, сменившего в 1588 г. своего умершего отца Фредерика II, отказаться от военного давления на Россию, выбрав в качестве средства решения «лапландского спора» переговорный путь. Однако он оказался малопродуктивным. Монархи обменялись пространными посланиями, каждый из которых доказывал свои права на Кольский полуостров. Ни одна из сторон не хотела идти на уступки. В Коле для урегулирования территориального вопроса намечалось проведение съезда послов из Дании и России, но он каждый раз срывался: не приезжали то русские послы, то датские.

В 1598 г. после смерти Федора Ивановича на русский престол был избран Борис Годунов. По-видимому, он считал, что лучший способ защиты — это нападение, и поэтому выдвинул датской стороне претензии не только на Кольский полуостров, но и на часть Финмарка. Приближенные царя отвечали датским послам, что граница должна проходить по реке Ивгей, «от государя нашего Колского острогу болши тысячи верст», поэтому и опорный пункт Дании город Варгав «стоит на государя нашего отчиной

земле, на Лопской», вследствие чего царь «тот город разорити велел». При этом, с установлением границы, приближенные царя предлагали отменить двоеданство саамов, которое, по-видимому, в их глазах и создавало прецедент спорности территории.

Изменение тактики русских властей привело и к изменению тактики датской. В 1599 г. Христиан IV на эскадре кораблей лично прибыл в Колу, где обратился к местным жителям с предложением принять датское подданство, но получил отказ.

В 1601 г. в России разразился сильный голод. Учитывая острую нехватку ресурсов у своего восточного соседа, Христиан IV решил подкупить Бориса Годунова, предложив ему за Лапландию 50 000 талеров, однако русский царь отказался, как отказался и от предложения Христиана IV разделить Лапландию таким образом, чтобы самая ценная, северная, приморская ее часть, где развивалась торговля, отошла к Дании, а южная часть — к России.

Но даже после этого на датском дворе не теряли надежду и продолжали плести интриги. Здесь хорошо знали, что Борис Годунов принадлежал к далеко не самому знатному роду, и поэтому могли предполагать о наличии у царя комплекса неполноценности, который можно было частично компенсировать с помощью заключения династического брака. И такой план у Христиана IV созрел. Король решил породниться с Борисом Годуновым, предложив женить своего брата Ганса на дочери русского царя Ксении. Этим браком Христиан хотел прежде всего добиться приобретения Кольского полуострова, который невеста могла получить в качестве приданного. Расчет сработал. Идея династического брака Борису Годунову понравилась. Ганс приехал в Россию, однако до переговоров дело так и не дошло, т. к. жених внезапно скончался.

В условиях назревавшей Смуты в России Борис Годунов уже не мог продолжать с Христианом «лапландский спор», все внимание царя концентрировалось на внутренней политике. Однако сохранявшееся давление со стороны Дании все же заставило его чисто формально заявить об уступке: Б. Годунов снял свои претензии на Финмарк, предложив провести границу чуть западнее Печенгского монастыря, т. е. примерно по старому разделу русской и норвежской

сфер влияния. В то же время детальное изучение этого вопроса царь передоверил своим послам, которые отправились на встречу с датскими послами в Колу. Съезд, однако, к конструктивным решениям не привел, на что, видимо, и рассчитывал Б. Годунов, стараясь сохранить в Лапландии статус-кво до восстановления в России политической стабильности.

Между тем Христиан IV приказал датским властям не пропускать русских сборщиков дани в Финмарк. В свою очередь кольский воевода предпринял аналогичное действие в отношении датских сборщиков дани. Правда, это не означало окончательную ликвидацию общего округа.

В период Смуты округ был восстановлен, на его территории дань продолжала собираться как Данией, так и Россией.

К концу Смутного времени в России началась шведская интервенция. Ее последствия ощутили и на Севере. В 1611 г. шведы напали на Кольский острог, но взять его не смогли, что и вынудило шведское правительство в очередной раз отказаться от притязаний на Кольский полуостров. Одновременно Швеция начинает Кальмарскую войну с Данией, но ее также проигрывает, отказываясь от притязаний на Финмарк. Это в свою очередь развязало руки Дании. Христиан IV вновь активизировал борьбу за восточную Лапландию, причем на сей раз угрожая России применением силы. После того, как Россия фактически отказалась от переговоров, датская эскадра в 1621—1623 гг. приступила к разбойным нападениям у берегов Мурмана. Датский флот громил становища и захватывал суда. В ответ на это, по указу царя Михаила Федоровича, гарнизон в Коле был увеличен до 500 стрельцов, а число пушек — до 54. Военные действия Дании не принесли результата. Огромная подготовительная работа, проводившаяся в течение ни одного столетия сначала Новгородом, а затем Москвой, намертво прикрепила Кольский Север к Русскому государству.

И как следствие, к тому времени общий округ по совместному сбору дани фактически прекратил свое существование. Саамы перестали быть двоеданными. Финмарк отошел к Дании, а Кольский полуостров окончательно был закреплен за Русским государством.

Несмотря на ликвидацию общего округа, строгой границы между государствами долгое время не существовало. Формально она была проведена только в 1826 г.

1.2. «То место убогое»: Кольский край в составе Русского государства в XVII — начале XX века

Присоединение Кольского полуострова к Русскому государству, хотя и завершало этап многовековой борьбы, еще не означало осознания государством стратегической важности этой территории. Несмотря на все попытки Ивана Грозного заниматься активной внешнеполитической деятельностью, после его смерти и в течение всего XVII века Россия почти не выходила за рамки привычного изоляционизма, концентрируя свои главные усилия на внутриполитических проблемах. Этому способствовал и фактический выход Дании из борьбы за Кольский полуостров после 1623 года. Московское правительство, закрепив свои успехи на Мурмане формированием здесь целого стрелецкого полка, практически утратило интерес к этой территории. Кольский полуостров практически не интересовал правительство и с точки зрения внешнеэкономического развития. Относительная слабость русских позиций на Мурмане, невозможность Русским государством отстоять здесь свои торговые интересы привели к передаче всех привилегий Архангельску как более приближенному к центру страны. Именно Архангельск становится в XVII веке главными морскими воротами страны.

К Кольскому Северу, таким образом, у правительства сформировалось весьма скептическое отношение, на что также влияли отдаленность края, тяжелые климатические условия, слабая заселенность. Поэтому с середины XVII века правительство начинает использовать Кольский Север как место политической ссылки. Скептицизм властей усиливало и отсутствие здесь служилого сословия — дворянства. На Кольском Севере никогда не существовало крепостного права. Все это было обусловлено неземледельческим характером местной экономики, главное место в которой занимали нетрадиционные для всей России морские промыслы, охота и оленеводство.

Эти отрасли, впрочем, давали определенный доход, и государство в поисках ресурсов стремилось как можно эффективнее получать с него свою долю. Поэтому многие мероприятия царской власти на протяжении XVII — XIX

веков были направлены на повышение экономической отдачи от местного налогообложения. При этом тактика и формы этих мероприятий были разными.

С одной стороны, правительство шло на прямое увеличивичение налогообложения. Именно для повышения податей царским правительством в 1608 г. на Кольский Север был послан писец Алай Михалков. В результате проведенной им описи общая сумма податей возросла более чем в 5 раз. Однако в условиях Гражданской войны правительство не решилось на их введение.

Существовала и более завуалированная форма повышения податей. Она заключалась в установлении строго фиксированной суммы сбора налогов с посадской общины Колы. Эта сумма не изменялась, несмотря на то, что сама община на протяжении XVII века численно сокращалась (многие ее члены предпочитали записываться в стрелецкое сословие, где для них начинали действовать определенные налоговые льготы за государственную службу). Тем самым, налоговое бремя на отдельного члена посадской общины возрастало. Однако это вело к разорению посадских людей и недоимкам. Государство, стремясь избежать этого, попыталось переложить часть податей на Печенгский и Кандалакшский монастыри, но встретило с их стороны сопротивление. В XVII веке монастыри теряют прежнее значение. После 1682 года правительство прекращает раздачу саамов в вотчинное владение монастырей. Государство пытается подчинить себе Церковь, претендуя на значительную часть церковных доходов. Окончательно духовные вотчины были ликвидированы в 1764 году. Отныне все церковные земли в крае стали государственными.

Стремление государства повысить эффективность налоговой отдачи отразилось и на системе управления краем. До начала XVIII века территория Кольского полуострова составляла самостоятельный Кольский уезд (за исключением Терского берега, входившего до 1784 г. в состав Двинского уезда) с прямым подчинением московскому правительству (приказу Новгородского четверти). Отдаленность края от столицы делала власть царского наместника — воеводы — фактически неограниченной. Существуя за счет даров и приношений, воеводы часто злоупотребляли своим положением. И это естественно приводило к недовольству со стороны населения. Так, в 1698—1699 гг. в Коле нача-

лись волнения стрельцов, отказавшихся подчиняться воеводе И. В. Воронецкому.

Вскоре правительство вынуждено было пойти на ограничение власти воевод. В 1708 г. по указу Петра I была образована Архангелогородская губерния, в состав которой вошел и Кольский уезд. Власти, жившие в Архангельске, теперь оказывались посредниками между центральным правительством и кольским воеводой. А в 1713 году была упразднена и должность воеводы. Отныне главным начальником края становился комендант, в ведение которого находилось лишь военнослужилое сословие (солдаты). Дела гражданского, или посадского населения передавались органу городского самоуправления.

Впрочем, всеми этими мерами властям так и не удалось преодолеть оторванности края от центральной государственной власти. Губернский центр Архангельск был связан с Мурманом практически только морем, да и то в свободные ото льда месяцы. В Кольском крае по-прежнему громадным влиянием продолжала пользоваться местная администрация.

Правда, на время Северной войны положение несколько изменилось. Петр I, решившийся бороться со Швецией за выход в Балтийское море и построивший для этого российский флот, начал рассматривать Север, где он лично и не один раз бывал, в тесной связи со своими стратегическими интересами. Ожидая контрудара Швеции и на северные владения России, Петр приказывает укрепить (а фактически полностью перестроить) Кольский острог, построить близ Архангельска Новодвинскую крепость. Однако все это было нужно царю не столько для долговременного усиления Севера, сколько для завоевания выхода в Балтийское море.

В действительности основанием новой столицы и нового порта — Санкт-Петербурга — Петр нанес огромный урон экономическому могуществу Русского Севера вообще и порта Архангельска в особенности. Желая направить весь поток торговых грузов через Петербург, царь указом Сената в 1720 г. установил в новой столице покровительственный таможенный тариф, тогда как в Архангельске и Коле сохранил старый, более высокий.

Северная война, длившаяся 21 год, заставила Петра I искать ресурсы на ее проведение. В этот период, как и по всей стране, на Кольском полуострове значительно вырастают государственные налоги с местного населения — причем, увеличиваются не только старые, но и появляются новые. Государство, в котором власть монарха достигла своего апогея, изобретает различные формы выкачки ресурсов из населения, опираясь при этом на политическую основу абсолютизма.

Так, например, оно в конце XVII — первой половине XVIII века постепенно отменило торговые операции с землей: если раньше черносошные крестьяне на Кольском Севере имели право полностью распоряжаться своими земельными участками (продавать, сдавать в аренду), то с введением подушного обложения в 1718 году вводился уравнительный принцип землепользования, вследствие чего земля переходила во владение сельских общин, а по сути, — под контроль государства.

Долгое время торговые операции с рыбой также были вне контроля властей. Поморы-рыбаки были свободны при сбыте своего товара, оказываясь тем самым в тесной связи с рынком. Петр I фактически порывает с этой традицией. В 1704 году правительство отдает сальные и тресковые промыслы Севера на откуп частной Компании, в состав которой вошли приближенные царя А. Д. Меншиков и П. П. Шафиров. Отныне промышленники имели право продавать свои товары или на рынке непосредственному потребителю, или скупщикам Компании. Поскольку большинство рыбаков не могло одновременно заниматься промыслами и торговать на рынке, их продукция продавалась скупщикам. До учреждения Компании на Мурмане между скупщиками существовала конкуренция, в результате чего товар вырастал в цене. Теперь же, с установлением монополии на скупку рыбы Компанией, цены диктовал монополист. Скупая рыбу по дешевке у мурманских рыбаков, Компания тут же, на Мурмане, перепродавала ее иностранцам по более высокой цене. Государству было выгодно подобное положение, так как часть доходов Компании уходило в казну. Однако самих рыбаков, труд которых требовал больших затрат (и прежде всего, на рыболовные суда и снасти), подобная практика приводила к разорению. Создание монополии, может быть, выгодное государству в коротком про-

межутке времени, явно было недальновидным с точки зрения длительной перспективы. В 1722 году Петр I, поняв, что «компанейщики оный промысел к государственной прибыли умножить» не могут, отменил монополию. Морские промыслы вновь стали вольными.

Однако после его смерти правительство не раз возобновляло монополии. Но результат оказался практически прежним: с помощью одних лишь ограничений предпринимательской деятельности государство не смогло увеличить финансовые потоки в казну.

Вместе с тем правительство Анны Ивановны, видимо, осознавая это, практически решилось впервые вложить государственные средства в экономику Кольского Севера, начав добычу руд — серебряных (на острове Медвежьем близ Порьей Губы) и медных (недалеко от села Поной). Несмотря на то, что руды эти были открыты группой архангельских купцов, государство, нуждаясь в этих стратегически важных металлах, оттеснило частный капитал от их разработки, взяв на себя все расходы. На оба рудника были присланы крепостные работники. Проработали предприятия недолго. Серебряный рудник исчерпал себя за 8 лет. Всего здесь было добыто 754 кг серебра, крайне необходимого государству для чеканки монет. Менее успешно шли дела на медном руднике: будучи убыточным, экономических надежд он не оправдал, и через несколько лет был закрыт.

В период царствования Екатерины II, выработав совершенно новый идеологический курс, именуемый в исторической литературе «просвещенным абсолютизмом», правительство решило отказаться от всяких ограничений предпринимательской деятельности, для чего в 1765—1768 гг. отменило монополии на морские промыслы, взяв за основу тактику стимулирования. Манифестом 17 марта 1775 года были отменены сборы с морских промыслов и производственных помещений, а по указу 28 июня 1780 года прекращалось взимание пошлин с судов и людей, приходящих на Мурманский берег для рыбных и сальных промыслов. Реформы Екатерины II, рассчитанные на длительный эффект, несколько оживили торгово-промышленную жизнь в крае. Эту политику развивали и сын Екатерины II Павел I, издавший указ о содействии развитию мурманских рыбных промыслов, и в особенности ее внук Александр I, поддер-

жавший создание на Мурмане Беломорской промысловой компании на акционерных началах. Александр I купил часть акций этой компании и выделил ее учредителям кредит в размере 150 тысяч рублей. Однако все это не привело к коренной перемене строя местной жизни. Кольский Север в глазах населения России оставался отдаленной, малопригодной для жизни окраиной. Такой скептический взгляд происходил не только из суровых условий Заполярья, но и под влиянием самого правительства, не связывавшего с Кольским Севером своих стратегических интересов. Именно на время царствования Екатерины II и сменившего ее Павла I падает расцвет кольской ссылки. Ссылая сюда политически неблагонадежных лиц, правительство осознавало отдаленность и бесперспективность Кольского края. Важнейшие стратегические интересы у России тогда лежали на западе и юге. Поэтому военный гарнизон в Коле после окончания Северной войны постепенно сокращался. По указу Павла I, вся артиллерия и вовсе была переведена из Колы на Соловки. А военнослужащие кольского гранизона выведены в Архангельск. Таким образом, Кола в XIX веке оставалась фактически без регулярных войск, город охраняла только небольшая команда солдат, состоявшая в основном из инвалидов.

Правительство явно недооценивало возможности внешней угрозы. Поскольку внешнеполитическая ситуация в XIX веке оказывалась весьма напряженной, такая угроза не заставила себя долго ждать. В 1807 году Россия присоединилась к объявленной Наполеоном «континентальной блокаде» Англии. Правительство Александра I порвало с последней дипломатические отношения и прекратило торговлю.

В свою очередь, Англия, не объявляя войны, предпринимает ряд враждебных актов против России. В 1809—1810 гг. английский военный флот громил побережье Кольского полуострова. Кола, оставшаяся без военной защиты, сдалась без боя, жители бросились в бегство. Своими разбойничьими действиями англичане нанесли большой урон экономике Мурмана. Потерпела крах Беломорская компания. Торговля с иностранцами на Мурмане практически прекратилась. Как следствие, власти были вынуждены закрыть Кольскую таможенную заставу.

Правда, правительство, заинтересованное в быстрейшем восстановлении для сохранения налоговых поступлений,

решило поддержать колян, предоставив им право беспошлинного вывоза хлеба в Норвегию для обмена на рыбу.

Однако уроки из тех печальных событий извлечены не были. Правительство продолжало рассматривать Кольский край как бесполезную по большому счету территорию. Поэтому, когда в 1826 году российские власти занимались проведением официальной границы с Норвегией (которая тогда входила в состав Швеции), они добровольно уступили своей западной соседке территорию Нявдемского и часть Пазрецкого погостов, где проживали православные саамы.

Что же касается административного центра Кольского уезда, то и после нападения англичан в Колу не были присланы регулярные войска.

И как следствие, во время Крымской войны именно местному населению пришлось выдержать еще один внешний удар. В 1854—1855 гг. англо-французская эскадра совершила разбойничьи действия на берегу Кольского полуострова. На сей раз Кола была сожжена. Запустение края заставило перенести административный центр Кольского края в город Кемь. Кольский уезд вообще исчез с административной карты, растворившись в Кемском уезде.

Неудачи в Крымской войне в значительной степени подвигли правительство Александра II на проведение целого ряда крупных реформ, имевших определенное последствие и для Кольского края. Отмена крепостного права заметно ускорила социально-экономическое развитие страны. Однако далекой Лапландии, где никогда не было помещичьих усадеб с крепостными, реформа практически не коснулась. На фоне бурного развития центральных и южных районов страны, а также соседней норвежской провинции Финмарк особенно заметным стало отставание Кольского Севера, где тяжелые природные условия и отдаленность ставили предпринимателя в менее выгодное положение.

Частный капитал, еще только нарождающийся в России, не мог предоставить значительных ресурсов. И хотя благодаря ему на Кольском Севере появилась лесопильная промышленность и пароходство, его возможности были весьма ограниченными. Поэтому предпринимательские круги активно искали поддержку у государства.

А государство, хотя и не противилось контактам с частным капиталом, по-прежнему избегало непосредственного вмешательства в экономику края, поскольку не располагало для этого необходимыми ресурсами, да и не видело для себя здесь стратегически важного сырья. Морские промыслы при этом интересовали властей не самим сырьем, а получаемыми с него налогами. Поэтому правительство стремилось всячески усилить главного налогоплательщика — рыбака, для чего не только установило льготы тем, кто желает переселиться на Мурман (колонистам), но и повышало привлекательность этих мест для потенциальных рыбопромышленников своим участием в развитии местной инфраструктуры — организации (совместно с частным капиталом) пароходных сообщений и строительстве здесь телеграфа, вложением средств в промысловую науку (Мурманская биологическая станция и экспедиция Н. М. Книповича). Помимо этого, также с целью стимулирования экономической жизни правительство установило для жителей Мурмана свободную таможенную зону, отменив таможенные пошлины с ввозимых из-за границы товаров первой необходимости (режим порто-франко). Эта тактика, не дававшая государству сиюминутной выгоды, наоборот, требовавшая даже определенных уступок и вложений, была рассчитана на длительную перспективу развития.

И как следствие, на Кольский Север потянулись люди. Однако правительственная поддержка колонизации Мурманского берега не произвела кардинальных изменений в экономике. Суровые климатические условия, как и отсутствие надежных путей сообщения, связывающих Мурман с центром (и прежде всего железной дороги), были главными препятствиями переселения на Кольский Север. Об этом же говорит и демографическая картина. К началу 1914 года на огромной территории Кольского края постоянно проживало всего 13 тысяч человек.

Больших успехов в хозяйственной деятельности добился разве что возобновленный на Мурманском берегу Трифоно-Печенгский монастырь, но произошло это благодаря использованию им более мощных и отнюдь нерыночных стимулирующих каналов: во-первых, монастырь получал ежегодную субсидию от Соловецкого монастыря и пожертвования от верующих; во-вторых, государство передало ему во владение обширный земельный фонд и освободило от

налогов; в-третьих, на обитель бесплатно работали приезжавшие сюда богомольцы. В результате монастырь скопил немалый капитал, который приумножал уже рыночными методами.

И все же произошедшие в экономике края определенные сдвиги позволили в 1883 г. вернуть Коле статус уездного центра.

А в период царствования Александра III в правительстве даже рассматривался проект о возможности строительства в Кольском заливе военного порта. Автором его был министр финансов России С. Ю. Витте, лично совершивший поездку к берегам Мурмана Александр III, настроенный к Русскому Северу весьма покровительственно, не успел принять решения из-за своей внезапной кончины Новое правительство Николая II отвергнуло проект С. Ю. Витте, считая необходимым вкладывать средства в развитие военного порта в Либаве, на Балтике.

Но в память о своем отце Николай II в 1899 г. основал на берегу Екатерининской гавани Кольского залива новый город — Александровск, который проектировался прежде всего как уездный центр (сюда были переведены уездные учреждения из старой Колы) и «коммерческий» порт. И хотя на него распространялся режим «порто-франко», развитие нового торгового порта было весьма затруднено отсутствием регулярного железнодорожного сообщения со внутренними районами России.

В начале XX века Николай II выразил пожелание о проведении на Мурман железной дороги, чтобы завершить «великий путь России от океана к океану — от Владивостока и Порт-Артура до Архангельска и Мурманска». Но постоянная нехватка ресурсов так и не позволила осуществить этот проект в мирной обстановке. Приоритетным тогда считалось строительство железных дорог, связывающих зерновые районы России, откуда в огромном количестве вывозился на продажу за границу российский хлеб, с ближайшими портами — Балтийского и Черного морей.

ГЛАВА 2.

ПРИБЛИЖЕНИЕ СЕВЕРА: СТАНОВЛЕНИЕ СЕВЕРНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

2.1. Эффект «вторых Дарданелл»: Кольский Север в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. и в период Северной области (1918—1920 гг.)

Начавшаяся в 1914 году мировая война, в которую оказалась втянута и Россия, кардинально изменила геополитическую ситуацию. Военные действия потребовали напряжения всех сил и поиска новых источников ресурсов. Союзники России по Антанте (Англия, Франция и примыкавшие к ним США) были готовы продавать ей стратегические товары (вооружение, продовольствие и т. д.). Однако главный противник Антанты — Четверной союз (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария) — сумел фактически заблокировать Россию. В районе ее западной сухопутной границы тянулся фронт. Оказались закрытыми и морские выходы в Европу: Балтийское море заперли немцы, а проливы Босфор и Дарданеллы — турки. Владивостокский порт был слишком удален от центра России. Вся нагрузка, таким образом, легла на Архангельск, для чего в срочном порядке начались работы по реконструкции его порта и связывающей его с центром железной дороги. Однако более чем на полгода этот единственный, оставшийся у России, выход в Европу блокировала сама природа, сковывая льдом архангельский рейд и Белое море.

В этой ситуации взоры правительства обратились на Мурман. Правительство Николая II, испытав острый дефицит геополитического ресурса, решает компенсировать его проведением на Кольский Север железной дороги, которая должна была протянуться более чем на 1000 верст от Петрозаводска (уже связанного железной дорогой с Петроградом) до Кольского залива по болотистой и пересеченной местности. Для ее создания были задействованы огромные ресурсы, расходование которых увеличивали и сжатые сроки строительства (1915—1916 гг.). Поэтому для прокладки полотна на Мурман и в Карелию присылались не только вольнонаемные рабочие (в том числе иностран-

цы, среди которых было много китайцев), но и военнопленные.

Одновременно на берегу Кольского залива для приема союзнических судов строился торговый порт. К осени 1916 года была пущена построенная вчерне железная дорога. Военно-стратегические грузы пошли по ней вглубь России. Тогда же здесь был основан новый российский город, названный, в силу своего важного стратегического значения, фамилией царской семьи — Романов-на-Мурмане.

Западные газеты сразу же окрестили Мурманскую железную дорогу «Вторыми Дарданеллами». С постройкой железной дороги далекая северная окраина перестает быть окраиной, притягивая интерес правительства не в меньшей степени, а иногда даже и в большей, чем иной центральный регион страны. Тем самым начинает оформляться северное стратегическое направления российской геополитики. «Северным» его можно называть по месту расположения, а на самом деле оно вело на Запад точно так же, как балтийское или черноморско-средиземноморское.

Очевидно, что северная стратегия появляется для России довольно неожиданно и вынужденно: «Вторые Дарданеллы» не появились бы, если Россия могла бы пользоваться настоящими Дарданеллами или Балтикой

В след за союзническими судами на Север пришли военные корабли, а позднее и подводные лодки враждебной Германии. Российскому правительству пришлось принимать меры для охраны северного побережья и прилегающих к нему участков Северного Ледовитого океана путем создания, причем, фактически на пустом месте, военно-морского формирования. Для этого сюда, главным образом с Дальнего Востока, переправляются российские военные корабли (в том числе и потопленные в русско-японскую войну и выкупленные у японцев крейсер «Варяг», линкор «Чесма» и др.). Сформированные из них военно-морские части и подразделения становятся основой для созданной в июле 1916 г. Флотилии Северного Ледовитого океана со штабом в Архангельске. На Кольском Севере было построено две военно-морские базы — в Кольском заливе (порт Романов) и на Мурманском побереже (Иоканьга).

Поскольку техническое состояние русских военных кораблей оставляло желать лучшего, их оказывалось явно

недостаточно для поддержания российского присутствия в Баренцевом и Белом морях. Поэтому на Север России приглашаются еще и военные корабли союзников по Антанте и, прежде всего, английские. Для обеспечения постоянной связи России с союзниками по дну океана прокладывается кабель, связавший Александровск и Шотландию.

Несмотря на отдельные потери, взаимодействие союзников, в целом помогло обеспечить охрану северного побережья и проводку транспортных судов с необходимыми для России грузами.

Вступив в строй, железная дорога вдохнула жизнь и в эту некогда заброшенную окраину. К началу 1917 г. в городе Романове проживало столько же человек, сколько и во всем крае до начала войны (около 13 тыс. чел.).

Отречение царя от престола в марте 1917 г. и последовавшие за этим политические события в центре страны мало отразились на жизнь Кольского Севера, экономическое положение которого было значительно лучше других регионов России, благодаря поддержке союзников, помогавших Мурману продовольствием и топливом. Мурман, удаленный от мест основных сражений, практически не испытывал от войны ничего, кроме своего созидания и развития. Край оказывался при этом тесно связанным с государственной властью и всецело зависел от ее политики. Тот же Романов-на-Мурмане, переименованный в связи с революцией в Мурманск, несмотря на свою хаотическую застройку, отразил в ней приверженность ведомственному делению: поселок Портостройка принадлежал морскому министерству, Железнодорожный поселок — министерству путей сообщения, Базстройка — военному ведомству. Поэтому возникшие на волне революции местные политические организации (Мурманский Совет, профсоюзы), видимо, чувствуя всю пропитанность местных преобразований духом государственности, не стремились бороться с властью, а напротив, искали компромисса с ней. Тем более, что новая власть, Временное правительство, подтвердило курс на продолжение войны, что естественно обеспечивало поддержку Мурману со стороны государства.

Поэтому в сентябре 1917 г. приказом морского министра была учреждена должность Главного начальника Мурманского укрепленного района и Мурманского отряда су-

дов (главнамура), которому на подведомственной территории передавались широкие права «коменданта крепости, находящейся на осадном положении». На эту должность был назначен контр-адмирал К. Ф. Кетлинский. Благодаря своим либеральным взглядам, ему удалось сравнительно легко наладить контакт с Мурманским Советом и другими демократическими организациями. Обнаружившийся компромисс сохранялся и после захвата власти в Петрограде большевиками в октябре 1917 г., что выразилось, с одной стороны, в признании самим К. Ф. Кетлинским Советской власти, установленной Вторым Всероссийским съездом Советов, а с другой стороны, в сохранении Мурманским Советом за главнамуром всех его полномочий.

Сохранявшийся компромисс между главнамуром и Советом основывался на общей политической платформе, которая нашла выражение в совместном воззвании от 4 ноября 1917 г., подписанном К. Ф. Кетлинским и председателем Мурманского Ревкома Т. Д. Аверченко, представлявшим чрезвычайный орган Мурманского Совета. Они призвали, с одной стороны, к прекращению братоубийственной борьбы за власть и установлению сильной центральной власти, а с другой стороны, к скорейшему заключению демократического мира, но «при обязательном условии тесного единения с союзниками, без помощи которых... грозит гибель».

Нацеленность на сохранение равновесия и компромисса сохранилась и после убийства К. Ф. Кетлинского, происшедшего в январе 1918 г. при невыясненных обстоятельствах. Должность главнамура и его штаб заменила учрежденная специально для этого Народная коллегия, состоявшая из представителей Совета и профсоюзных организаций.

Несмотря на то, что взятый большевистским правительством курс на скорейший выход из войны закладывал трещину в его взаимоотношения с мурманскими властями, местный Совет старался сохранить контакт как с центром, так и с союзниками. Этому способствовала и половинчатость политики Советского правительства, пытавшегося, несмотря на все формальные стремления выйти из войны, затянуть разрыв с союзниками с помощью лавирования между воюющими группировками. Поэтому, когда под влиянием начавшейся демобилизации на флоте, проводимой правительством, в Москву (куда из Петрограда была переведена

столица) поступил запрос Мурманского Совета о возможности принятия дополнительной союзнической помощи, нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий всего за 2 дня до подписания Брестского мира с Германией обязал мурманские власти «принять всякое содействие союзных миссий». На основе формального разрешения центральной власти Мурманский Совет 2 марта 1918 г. заключил с союзниками так называемое «Словесное соглашение» об оказании ими военной и материальной помощи, однако, без права вмешательства во внутренние дела Мурмана. Союзники между тем руководствовались прежде всего своими военно-стратегическими интересами, которые были связаны с желанием защитить архангельский и мурманский порты и находящиеся здесь же союзнические военные склады от возможного их захвата Германией.

И хотя на следующий день, 3 марта, в Брест-Литовске советская делегация подписала мирный договор с Германией, это не изменило большевистской политики лавирования, что позволило Мурманскому Совету, с одной стороны, начать прием воинских частей союзников на территории Мурмана (первый десант высадился с английского корабля «Глори» 6 марта), а с другой стороны, проводить курс на упрочение связей с Москвой. Дело в том, что само проведение на Кольский Север железной дороги уже крепко связало его территорию с Петроградом и Москвой, сделав само отношение Мурманска с Архангельском лишь неудобной формальностью, которая чаще всего не соблюдалась. К тому же для архангельских властей Мурман всегда представлялся удаленной территорией, и интересовал губернаторов, изредка приезжавших сюда, больше всего своей «экзотикой». Старый губернский центр Архангельск никогда не хотел, да и не мог предоставить Мурману таких же ресурсов, какие давали с началом мировой войны центральные ведомства. В такой ситуации вполне естественным становится стремление мурманских властей вывести Мурман из состава Архангельской губернии, с тем, чтобы подчинить его более «щедрому» центру. Но поскольку Александровский уезд, в состав которого входил весь Кольский Север (правда, без Кандалакши), был слишком слабозаселенной территорией для того, чтобы требовать самостоятельности, руководители Мурманского Совета разрабатывают проект создания Мурманского края, с включением в него еще и

Кемского уезда, также крепко связанного с железной дорогой.

Более того, Советское правительство в целях повышения своей популярности само выступило с предложением к местным властям об изменении административных границ губерний, уездов и волостей, поэтому идея о создании Мурманского края была воспринята центром вполне благожелательно, хотя и требовала окончательного узаконения после консультаций с Архангельском. Однако архангельские власти естественно противились этому, предпочитая сохранить территорию Мурмана за собой.

Между тем Москве с каждой неделей все трудней становилось сохранять политику лавирования между Антантой и Германией. Надеясь, по-видимому, на взаимоослабление воюющих держав, Советское правительство, с одной стороны, обдумывало предложения союзников о переброске на Север частей чехословацкого корпуса для поддержки Антанты, а с другой стороны, выслушивало германскую сторону о необходимости высадки на Мурмане немецких войск для борьбы... против Антанты. К июню 1918 года возможности лавирования, вероятно, были исчерпаны, потребовалось переходить от слов к делу, и внешнеполитическая линия Совнаркома на Севере становится откровенно прогерманской.

В то же время введение Германией своих войск на территорию соседней Финляндии, центральная власть в которой была так же парализована, как и в России революцией, активизация действий германского флота в Баренцевом море заставляли мурманское руководство сохранять просоюзническую ориентацию. Еще одним фактором, заставлявшим мурманские власти искать поддержки у союзников, стали набеги финнов на приграничные районы Мурмана, связанные с их агрессивными планами по захвату Кольского полуострова для создания «Великой Финляндии». Кроме того, союзники продолжали снабжать край всем необходимым, при том, что центр, как выяснилось, оказался неспособным предоставить Мурману ни вооруженных сил для защиты края, ни ресурсов жизнеобеспечения.

Возросший геополитический статус Мурмана при одновременном ослаблении центра делал разрыв практически неизбежным после того, как союзники окончательно решили поддержать антибольшевистские силы.

30 июня 1918 года на общегородском митинге в Мурманске председатель Совета А. М. Юрьев заявил, что Мурманский край выходит из состава Советской России. Условия этого разрыва нашли оформление в новом, от 6 июля, соглашении Мурманского Совета с союзниками.

После разрыва с Москвой на Мурмане в поддержку союзникам начинают формироваться собственные вооруженные силы.

2 августа 1918 г., в след за Мурманом и при такой же активной поддержке союзников, от Советской России отсоединился Архангельск, со значительной частью губерний. К власти в Архангельске пришло правительство во главе с Н. В. Чайковским, учредившее Северную область, главной задачей которой объявлялась борьба с большевиками. В состав области на правах автономии вошел и Мурманский край. Автономия означала, что на Мурмане, в отличие от остальной территории области, сохранялись Советы.

И хотя союзники снабжали Северную область всем необходимым, целью своего пребывания здесь поначалу они видели не столько поддержку антибольшевистских сил, сколько войну с Германией, усматривая в территории Русского Севера нужный для себя плацдарм. По мере же того, как победа союзников в этой войне становилась все очевидней, терялся и их интерес к Северной области. Правда, союзники не пошли на моментальный вывод своих войск из области, надеясь извлечь выгоды из своего участия во внутриполитической борьбе в России.

С затуханием мировой войны снижалось и значение Мурмана, благополучие которого на протяжении последних лет обеспечивалось прежде всего военными потребностями. Осенью 1918 г. Мурманский край теряет автономию, Советы в нем упраздняются и заменяются, по типу с остальной территорией Северной области, земствами и городскими думами.

Но несмотря на это, территориальная отдаленность Мурманского края от областного центра Архангельска все же позволила сохранить ему элементы автономности. В Мурманске, например, находилось управление не только над Александровским, но и над Кемским уездом, а позднее — также над частью Олонецкой губернии, вошедшей в Северную область.

Архангельск при этом в силу своей приближенности к фронтам Гражданской войны играл для антибольшевистских сил куда более важную роль, нежели Мурманск. К весне 1919 года у противников большевиков созрел план сужения кольца блокады Советской России путем соединения в районе Вятки двигавшейся из Сибири армии А. В. Колчака с вооруженными силами Северной области. Но из-за тяжелых природных условий (непроходимые леса и болота), а также упорного сопротивления большевиков этот план не был осуществлен, после чего союзники окончательно осознали всю бесперспективность антибольшевистской борьбы в России, и осенью 1919 года были вынуждены эвакуировать свои войска с Севера.

Оставшееся без помощи союзников антибольшевистское правительство, понимая, что недостаток ресурсов не позволит удержать под контролем всю территорию Северной области, начинает подготовку к эвакуации всех своих учреждений на Мурман, одновременно пытаясь найти помощь у Финляндии в борьбе с большевиками. Возросшее значение Мурмана было формально подкреплено 2 февраля 1920 года созданием самостоятельной, в рамках Северной области, Мурманской губернии, которая, впрочем, так и не была создана. Подготовительные мероприятия антибольшевистских властей значительно запаздывали в сравнении с процессом разложения тыла и наступлением Красной армии, которая, разгромив основные силы Колчака на востоке, Деникина на юге и Юденича на западе, получила значительные преимущества на севере.

В конечном итоге, все это подвело к закономерному падению Северной области в последней декаде февраля 1920 года.

К тому времени Мурманский край пожинал плоды своего 20-месячного нахождения в изоляции от основной территории России, пребывая в разрухе, голоде и эпидемии.

2.2. Большевистская революция: новый взгляд на Север (Кольский край в Советской России в 1920—1939 гг.)

В 1920 году Гражданская война на европейской части России постепено затухала. Практически победив внутренних противников, большевики, однако, сохраняли внешних: Советская Россия, объявившая социалистический эксперимент, продолжала пребывать в кольце дипломатической

изоляции. И в этих условиях естественно падало значение Мурманска как порта.

При этом сохранявшаяся шаткость положения большевиков внутри самой страны, заставляло их идти на уступки загранице. В частности, желая получить мирную передышку, в 1920 году Советское правительство пошло на передачу Финляндии северо-западной части Кольского Севера — района Печенги.

Неблагоприятная внешнеполитическая конъюнктура для России не могла не отразиться и на административном статусе приграничного Мурманского региона, который был понижен. Мурманская губерния Северной области была расформирована, распавшись на два не связанных между собой уезда (Мурманский и Кемский), включенных в состав Архангельской губернии.

Впрочем, вхождение Мурмана в состав РСФСР означало включение его не только во внешнеполитическую сферу Советского государства, но и в его внутриполитическую систему «военного коммунизма», сложившуюся еще в начале Гражданской войны и служившую средством нахождения ресурсов для ведения военных действий. Причем, на Мурмане военный коммунизм, при всей его общей направленности к усилению государственного вмешательства в экономику, имел свои особенности: если в земледельческих районах страны он выразился прежде всего во введении продразверстки сельскохозяйственных продуктов, то на Кольском Севере его основными формами стали — государственная монополия на рыбные промыслы (подобная тем, что вводились еще в XVIII веке) и государственные реквизиции оленей у саамов.

Оказавшись необходимой для властей во время Гражданской войны, военно-коммунистическая политика большевиков по мере затухания войны исчерпывала себя. В стране усиливалось недовольство всех социальных слоев. Ухудшалась экономическая обстановка и на Кольском Севере.

В таких условиях большевики были вынуждены искать замену политике военного коммунизма и одновременно справляться с негативными последствиями дипломатической изоляции открытием новых ресурсов внутри самой страны.

Советское правительство под руководством В. И. Ленина, предполагая о существовании на Севере громадных не-

изведанных природных богатств, сформировало новый взгляд на Север, особую северную идеологию. В противовес скептическому отношению царского правительства к Северу, представлению о неполноценности этой территории по сравнению с другими, более южными и более населенными частями страны, Советское правительство рассматривает Север как стратегически важный источник ресурсов, в немалой степени делающий возможным само существование Советской России.

В плане ГОЭЛРО, разработанном правительством в 1920 г., предполагалось превращение Европейского Севера в индустриально развитый район за счет открытия и освоения здесь полезных ископаемых, строительства предприятий черной и цветной металлургии, химической и рыбной промышленности, электростанций. Тогда же властями начинает осознаваться и необходимость поддержания торгово-экономических связей с западными странами, правда, как временная и вынужденная мера, необходимая для восстановления собственной промышленности. В плане электрофикации Северного района речь поэтому шла и о том, что «главное развитие товарообмена с заграницей может пасть на Мурманск», который как порт будет конкурировать с Петроградом.

Несмотря на то, что эти проекты начали отчасти реализовываться уже в начале 1920-х годов (был создан государственный траловый флот, на Мурман отправлены научные экспедиции для поиска полезных ископаемых), все же для их полного воплощения требовались большие ресурсы, которых у государства не было.

Эта проблема имела прямое отношение к той борьбе, которая развернулась в верхах страны, по поводу выбора дальнейших путей для достижения главной цели большевиков — построения социализма. Если так называемая «левая оппозиция» считала главным условием для этого мировую революцию, настаивая поэтому на ускоренном развитии военно-промышленного комплекса главным образом за счет выкачки средств из деревни, то представители так называемого «правого уклона», полагая, что хлеба у крестьянина нет, считали главной задачей страны — восстановление деревни, укрепление слоя середняков, что, по их мнению, спустя какое-то время даст государству средства и на создание промышленности. Исход этой политической

борьбы имел прямое отношение и к перспективам развития Мурмана: победа левых сил обеспечивала ускоренное индустриальное развитие края, победа же правых — наоборот, весьма замедленные темпы промышленного строительства. Поэтому неудивительно, что мурманские руководители (первый секретарь губкома ВКП(б) И. М. Жданов, председатель губисполкома В. М. Мельников и др.), желавшие получить от государства как можно больше средств на развитие края, поддерживали левую оппозицию.

Однако введение большевиками в 1921 году новой экономической политики (НЭП), сменившей военный коммунизм, означало временную, но победу правых сил. Поскольку НЭП был ориентирован прежде всего на восстановление подорванного войной крестьянского хозяйства, он не мог обеспечить быстрого роста промышленности.

Поэтому к Кольскому Северу, с его неземледельческой экономикой, нэповские мероприятия имели лишь косвенное отношение, но и здесь, как и во всей стране, они носили стимулирующий характер. Так, например, была отменена государственная монополия на рыбные промыслы, последние снова стали свободными. Еще одной стимулирующей мерой стало снижение налогового бремени: тогда как в земледельческих районах по всей стране продразверстка заменялась значительно меньшим по размеру продналогом, Мурман, в силу своей экономической слабости, и вовсе был освобожден правительством от продналога.

Но, пожалуй, главным последствием НЭПа для Кольского Севера стал прорыв дипломатической изоляции СССР, позволивший ускорить возобновление товарообмена между Россией и Западом, которое, в свою очередь, привело к оживлению работы Мурманского порта и Мурманской железной дороги. При этом, не располагая необходимыми ресурсами на осуществление проектов по развитию края, Советское правительство, согласно нэповской стратегии, фактически предложило местным властям искать средства самостоятельно, превратив Мурманскую железную дорогу в «промышленно-транспортный и колонизационный комбинат», который должен был не только перевозить грузы, но и заниматься колонизацией Мурмана — ловить рыбу, заготовлять лес, искать полезные ископаемые, заниматься торговлей, а вместе с тем способствовать заселению полосы вдоль железной дороги.

Такая передача центром полномочий на места неизбежно приводила к пересмотру старых административных границ губерний. Мурманские руководители еще в 1920 году настаивали на выходе Мурмана из состава Архангельской губернии. Архангельские власти, не будучи едиными в решении этого вопроса, прекрасно осознавали, что не в состоянии самостоятельно, без привлечения дополнительных ресурсов, поднять и освоить Кольский Север, и обращались за помощью к центру. С другой стороны, мурманские власти, считая архангельское начальство ненужным посредником, предпочитали созданием особой административной единицы установить контакт непосредственно с центром. Тенденция, впервые проявившаяся в 1918 году, таким образом, повторилась. Но на этот раз центр оказался более решительным, утвердив в 1921 году создание самостоятельной Мурманской губернии, чему посодействовала нэповская направленность к децентрализации.

К середине 1920-х годов правительство принимает решение и о переводе из Архангельска в Мурманск траулового флота: отныне экономика Архангельска нацеливалась на развитие лесной и деревообрабатывающей промышленности, а Мурманска — рыбной.

Между тем ни повышение административного статуса Мурмана, ни предоставление налоговых и прочих льгот, ни наделение Мурманской железной дороги особыми правами, ни открытие на Кольском полуострове полезных ископаемых сами по себе еще не привели к воплощению большевистских проектов о превращении Мурмана в индустриально развитый район. НЭП лишь позволил восстановить расстроенную Гражданской войной экономику края. Однако Мурманская губерния в 20-е годы оставалась самой малонаселенной в СССР (в 1926 г. здесь проживало всего 23 тыс. человек). Поэтому не удивительно, что в 1927 году Мурманская губерния была расформирована, а ее территория на правах округа вошла в состав более населенной и индустриально развитой Ленинградской области.

Эти преобразования отчасти были связаны и с теми намечающимися изменениями в политической стратегии страны, к которым подвело свертывание НЭПа во второй половине 20-х годов. Руководство СССР во главе с И. В. Сталиным отчасти вернулось к идеям «левой оппозиции», объя-

вив переход к политике форсированной индустриализации. Причем, средства на проведение индустриализации, как то и предполагали левые планировалось получить в деревне, в частности, за счет проведения насильственной коллективизации.

Такой поворот во внутренней политике во многом был предопределен отставанием советской индустрии от уровня промышленного развития ведущих западных стран. И. В. Сталин, желая преодолеть эту разницу, взял курс на превращение СССР в сверхмощную державу.

Проекты индустриализации предусматривали крупные преобразования и на Кольском полуострове. Причем, на их воплощение отводились кратчайшие сроки. А для этого проблема привлечения рабочих рук на Кольский Север решалась властями не только на добровольной основе (путем установления материальных льгот для желающих работать на Крайнем Севере), но и принудительно, за счет отправки в Заполярье заключенных и раскулаченных крестьян из более южных районов страны, что стало возможным вследствие формирования в СССР политической системы тоталитаризма. Да и среди переселившихся добровольцев значительную часть составляли те, кто переселялся на Север вынужденно: многие крестьянские семьи уезжали из своих деревень на «заработки» на Север не по своей воле, спасаясь от репрессий коллективизации. Подобными мерами властям, хотя и удавалось довольно эффективно решать кадровую проблему, все же оказалось невозможным свести к минимуму человеческие жертвы и страдания.

В конце 20-х и в течение 30-х гг. Мурман представлял собой огромную строительную площадку. В Хибинах на основе открытых здесь А. Е. Ферсманом месторождений апатито-нефелиновых руд началось строительство горно-обогатительной фабрики (АНОФ-1). Апатит, необходимый для производства минеральных удобрений, к тому времени добывался только в Марокко. Возведение же АНОФ-1 позволило СССР не только преодолеть зависимость от заграницы в этом виде сырья, но и заметно поддержать сельское хозяйство страны, которое в то время переживало повышенный нажим со стороны государства вследствие проводившейся коллективизации.

Главной задачей индустриализации в Мурманске стало развитие предприятий рыбной промышленности: обновление

рыболовного флота, расширение порта, создание базы судоремонта и рыбообработки.

Работа всех этих предприятий требовала немалых энергетических затрат, что привело к строительству на Кольском Севере электростанций: Мурманской ТЭЦ, Нивской ГЭС, Нижне-Туломской ГЭС.

Потребностями обороны была обусловлена необходимость добычи на Кольском полуострове сырья, использующегося в военной промышленности. Так, в 1939 году в Монче-тундре был построен горно-обогатительный комбинат «Североникель», который занимался добычей меди и никеля. Вскоре началось строительство алюминиевого завода в Кандалакше и комбината по добыче редкоземельных металлов в Ловозерской тундре, прерванное Великой Отечественной войной.

Проведенная на Кольском полуострове индустриализация повлекла за собой быстрый рост населения, а вместе с ним и крупные социальные преобразования. В 1939 году в крае проживало уже почти 300 тысяч человек. На Мурмане появляются новые города (Хибиногорск — Кировск и Мончегорск), быстрыми темпами растет Мурманск (в 1939 году в нем уже проживало 120 тыс. чел.). И как следствие, в 30-е годы в городах Заполярья разворачивается жилищное строительство, причем, на смену деревянным зданиям начинают приходить каменные, в несколько этажей. Кроме того, приток населения на Кольский Север потребовал организации здесь учреждений здравоохранения, образования и культуры. Да и сами потребности созданных здесь промышленных предприятий в квалифицированных кадрах обусловили организацию здесь средних специальных учебных учреждений (Мурманского рыбопромышленного техникума, Кировского горного техникума), а быстрый рост детского населения (в 1939 г. на Мурмане почти третью часть всего населения составляли дети) поставил проблему обеспеченности края педагогическими работниками, что привело к учреждению педтехникума и учительского института в Мурманске.

Не менее остро в крае стояла и проблема продовольственного снабжения населения. Власти пытались решить ее не только организацией завоза продуктов, но и созданием своего, заполярного сельского хозяйства. Так, например, в Хибинах был создан совхоз «Индустрия», снабжавший местное население мясом, молоком и овощами. Укомплекто-

ванный раскулаченными крестьянами, которые имели большой опыт ведения сельского хозяйства, совхоз добился значительных успехов, подтвердив возможность существования этой отрасли за Полярным кругом.

Все эти преобразования в социальной сфере проводились с целью превращения приезжего населения края в оседлое, что имело большое значение для государства в плане обеспечения промышленных предприятий Севера рабочими руками на долгие годы вперед.

При этом в целях изучения и развития ресурсной базы Кольского полуострова и омывающих его морей на Мурмане государством была создана сеть стационарных научных учреждений, в том числе Кольская база Академии Наук СССР, Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии (ПИНРО), Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства (ПОСВИР).

Таким образом, именно государственные усилия и стали тем исходным условием, позволившим в 30-е годы превратить Кольский Север в экономически развитый район страны. Произошедшие изменения не могли не отразиться и на административном статусе региона. В мае 1938 года Мурманский округ Ленинградской области был преобразован в самостоятельную Мурманскую область.

Превращение Кольского полуострова в ресурсную базу страны поставило вопрос о военной обороне этого края, который до начала 30-х годов практически не охранялся (созданная еще в период Первой мировой войны Флотилия Северного Ледовитого океана прекратила существование в период войны Гражданской). К такой необходимости подталкивало произошедшее к началу 30-х годов включение СССР в систему международных отношений, требовавшего проявления особой заботы государства о своем военном потенциале. Советское руководство, ранее отрицавшее возможность заключения союзов с «капиталистическими» странами, к 30-м годам все более начинает осознавать неизбежность своего участия в военно-блоковой организации мирового устройства, развитие которого неизбежно вело ко Второй мировой войне. А это, в свою очередь, заставляло СССР извлечь уроки из Первой мировой войны, эффектом «вторых Дарданелл» выявившей огромную геополитическую роль Европейского Севера.

Тем самым, советское руководство все отчетливее начинает признавать стратегической ценностью не только минеральное сырье, имевшееся на Севере, но и саму эту территорию, с находящимися на ней портами и железными дорогами.

С одной стороны, это заставляет властей заняться милитаризацией этой территории, что выразилось в создании в 1933 году на Мурмане Северной военно-морской флотилии, для выбора места базирования которой на Кольский Север приезжал лично И. В. Сталин. В 1937 году флотилия была преобразована в Северный флот. В конце же 30-х годов на Мурмане начинается укрепление и сухопутных границ. С этим же была связана проведенная в Мурманской области летом 1940 года по приказу наркома внутренних дел Л. П. Берии массовая депортация инонационалов (в особенности финнов и норвежцев), считавшихся политически неблагонадежным «элементом».

С другой стороны, правительство принимается за совершенствование инфраструктуры Севера. Так, в 1933 году усилиями большой армии заключенных в Карелии был построен Беломоро-Балтийский канал, связавший Белое и Балтийское моря. В дальнейшем власти предполагали проложить канал и по Кольскому полуострову для соединения Белого и Баренцева морей, но этому помешала война.

Кроме того, тогда же властями начинает осознаваться и необходимость планомерного освоения Северного морского пути — альтернативного маршрута, связывающего западную часть СССР с его восточной частью по Северному Ледовитому океану, вдоль советского побережья. Плавания по Севморпути были сопряжены с большими трудностями, зависящими главным образом от ледовой обстановки и технических возможностей кораблестроения. Освоение арктического маршрута требовало проведения экспедиций для его изучения. И Мурманск становится одной из главных баз для их проведения. Наиболее известными арктическими экспедициями, прошедшими через Мурманск, стали эпопеи челюскинцев и седовцев.

2.3. Повторение эффекта «вторых Дарданелл»: Кольский край во время Второй мировой войны 1939—1945 гг.

Уже вскоре выяснилось, что военное укрепление северных рубежей СССР были оправданными. На Севере Европы к концу 30-х гг. переплелись интересы ведущих европейских государств, между которыми началась борьба за преобладание в этом регионе. Учитывая складывающуюся конъюнктуру, СССР стремился участием в этой борьбе повысить безопасность своих северо-западных территорий, для чего советское правительство намеревалось отодвинуть советско-финляндскую границу от Ленинграда, Мурманска и Мурманской железной дороги. Поскольку на эти предложения Советского Союза никак не соглашалась Финляндия, советскому руководству пришлось в ноябре 1939 года развязать войну с ней. Этим конфликтом СССР фактически входил в начавшуюся Вторую мировую войну.

Советско-финляндский фронт растянулся по всей границе, от Ленинграда на юге до полуострова Рыбачьего на севере. Поскольку основные силы финнов концентрировались в южных районах страны, исход войны решался не на севере, а на юге, где наступление СССР встретило серьезное сопротивление со стороны финской армии. На Мурмане же, где стратегическим планом предусматривалось наступление на двух направлениях — петсамо-наутсинском и куолаярвско-салльском, советским войскам удалось довольно быстро овладеть полуостровами Рыбачьим и Средним и взять Петсамо (Печенгу). Причем, против сравнительно небольшой группировки противника советское командование на петсамо-наутсинском направлении держало сравнительно крупные силы (кроме Северного флота, еще две дивизии). Это было связано со стремлением предотвратить приготовления Англии и Франции к высадке своих десантов на Кольском полуострове для оказания помощи Финляндии (план Дарлана).

Впрочем, англо-французским планам сбыться не довелось, так как в марте 1940 года советско-финляндская война, едва начавшись, внезапно завершилась. По заключенному в Москве мирному договору, СССР добивался для себя определенных территориальных уступок, в том числе некоторое отодвижение границы от Мурманской железной дороги и возвращение в свой состав полуостровов Рыбачий и Средний, западная часть которых была уступлена Финлян-

дии еще в 1920 году. Рыбачий и Средний имели важное значение, представляя собой удобный плацдарм, позволявший контролировать Кольский залив, с одной стороны, и Печенгский залив, с другой. Печенга оставалась в составе Финляндии.

СССР, вконец испортивший и до того не отличавшиеся стабильностью отношения с Англией и Францией, пытался своеобразно компенсировать нарушение баланса сил налаживанием сотрудничества с Германией, с тайного согласия которой Сталин начал войну против Финляндии. В свою очередь, советское правительство разрешило Германии создание на Мурмане (по одной из версий, в Мотовском заливе) военной базы «Норд» для подводных лодок и надводных кораблей, действовавших против английских и французских судов в Северной Атлантике. Кроме того, для германских кораблей был открыт Северный морской путь и Мурманский порт.

В апреле 1940 года Германия захватила Норвегию, получив тем самым более удобный плацдарм для размещения своих военно-морских баз, после чего необходимость в базе «Норд» на Мурмане отпала, и немцы ее закрыли.

Советско-германское сотрудничество оказалось весьма непрочным. Одной из серьезных трещин в нем стала так называемая «петсамская проблема», суть которой заключалась в том, что и Советский Союз, и Германия претендовали на никелевые рудники, находившиеся в Петсамо, разработкой которых занималась англо-канадская фирма. Исход этого серьезного спора за стратегический никель во многом зависел от позиции Финляндии, в составе которой находилось Петсамо. Финское правительство, мечтавшее взять реванш за потери в войне с Советским Союзом, взяло курс на поддержку Германии.

В то же самое время в самой Германии в глубокой секретности разрабатывался проект расширения немецкой гегемонии на восток, что предусматривало захват СССР, вплоть до линии Архангельск-Астрахань.

Германское правительство поставило целью захват не только никелевых рудников в Петсамо, но и всего Кольского полуострова, пытаясь тем самым решить, как минимум, три задачи: обеспечить себя стратегически важным сырьем; парализовать Северный флот, чтобы добиться господства в

Северной Атлантике; и перерезать Мурманскую железную дорогу, связывающую центр страны с внешним миром.

При этом, хотя план по захвату Кольского полуострова был явно второстепенным по отношению к общей доктрине взаимодействия германских групп армий «Север», «Центр» и «Юг», нацеленных соответственно на захват Ленинграда, Москвы и Киева, для его реализации на Севере Норвегии базировалась отдельная немецкая армия, с прямым подчинением ставке фюрера.

22 июня 1941 года, в день, когда началось вероломное нападение Германии на Советский Союз, немецкие войска захватили никелевые рудники в Петсамо, ставшие одним из основных поставщиков этого стратегического металла для германской металлургии. А 26 июня Финляндия объявила войну СССР, что привело к укреплению немецкой группировки на Крайнем Севере финскими войсками.

Одновременно начала формироваться антигитлеровская коалиция, в которую, кроме СССР, постепенно вошли Англия, Канада, США.

Однако реализовать свои планы по захвату Кольского полуострова фашистской Германии не удалось. Вторгнувшиеся в пределы края части противника к осени 1941 года были остановлены на Мурманском направлении (рубеж Западная Лица) и на Кандалакшском направлении (рубеж Верхний и Нижний Верман). На Севере началась позиционная война. Таким образом, Мурманск и связывающая его с центром страны железная дорога не были захвачены врагом.

Учитывая это обстоятельство, И. В. Сталин призывал союзников открыть второй фронт в Арктике. Однако премьер-министр Великобритании У. Черчилль, преследуя свои интересы, сумел уклониться от такого проекта. Находившийся в Заполярье самый правый фланг советско-германского фронта оставался, таким образом, довольно локальным. И хотя исход войны решался, конечно же, не здесь, надежная защита Мурманска между тем позволила обеспечить реализацию отнюдь не локальной задачи. Для страны в целом, где наступление противника проходило весьма стремительно, где начал сказываться дефицит ресурсов, свободный доступ к северным портам имел огромное значение, так как с началом войны остро встал вопрос о путях доставки в СССР военной помощи из стран-союзников.

Поскольку Балтийское и Черное моря оказались блокированы противником, как и в годы Первой мировой войны, в стране повторился «эффект Вторых Дарданелл». В виду того, что восточный (через Владивосток) и южный (через Персидский залив) маршруты доставки помощи были весьма протяженными, а значит экономически менее выгодными, наибольший интерес для союзников, в особенности на первом этапе войны, представлял именно северный маршрут (через Архангельск и Мурманск), как наиболее короткий, хотя и весьма опасный.

При всей очевидной удобности северного коридора, обслуживающий его Северный флот, будучи самым слабым из всех советских флотов, испытывал колоссальное напряжение при выполнении поставленной стратегической задачи. Такое положение во многом вытекало из существовавших в довоенные годы у военного руководства представлений о вспомогательной, тактической роли северного направления. Основные силы традиционно размещались на Балтике и на Черном море.

Но несмотря на все опасности, поджидавшие союзнические суда по пути следования через Северную Атлантику, Норвежское и Баренцево моря, где весьма активно действовал германский флот, северный маршрут уже с конца 1941 года превратился в основную транспортную артерию между СССР и союзниками. К августу 1942 года из-за границы через Мурманск и Архангельск было ввезено столько же самолетов, танков и танкеток, сколько их было в составе всех советских фронтов на начало 1942 года.

Между тем усиление арктической группы германского флота в 1942 году принесло и крупные потери среди союзников (трагедия 17-го конвоя), что в конечном итоге заставило переориентировать основной грузопоток с северного маршрута на южный и восточный, однако при одновременном расширении самого грузопотока. Поэтому и в последующие годы объем ввозимых через Мурманск и Архангельск союзнических грузов оставался весьма значительным.

Прием и обработка этих грузов происходила в Мурманске довольно слаженно, несмотря на частые бомбардировки города немецкой авиацией. Помимо этого, мурманчане ремонтировали военные корабли, лечили раненых, ловили ры-

бу (несколько эшелонов с рыбой было отправлено ими в блокадный Ленинград).

Активная помощь фронту со стороны тыла не могла не привести к позитивным изменениям. Однако для коренного перелома военной обстановки требовалось время. Между тем советское командование порой ставило непосильные задачи. Например, в развитие контрнаступления советских войск под Москвой и на Мурманском направлении была спланирована наступательная операция. Несмотря на нехватку боеприпасов, недостаточность резерва войск, способного противостоять вооруженному до зубов противнику, Ставка приняла решение о проведении этой операции весной 1942 года, поставив задачу усиления обороны Мурманска. Командование Карельским фронтом пошло еще дальше, объявив главной целью наступательной операции разгром гитлеровской группировки в Заполярье. Такая несогласованность действий советского командования, наряду с переоценкой собственных сил, и стала причиной той высокой цены, заплаченной человеческими жизнями, при весьма скромных результатах этой операции.

И только победа советских войск в Сталинградской и Курской битвах обеспечили коренной перелом в войне к 1943 году. В 1944 году советское командование проводит ряд наступательных операций, в результате которых противник был изгнан за пределы СССР. На Крайнем Севере первоначально главный удар планировалось нанести на Кандалакшском направлении, а вспомогательный — на Мурманском. Этот план вводился в действие при условии выхода Финляндии из войны, но весной 1944 года, когда мирные переговоры были прерваны, этот план был пересмотрен, в результате чего советское командование принимает решение о военном давлении на Финляндию проведением наступательной операции в южной Карелии. Успешность этой операции обеспечил выход Финляндии из войны, после чего уже была также успешно осуществлена наступательная операция на Кандалакшском направлении.

Заключительный удар на Севере был нанесен на Мурманском направлении в октябре — начале ноября 1944 года в ходе Петсамо-Киркенесской операции. Войска Карельского фронта (командующий — Маршал Советского Союза К. А. Мерецков) во взаимодействии с Северным флотом (командующий — адмирал А. Г. Головко), обладая замет-

ным преимуществом в живой силе и технике, разгромили гитлеровскую группировку на Мурмане и севере Норвегии. Победа советских войск на этом участке фронта, хотя и была ускорена начавшейся эвакуацией немецкой армии вглубь Норвегии, все же далась высокой ценой (21 тыс. убитых и раненых).

Проявляя массовый героизм, советские люди тем самым сумели отстоять независимость своей Родины.

ГЛАВА 3.

РЫВОК НА СЕВЕР: «АТОМНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И КРАХ СТАРОЙ ДОКТРИНЫ «ЕВРОПЕЙСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ»

3.1. Атомный щит и меч России: Мурманская область в послевоенном СССР (1945—1991 гг.)

Победа над фашистской Германией укрепила положение СССР в Европе. Финляндия возвратила Советскому Союзу район Печенги (Петсамо), который вместе с никелевыми рудниками включался в состав Мурманской области.

Но вместе с тем именно усиление СССР привело к расколу мира на два лагеря, условно называемых «социалистическим» и «капиталистическим», и началу между ними «холодной войны». Вследствие этого изменяется сама система международных отношений, бывшая еще с XVIII века европоцентричной, а потому неизбежно связывающая Россию прежде всего с черноморским и балтийским морскими театрами. С усилением США военная стратегия СССР явно уже не могла умещаться в рамках старых европейских направлений, требуя нового сверхмощного оружия и принципиально новой военной доктрины.

Изобретение в СССР атомного оружия поставило перед руководством проблему его размещения. Поскольку Балтийское и Черное моря по международным соглашениям были закрыты для военного атома, выбор пал на Северный и Тихоокеанский флоты. Именно сюда стали поступать надводные и подводные корабли с неограниченным районом плавания, баллистические и крылатые ракеты, которые могли достигнуть любой точки земного шара.

Тем самым «атомная революция» практически разрушила старую доктрину «европейских направлений»: с помощью атомного оружия, которое несли военные корабли Северного и Тихоокеанского флотов, теперь можно было контролировать весьма отдаленные территории и даже континенты.

Значение этих флотов резко возрастало еще и потому, что они базировались на наиболее близком расстоянии от главного конкурента СССР — США.

Северный флот отделяла от североамериканского континента только Арктика. Поэтому, в частности, согласно сек-

ретным стратегическим планам СССР и США, театром военных действий в будущей третьей мировой войне объявлялся Северный Ледовитый океан, благодаря использованию атомных подводных лодок, способных к подледному плаванию. Отсюда и то внимание, которое СССР и США уделяли строительству подводных лодок, и та активность, которую обе страны проявляли в освоении Арктики. В 1962 году советская атомная подводная лодка «Ленинский комсомол» всплыла на Северном полюсе, повторив тем самым рекорд американской подлодки «Наутилус», установленный четырьмя годами ранее. Уступив это первенство американцам, СССР между тем оказался первой и единственной страной в мире, построившей атомный ледокольный флот гражданского назначения, базой которого стал Мурманск. В 1977 году атомный ледокол «Арктика» впервые из надводных судов в истории человечества достиг Северного полюса. Именно атомный ледокольный флот позволил СССР превратить трассу Северного морского пути в постоянно действующую.

Особенно важным в геостратегическом отношении оказывалось Мурманское побережье с незамерзающими заливами. Для обслуживания кораблей Северного флота именно здесь создавалась система морских баз и судоремонтных заводов. Из Кольского залива, например, СССР тайно перевозил на Кубу ядерные ракеты, что впоследствии привело к Карибскому кризису 1962 года. В Никель была проложена железная дорога, призванная обслуживать также и никелевые рудники. С применением труда заключенных начала строиться железная дорога к военно-морской базе в Иоканге (однако после смерти Сталина строительство было заморожено). С 60-х годов в Мурманской области начинает формироваться система автомобильных дорог.

Масштабная программа милитаризации, проводившаяся СССР на Севере, подогревала разведывательную активность стран НАТО и США, разведывательные корабли и самолеты которых регулярно появлялись в районе Кольского полуострова, провоцируя конфликты. Так, 1 июля 1960 года над Баренцевым морем силами ПВО был сбит военный американский самолет РБ-47.

На протяжении всего послевоенного периода еще одним стратегическим фактором на Кольском Севере оставались

добывавшиеся здесь природные ресурсы, необходимые СССР в соревновании со странами капитализма. В отношении их освоения государство придерживалось той политики, которую начало до войны, практически продолжив здесь индустриализацию. Причем, в горной промышленности действовали не только старые рудники, но и были введены новые — медно-никелевые в Никеле и Заполярном, редкоземельный в Ревде, железорудные в Оленегорске и Ковдоре, апатито-нефелиновый в Апатитах. Расширение горнорудной базы и самих производств начинало пагубно сказываться на заполярной природе.

К таким же экологическим проблемам приводила и активизация тралового промысла в Баренцевом море, промысловые возможности которого были уже почти исчерпаны. Власть, стремившаяся получить как можно больше рыбы, выделяла средства на конструирование и постройку новых, более мощных рыболовных судов, которые могли дальше уходить от родных берегов и ловить рыбу в Северной и Центральной Атлантике. Это позволило увеличить уловы, но одновременно возрастала и затратность промысла. Особенно большой урон рыбной промышленности СССР нанесло введение зарубежными странами во второй половине 70-х годов 200-мильных экономических зон, в которых иностранным судам запрещалось ловить рыбу. Советскому траловому флоту пришлось переориентировать свой промысел на другие районы Мирового океана (например, Южную Атлантику), что в конечном итоге еще более отдалило суда от родного порта. Правда, власти пытались скомпенсировать затраты длительных переходов созданием особого, приемо-транспортного и рефрижераторного флота «Севрыбхолодфлот», суда которого занимались не самим ловом рыбы, а ее перевозкой от траулеров в порт, а также доставкой на траулеры топлива и продовольствия.

Немалые вложения государства в развитие рыбной промышленности привело к специализации рыбодобывающего флота (так, для лова сельди создается специализированный флот «Мурмансельдь») и к расширению рыбообрабатывающей базы (Мурманский рыбокомбинат становится одним из самых крупных в мире).

С другой стороны, развитие промышленности, военного комплекса, рост городов и поселков приводили к увеличению энергетических затрат, поэтому на протяжении после-

военного периода государство уделяет большое значение строительству на Мурмане электростанций. Причем, до середины 60-х гг. главная ставка делалась на гидроэнергетику. Однако, постигшая Мурманскую область в середине 60-х годов засуха и последовавшее за этим обмеление рек привело к срыву работы ГЭС. Начавшийся в крае энергетический кризис вскоре, правда, был преодолен, и ГЭС вновь заработали на полную мощность, но угроза безопасности страны заставила властей развивать в крае альтернативные источники энергии. Если проект приливной электростанции в Кислой губе оказался промышленно невостребованным, то строительство на Кольском Севере атомной электростанции к началу 70-х годов превратило Мурманскую область в энергоизбыточный регион.

Столь бурные преобразования в крае были бы невозможны без решения проблемы обеспеченности области трудовыми ресурсами. Если в первые послевоенные годы государство, наряду с материальным стимулированием, продолжало широко применять лагерный труд, то со смертью Сталина и разрушением сталинской системы лагерей и спецпоселков при Н. С. Хрущеве, принудительный труд практически исчезает. А вместе с началом реформ сокращаются и ресурсные возможности государства, вынужденного в 1960 году пойти на некоторое сокращение полярных надбавок. Данная мера, хотя и вызвала недовольство северян (особенно проявившееся во время визита Н. С. Хрущева в Мурманск в июле 1962 года), все же не привела к демографическому кризису на Севере. При сравнении с уровнем заработной платы в средней полосе России, северные заработки продолжали выродно отличаться. Более того, сменивший Н. С. Хрущева Л. И. Брежнев, посетивший Мурманск в самом начале своего правления (1967 г.), для укрепления своего авторитета, еще недостаточно высокого в силу туманных обстоятельств прихода к власти, пошел на некоторое расширение северных льгот.

Тем самым, существовавшая система материального стимулирования северян позволяла не только сохранить довоенную численность населения, но и значительно ее превзойти. Максимум был достигнут к началу 90-х годов, когда в Мурманской области проживало почти 1 миллион 200 тысяч человек, в том числе в Мурманске — почти полмиллиона человек. Мурманск к тому времени стал самым крупным

городом за Полярным кругом и на Севере России. Благодаря государственной поддержке на Кольском Севере быстро растут и другие города и поселки городского типа, по удельной доле городского населения Мурманская область становится одним из самых урбанизированных регионов в СССР. Потребность государства в Мурманске, как центре рыбной промышленности, проявилась сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Не случайно правительство включает Мурманск, почти полностью разрушенный вражеской авиацией, в число 15 городов РСФСР, подлежавших первоочередному восстановлению. Но особенно значительные средства выделяются государством на городское строительство в Заполярье в 60—80-е годы.

В то же время быстрый рост населения в Мурманской области обострял проблему его снабжения продовольствием. Если до 70-х годов у власти существовали определенные сомнения в необходимости развития заполярного сельского хозяйства, то впоследствии государство решается на серьезные финансовые вливания в эту сферу по всей территории Нечерноземья, включая и Мурманскую область. Эти средства позволили построить в крае многочисленные сельхозобъекты (птицефабрики, тепличный комбинат, комбинат хлебопродуктов и т. д.) и снабжать население своим мясом, молоком, овощами.

Государство, заинтересованное в формировании на Севере оседлого населения, и после войны продолжало щедро финансировать социальную сферу. На Кольском Севере открываются новые учебные заведения (в том числе два высших), учреждения культуры и здравоохранения.

Необходимость в поиске новых видов сырья и открытии новых способов его переработки стимулировала процесс развития сети научных учреждений. Академия Наук СССР создает в Мурманской области свой филиал, превращенный впоследствии в научный центр.

Все это, в конечном итоге, способствовало зарождению на Кольском Севере своей интеллигенции, пробуждению общественной жизни края. В свою очередь общественность, сродняясь с Кольской землей, начинает осознавать свою ответственность за ее будущее и невольно оказывать давление на государство. Особенно это стало заметным с либерализацией всей политической жизни в период перестройки второй половины 1980-х гг., когда наиболее остро

проявилась общественная критика власти из-за возникших здесь экологических проблем.

Гонка вооружений тоже не могла быть бесконечной, и проблема недостатка ресурсов на ее проведение заставляла противоборствующие стороны искать компромиссы, что приводило к разрядкам. В значительной степени этому способствовало заявление пришедшего к власти после смерти Сталина Н. С. Хрущева о возможности мирного сосуществования «социалистических» и «капиталистических» стран. Поскольку Кольский полуостров оказывался удобным местом для складывания различных форм приграничного сотрудничества, центральные власти во второй половине 60-х гг. делегируют местным властям на Мурман определенные полномочия по его налаживанию. Именно тогда СССР включается в международное движение Северный Калотт, выступавшее под лозунгом — «За мир и безопасность на Севере Европы». В движении принимали участие население северных провинций Скандинавских стран и Финляндии. В его рамках организовывались фестивали, происходил обмен делегациями.

Такое приграничное сотрудничество безусловно ломало стену отчуждения, возведенную холодной войной. Окончательно же порушила ее внешнеполитическая деятельность М. С. Горбачева во второй половине 80-х годов. И не случайно, что именно во время своего визита в Мурманск в октябре 1987 года он произнес свои знаменитые «мурманские инициативы», сводившиеся к созданию на Севере Европы безъядерной зоны и активизации здесь международного сотрудничества (вплоть до открытия в перспективе для иностранцев Северного морского пути). Тем самым в новых условиях Север России постепенно терял военную привлекательность для власти, что ставило под сомнение будущее благополучие региона, рожденного войной.

3.2. Время перемен: Кольский край после распада СССР (1991 г. — ...)

Произошедший в начале 90-х гг. распад СССР двойственно отразился на развитии Кольского края.

С одной стороны, в условиях, когда многие крупные порты Черного и Балтийского морей отошли к государствам «ближнего зарубежья», для России заметно выросла роль Мурманского торгового порта, грузооборот которого растет.

Портовую деятельность стимулировало и изменение внешнеполитической конъюнктуры. Ведь с крахом советской идеологии ушла в прошлое холодная война, что позволило России активизировать свои связи с Западом, которые, впрочем, складываются порой все равно противоречиво. Однако в рамках приграничного сотрудничества на Севере Европы происходят в основном позитивные изменения: так, исчезновение жесткого советского централизма позволило на смену движению «народной дипломатии» Северный Калотт прийти политическому межрегиональному объединению «Баренцев Евро-Арктический регион» (БЕАР). Если Калотт был направлен прежде всего на совместные культурные проекты, то сфера Баренцева сотрудничества заметно расширилась: это не только культура, но и социально-экономическое направление.

С другой стороны, развитию тех же международных проектов препятствует бедность российской экономики в целом, усугубившаяся распадом СССР. Желая оживить последнюю, в начале 90-х гг. власть взяла курс на разгосударствление экономики, и в результате проведенной приватизации почти все промышленные гиганты Кольского Севера, как и по стране в целом, оказались у частных лиц и акционерных обществ. Отныне не само природное сырье (рыба, полезные ископаемые и т. д.), а рыночная система объявляется главным источником ресурсов государства. Но эффективность ее работы оставляет пока желать лучшего. С конца 80-х годов экономику Мурманской области настигло падение производства. Рвались старые экономические связи с бывшими союзными республиками СССР, бесконечно дробились рыболовные флота и другие предприятия, началась безработица.

Причины этого коренятся не только в закономерностях рынка, пришедшего на смену командно-административной системе, но и в хаотичности проведенной приватизации, в результате чего в руководство предприятий попадали не всегда порядочные люди, для которых главным принципом стало личное обогащение любой ценой. Свое негативное воздействие на формирование рынка в Заполярье оказывала и суровая природа. При этом принцип компенсации подобных издержек, допустимый в командно-административной экономике, отрицается в рыночной. Поэтому в правительстве то и дело раздается предложение о ликвидации полярных над-

бавок, что фактически предполагает перевод Кольского Севера на вахтовый метод работы. Власти вынуждены даже выделять средства на отселение северян в более южные районы страны. Тем самым подрывается северная идеология, разработанная еще большевиками. Этот процесс поддерживается и снизу: поскольку зарплаты на Севере, даже с учетом северных надбавок, сегодня не выше (а кое-где и ниже) того, что зарабатывают жители средней полосы, многие северяне уезжают сами. В результате за годы реформ население Мурманской области сократилось более чем на 250 тысяч человек. Сокращение же населения создает угрозу не только появлением проблемы рабочих рук, но и потерей областью своего административного статуса. Так, архангелогородцы, которые также пытаются как-то выжить, уже посягают на мурманские ресурсы своим предложением восстановить что-то похожее на Архангельскую губернию путем объединения Мурманской и Архангельской областей.[23]

В 90-е гг. оказалось почти полностью разрушенным сельское хозяйство края, на развитие которого СССР выделял большие средства.

Но особенно в Мурманской области пострадала промышленность, работавшая на оборонный комплекс. В 90-е годы власти фактически отказались от медно-никелевых комбинатов в Печенгском районе и Мончегорске, Ловозерского и Оленегорского ГОКов, приватизацией поставив их на грань закрытия. Передав ресурсы самому обществу, государство, пока не получив ожидаемого эффекта от этого, оказалось неспособным содержать и развивать оборонку в соответствии с современными потребностями.

Серьезные проблемы поэтому возникли у Северного флота. Его военные корабли стареют, в основном не ремонтируются и не обновляются, что приводит к повышению их аварийности. В августе 2000 года всю страну потрясла гибель атомной подлодки «Курск». Многие военнослужащие, уволенные в силу сокращения вооруженных сил в запас, выйдя на гражданку, оказываются без работы. В запустении оказываются еще действующие военные гарнизоны.

---

[23] Правда, государство пока что игнорирует подобные предложения. Даже более того, стабилизация отношений с государством, наступившая после краха советской идеологии, позволила Церкви раздробить старинную Архангельскую епархию, из которой в 1995 году выделилась Мурманская.

Это особенно печально потому, что свои будущие перспективы Кольский край связывает с освоением нефтяных и газовых месторождений на шельфе Баренцева моря, на часть из которых претендует Норвегия. На фоне этой постепенно разворачивающейся борьбы уже отчетливо просматривается связь норвежских претензий с общим ослаблением России как военной державы.

Причем, современная российская власть прекрасно осознает необходимость сохранения на Севере боеспособных вооруженных сил и эффективной системы управления ими. Поэтому, в частности, для охраны северного побережья России ею было организовано Арктическое региональное управление Федеральной пограничной службы со штабом в Мурманске. Населенные пункты при военно-морских базах, размещенные на территории Мурманской области, преобразованы в закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО) с прямым финансированием из федерального бюджета. Но несмотря на эти позитивные реформы, для реализации крупных проектов, связанных в первую очередь с военно-техническими преобразованиями на Северном флоте, у власти явно не хватает средств. Как не хватает средств и для стабилизации социально-экономической обстановки в крае.

Все вышесказанное на самом деле не означает, что Мурманская область не старается включиться в рынок и наладить свою жизнь. Напротив даже, ныне возрождается медно-никелевое и железорудное производство, прекрасно заработал апатито-нефелиновый комплекс в Хибинах. Но степень риска даже таких позитивных изменений оказывается весьма высокой.

Пока неизвестно, как разрешится этот небывалый в истории эксперимент по интеграции заполярного осколка рухнувшей Советской державы в рыночную систему.

* * *

Ориентация России на Запад берет начало еще в древнерусский период, о чем свидетельствуют, в частности, оживленные контакты Новгорода со странами Западной Европы, имевшие место даже в таком отдаленном районе, как Лапландия. Эти контакты унаследовало Московское государство, окончательно добившееся включения Кольского полу-

острова в состав своих владений. Но интерес Русского государства к Крайнему Северу на этом этапе еще не был вполне осознанным («то место убогое»): он питался инерцией происходившего тогда процесса создания единой русской государственности и западно-европейскими интригами.

Поэтому совершенно естественно, что успехи России на западном (Балтийское море) и южном (Черное море) направлениях в XVIII—XIX веках подтвердили безразличие центра к геополитическим возможностям Севера.

И лишь нехватка геополитического ресурса, выявившаяся в начале Первой мировой войны с закрытием противником основных выходов России через Балтийское и Черное моря, вынуждает российское правительство подкорректировать старую военную доктрину, включив в нее северное стратегическое направление, для чего спешно прокладывается железная дорога к незамерзающим бухтам Мурмана.

Большевистская революция приносит особую идеологию в отношении Севера, обосновывающую жизнь человека в экстремальных условиях необходимостью построения социализма. Добыча открытых на Севере природных ресурсов, нужных большевикам в борьбе со странами капитализма, начинает рассматриваться как стратегическая задача. Однако военные возможности Севера долгое время недооценивались. Северное направление рассматривалось как второстепенное, тактическое по отношению к традиционным выходам на Балтике и Черном море. Вторая мировая война выявила несовершенство такого подхода: северный коридор вновь компенсировал закрытие западного и южного выходов. Очевидно, что и на этот раз Север усиливается в большей степени вынужденно, вследствие слабости России на традиционных путях.

И только изобретение в послевоенные годы атомного оружия неограниченного радиуса действия полностью ломает старую военную доктрину «европейских направлений». В результате Северный и Тихоокеанский флоты, куда поступает атомное оружие, начинают заметно превосходить по военно-политическому значению Балтийский и Черноморский, где атомное оружие было запрещено иметь международным правом. Северный флот к 1970-м годам становится самым мощным военно-морским флотом СССР. К тому времени дает заметные результаты и северная идеология большеви-

ков: Мурманская область превращается в крупный индустриальный регион с населением более 1 млн. человек, что не имеет прецедентов для территорий Заполярья. Большевистская индустриализация имела столь глубокие последствия, что фактически привела к стиранию естественной грани между севером и югом: промышленные гиганты, масштабное городское строительство, развитая социальная инфраструктура — все это сегодня есть и на Севере.

Однако распад СССР больно ударил по Северу. И это неудивительно, ведь современный военно-индустриальный Север был создан потребностями государства, которого больше нет. И благополучие северных территорий, как это не парадоксально, зависит от того, насколько новая российская стратегия будет соответствовать советской.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОРИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СТАТУСА КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

1251[1]—1397 гг.	— норвежско-новгородский округ[2]
1397—1478 гг.	— датско-новгородский округ
1478—начало XVII в.	— датско-московский округ[3]
XVII в.—1708 г.	— Кольский уезд (с прямым подчинением русскому правительству)
1708—1858 гг.	— Кольский уезд Архангельской губернии[4]
1858—1883 гг.	— 4-й и 5-й станы Кемского уезда Архангельской губернии
1883—1899 гг.	— Кольский уезд Архангельской губернии[5]
1899—1918 гг.	— Александровский уезд Архангельской губернии[6]
апрель—август 1918 г.	— Мурманский край[7]
август 1918—1920 гг.	— Мурманский край (район, губерния) Северной области[8]

[1] Датировка по И. П. Шаскольскому.

[2] Округ представлял собой территорию, где обеими сторонами собиралась дань с саамов. Вплоть до XVII века в состав округа, кроме Кольского полуострова, входил Финмарк.

[3] После учреждения должности Кольского воеводы (1582 г.), территория Кольского Севера именуется в русских источниках «Кольской волостью» или «Кольскими волостями».

[4] В 1784 г. к Кольскому уезду была присоединена территория Терского берега, входившая ранее в Двинской уезд. Тогда же из состава Кольского уезда была исключена территория северной Карелии, вошедшая в состав Кемского уезда Архангельской губернии.

[5] В состав Кольского уезда не вошел район Кандалакши, оставшийся в Кемском уезде.

[6] Территория Александровского уезда совпадала с территорией Кольского уезда 1883—1899 гг.

[7] Учреждение Мурманского края произошло самочинно, местными властями, которые, опираясь на вооруженные силы Антанты, в июне 1918 г. разорвали отношения с Советским правительством.

[8] Антибольшевистская Северная область с центром в Архангельске представляла собой автономное от остальной территории России образование. В состав Мурманского края, вошедшего в Северную область, были включены Александровский и Кемский уезды, а впоследствии и северная часть Олонецкой губернии.

1920—1921 гг.	— Мурманский уезд Архангельской губернии[9]
1921—1927 гг.	— Мурманская губерния
1927—1938 гг.	— Мурманский округ Ленинградской области
С 1938 г.	— Мурманская область[10]

[9] После упразднения Северной области, Мурманского края и утверждения Советской власти Архангельская губерния была восстановлена. Александровский уезд переименовывался в Мурманский уезд, однако его территория сокращалась вследствие присоединения района Печенги к Финляндии.

[10] В состав Мурманской области в 1938 г. вошел район Кандалакши, а в 1944—1945 гг. — район Печенги.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Сборники документов и материалов

Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: Сборник документов и материалов. — Мурманск, 1960.

Киселев А. А. За годом год... История Мурманской области в документах, воспоминаниях, комментариях. — Мурманск, 1999.

Мурманская область в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. — Мурманск, 1978.

Развитие рыбной промышленности Мурманской области (1917—1985 гг.): Сборник документов и материалов. В 2-х т. — Мурманск, 1986—1991.

Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. — Л., 1930.

Ушаков И. Ф. Хрестоматия по истории Кольского Севера. — Мурманск, 1997.

Летописи

Новгородская первая летопись. — М.-Л., 1950

Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийская летопись. — СПб., 1853.

Соловецкий летописец второй половины XVI века // Исторический архив. Вып. VII. — М., 1951.

Титов А. А. Летопись Двинская. — М., 1889.

Сочинения иностранцев

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. Ю. В. Готье. — М., 1937.

Герберштейн С. Записки о Московии. — СПб., 1866.

Ламартиньер П. М. де. Путешествие в северные страны. — М., 1911.

Перссон Я. О Лаппамарке и Триннесе // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 5 (публикация Г. Ф. Гебеля).

Путешествия Отера // Тиандер К. Ф. Поездки скандинавов в Белое море. — СПб., 1906.

Регистр жалоб против дворянства в Финляндии 1556 года (сообщение Ноусиа) // История географических знаний и открытий на Севере Европы. — Л. 1973 (публикация И. П. Шаскольского).

Салинген С. ван. О земле Лопии // Литературный вестник. 1901. Т. 1. Кн. 3 (публикация А. М. Филиппова).

Флетчер Д. О государстве Русском. — СПб., 1911.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. — Л., 1925.

Документы государственной власти и управления

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.-Л., 1949.

Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. — СПб., 1998.

Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I—II. — Пг., 1922—1929.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — СПб.

Декреты Советской власти. Т. 1—13. — М., 1957—1989.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. — М., 1921—1932.

Собрание постановлений правительства РСФСР. — М., 1959—1992.

Собрание постановлений Правительства СССР. — М., 1923—1991.

Ведомости Верховного Совета РСФСР. — М., 1958—1990.

Свод законов РСФСР. Т. 1—9. — М., 1983—1989.

Ведомости Верховного Совета СССР. — М., 1938—1989.

Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — М., 1990—1992.

Собрание законодательства РФ. — М., 1994—...

Собрание узаконений и распоряжений Верховного Управления и Временного Правительства Северной Области. — Архангельск, 1918—1919.

Бюллетень Мурманского областного Совета депутатов трудящихся. — Мурманск, 1940—?

Ведомости Мурманской областной думы. — Мурманск, 2000—...

Сборник законов Мурманской области. — Мурманск, 2001—...

Произведения государственных деятелей о Кольском Севере

Витте С. Ю. Из истории вопроса об устройстве военного порта на Мурмане // Прошлое и настоящее. Вып. I. — Л., 1924.

Ленин и Север: Сборник документов и материалов. — Архангельск, 1969.

Киров С. М. На путях социалистического строительства. — Л., 1929.

Киров С. М. Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКП(б). — Л., 1934.

Куйбышев В. В. Всем строителям Хибинского комбината, всем исследователям Кольского полуострова // Журнал прикладной химии. 1931. Т. IV. № 6.

Сталин И. В. (О форсировании развития Хибинской апатитовой промышленности) // 15 лет освобождения Мурмана от интервентов и белогвардейцев. — Мурманск, 1935.

Микоян А. И. Из доклада на II сессии ЦИК СССР VII созыва // За рыбную индустрию Севера. 1936. № 2.

Кириленко А. П. Орден Ленина — на знамени Мурманской области // Полярная правда. 1966. 21 мая.

Андропов Ю. В. Награда Родины зовет к новым свершениям: Речь на торжественном заседании Мурманского горкома КПСС и городского Совета депутатов трудящихся // Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. — М., 1979.

Устинов Д. Ф. Награда Родины вдохновляет: Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Мурманску ордена Отечественной войны I степени // Полярная правда. 1983. 11 марта.

Горбачев М. С. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» // Главное теперь — практическое осуществление задач перестройки. — М., 1987.

Мельников А. Г. В единстве с народом: Речь члена Политбюро, секретаря ЦК Компартии РСФСР на XXV обла-

стной партконференции // Полярная правда. 1990. 10 октября.

Ельцин Б. Н. Россия обязательно возродится: Речь на собрании перед жителями Мурманска во Дворце культуры и техники им. Кирова // Рыбный Мурман. 1991. 31 мая.

Путин В. В. Стенограмма встречи президента России с родственниками экипажа подводной лодки «Курск» в пос. Видяево Мурманской области // Атомная подлодка «Курск»: хроника гибели. — М., 2000.

Дипломатические документы

Бутков П. Г. Три древние договора руссов с норвежцами и шведами около 1000, в 1323, 1326 гг. // Журнал Министерства внутренних дел. — 1837. — Ч. XXIII.

Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. — 1945. — № 14.

Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. Т. XVI. — СПб., 1897.

Щербачев Ю. Н. Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене // Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1893. Кн. 1 (164). Отд. 1.

Документы внешней политики СССР. Т. 1—22. М., 1957—1992.

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. В 2-х т. — М., 1986—1989.

Советско-норвежские отношения, 1917—1955. — М., 1997.

Материалы учета и статистики

1) материалы учета XVI—XVII вв.

Писцовые книги Русского Севера. Вып. 1. — М., 2001.

Книга писцовая письма и дозора Алая Ивановича Михалкова и подьячего Василия Мартемьянова Кольского острога и уезда, 1608—1611 гг. // Харузин Н. Русские лопари. — М., 1890.

Торговая книга 1575—1610 гг. // Временник имп. Общества истории и древностей Российских. — М., 1850. Кн. 8. Раздел II. № 3.

Приходо-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. — М., 1983.

Роспись лопарским погостам 1623—1624 гг. // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. — Л., 1930.

2) описания Архангельской губернии и Колы XVIII — начала XX веков

Архангельская губерния по Статистическому описанию 1775 года. — Архангельск, 1916.

Озерецковский Н. Я. Примечание на Кольский острог // Труды Вольного Экономического общества. Ч. XXIV. — СПб., 1773.

Озерецковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. — СПб., 1804.

Пошман А. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении... составленном в 1802 году. Т. 1—2. — Архангельск, 1866—1873.

Молчанов К. Описание Архангельской губернии. — СПб., 1813.

Рейнеке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. — СПб., 1830.

Пушкарев И. Описание Российской империи. Т. I. Кн. 2-я. Архангельская губерния. — СПб., 1845.

Верещагин В. Очерки Архангельской губернии. — СПб., 1849.

Отчеты Архангельского губернского статистического комитета. — Архангельск, 1865—1915.

3) промысловые описания

Данилевский Н. Я. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях // Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VII. — СПб., 1862.

Кушелев В. Л. Мурман и его промысла. — СПб., 1885.

Подгаецкий Л. И. Мурманский берег, его природа, промыслы и значение // Известия Русского Географического общества. Т. XXVI. — СПб., 1890.

Гулевич В. Р. Русская Лапландия и ее промыслы — Архангельск, 1891.

Макшеев Н. Н. Терский берег, его население и промыслы // Нива. 1892. № 5.

Максимов Н. В. Мурманский берег, его обитатели и промыслы // Русская мысль. 1893. Кн. 1, 3, 4.

Книпович Н. М. Положение морских рыбных и звериных промыслов Архангельской губернии. — СПб., 1895.

Слезкинский А. Г. Мурман. — СПб., 1897.

Сиденснер А. К. Описание Мурманского побережья. — СПб., 1909.

Брейтфус Л. Л. Рыбный промысел русских поморов в Северном Ледовитом океане; его прошлое и настоящее // Материалы к познанию русского рыболовства. Т. 2. Вып. 1. — СПб., 1913.

Якобсон Р. П. Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уездов Архангельской губернии // Материалы к познанию русского рыболовства. Т. 3. Вып. 2. — СПб., 1914.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. 1—3. — СПб., 1902—1904 (первый том имеет два выпуска).

Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: Материалы статистико-экономического исследования 1921—1922 гг. — М., 1926.

Алымов В. Мурманский кустарный тресковый промысел в 1925 г. — Мурманск, 1926.

Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года. — М., 1929.

4) урбостатистика (XX век)

Мурманский округ: Статистико-экономическое описание. — Мурманск, 1929.

Мурман от VI к VII съезду Советов СССР (1931—1934 гг.). Материалы к отчету Мурманского окрисполкома IV окружному съезду Советов. — Мурманск, 1934.

Народное хозяйство Мурманской области за 1934—39 гг. — Мурманск, 1939.

Народное хозяйство Мурманской области. — Мурманск, 1957.

Народное хозяйство Мурманской области за 50 лет Советской власти. — Мурманск, 1967.

Народное хозяйство Мурманской области за 60 лет со дня образования СССР. — Мурманск, 1982.

Народное хозяйство РСФСР в ... году. — М., 1959—1990.

Периодическая печать

1) Журналы и периодические издания журнального типа

Архангельские епархиальные ведомости (АЕВ). Архангельск, 1888—1919.

Архангельские епархиальные известия (АЕИ). Архангельск, 1885—1888.

Блокнот агитатора: Орган отдела пропаганды и агитации Мурманского обкома КПСС. Мурманск, 1948—1959.

Вестник «Баренц-центра» МГПУ: Научно-популярный и методический журнал для преподавателей и студентов. Мурманск, 1999—...

Вестник Карело-Мурманского края: Орган Совнаркома Карельской АССР и Правления Мурманской железной дороги. Ленинград, 1924—1926.

Вестник Мурмана: Орган Мурманской железной дороги и Карэкосо. Петроград, 1923—1924.

Вестник Мурманской железной дороги: Орган правления Мурманской железной дороги. Петроград, 1923.

Екатерининская гавань: Провинциальный журнал-альманах. Полярный, 1991—...

Живая Арктика: Историко-краеведческий, экологический информационный альманах. Апатиты, 1999—...

За рыбную индустрию Севера: Орган треста «Мурманрыба» и ПИНРО. Ленинград, 1933—1936. Мурманск, 1936—1937.

Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (ИАОИРС). Архангельск, 1909—1919.

Карело-Мурманский край: Краеведческий, общественно-экономический иллюстрированный журнал. Ленинград, 1926—1935.

Красный Мурман: Журнал хозяйственно-бытовой жизни Дальнего Севера. Петроград, 1921.

Мурманский берег: Альманах. Мурманск, 1993—...

Наука и бизнес на Мурмане: Научно-практический журнал. Мурманск, 1996—...

Наука и образование: Вестник Мурманского отделения Академии педагогических и социальных наук. Мурманск, 2000—...

Площадь первоучителей: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. Мурманск, 2000—...

Политика. Экономика. Финансы: Мурманский региональный проект издательства «Экономика». Мурманск, 1998—2000.

Промышленно-экономический бюллетень: Орган Бюро технической информации Мурманского совнархоза. Мурманск, начало 1960-х гг.

Север: Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Петрозаводск, 1940—...

Ученые записки Мурманского государственного педагогического института (университета). Мурманск, 1957—...

2) официальные региональные газеты

Архангельские губернские ведомости (АГВ). Архангельск, 1838—1918.

Вестник Верховного управления Северной области. Архангельск, 1918.

Вестник Временного правительства Северной области. Архангельск, 1918—1920.

Вестник Мурманского губисполкома и горсовета. Мурманск, 1926—1927.

Вечерний Мурманск: Орган администрации и Совета депутатов г. Мурманска. Мурманск, 1991—...

Известия Мурманского губернского военно-революционного комитета. Мурманск, 1922.

Известия Мурманского краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. Мурманск, 1918.

Известия Мурманского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Мурманск, 1917, 1920.

Комсомолец Заполярья: Орган Мурманского обкома и горкома ВЛКСМ. Мурманск, 1939—1941, 1957—1991.

Мурманский вестник: Орган Временного правительства Северной области. Мурманск, 1918—1920.

Мурманский вестник: Орган областной администрации (областного правительства) и Мурманской областной Думы. Мурманск, 1993—...

Полярная правда: Орган Советов и КПСС. Мурманск, 1921—1991.

Северная правда: Орган Мурманского уездного Совета и уездкома РКП(б). Мурманск, 1920—1921.

Советский Мурман: Орган областного Совета депутатов. Мурманск, 1991—1993.

3) неофициальные региональные газеты

Архангельск. Архангельск, 1907—1917.

Возрождение Севера: Областная общесоциалистическая газета. Архангельск, 1918—1920.

Голос Севера. Архангельск, 1906—1907.

Кольский маяк: Общественно-политическая газета Мурманской областной организации КПРФ. Мурманск, 1995—...

Комсомолец Заполярья. Мурманск, 1991—...

Котлован: Издание Хибинского отделения общества «Мемориал». Апатиты, 1989—...

Мурман: Политическая и промысловая газета. Варде (Норвегия), 1907—1909.

Мурманская губерния: Областная независимая газета. Мурманск, 1997.

Мурманская открытая газета: Яблоко. Мурманск, 1997—...

Полярная правда. Мурманск, 1991—...

Православная газета: Издание Мурманской и Мончегорской православной епархии Московского патриархата. Мурманск, 2001—...

Северное утро. Архангельск, 1911—1920.

Северный листок. Архангельск, 1905—1907.

Славянский ход: Газета общественно-политического движения «Возрождение Мурмана и Отечества». Мурманск, 1997—...

4) военные газеты

Боевая вахта: Газета 7-й воздушной армии. 1942—1945.
В бой за Родину: Газета Карельского фронта. 1941—1944.
Краснофлотец: Газета Северного флота. 1937—1947.
На страже Заполярья: Газета Северного флота. 1947—...
Североморский летчик: Газета ВВС Северного флота, 1943—1946.
Сталинский боец: Газета 19-й армии. 1942—1945.
Часовой Севера: Красноармейская газета 14-й Армии. 1939—1945.

5) районные и городские газеты

Хибиногорский рабочий. Хибиногорск, 1930—1934.
Кировский рабочий. Кировск, Апатиты, 1934—...
Дважды два. Апатиты, 1991—...

—»—

Кандалакшский коммунист. Кандалакша, 1931—1991.
Кандалакшская газета. Кандалакша, 1991—1992.
Кандалакша. Кандалакша, 1997—...
Нива. Кандалакша, 1990—...

—»—

В бой за рыбу. Териберка, 1932—1939.
Териберский колхозник. Териберка, 1939—1959.
Полярный коллективист. Полярный, 1930-е гг.
Североморская правда. Североморск, 1972—1993.
Североморские вести. Североморск, 1993—...

—»—

Беломорская волна. Умба, 1932—1939.
Большевистская трибуна. Умба, 1939—1952.
Терский коммунист. Умба, 1952—1991.
Терский берег. Умба, 1991—...

—»—

Заполярный труд. Кола, 1933—1992.
Кольское слово. Кола, 1992—...

Ловозерская правда. Ловозеро, 1935—...

—»—

В бой за никель. Мончегорск, 1936—1938.

Северный металлург. Мончегорск, 1939—1950.

Мончегорский рабочий. Мончегорск, 1950—...

Заполярная руда. Оленегорск, 1957—...

—»—

Советская Печенга. Никель, 1946—1992.

Печенга. Никель, 1993—...

—»—

Знамя пятилетки. Ковдор, 1981—1990.

Ковдорчанин. Ковдор, 1990—

6) газеты учреждений, организаций и предприятий

Тралфлот: Издание Мурманского тралового флота. Мурманск, 1934—1936.

За социалистическое изобилие: Издание треста «Мурманрыба». Мурманск, 1936—1940.

На стахановской вахте: Издание треста «Мурманрыба». Мурманск, 1940—1941.

За высокие уловы: Издание Мурманского тралового флота. Мурманск, 1947—1953.

Рыбный Мурман: Издание треста «Мурманрыба». Мурманск, 1939—1940.

Рыбный Мурман: Издание флота «Мурмансельдь». Мурманск, 1951—1953.

Рыбный Мурман: Газета рыбаков Северного бассейна. Мурманск, 1953—2000.

Рыбная столица. Мурманск, 1999—...

Мурманский портовик: Издание Мурманского торгового порта. Мурманск, 1932—1939?

Звезда Заполярья: Издание Мурманского политотдела Севморпути. Мурманск, 1935—1941.

Моряк Заполярья: Издание Мурманского морского пароходства. Мурманск, 1940—1953.

Арктическая звезда: Издание Мурманского морского пароходства. Мурманск, 1953—...

Кировский строитель: Издание треста «Апатитстрой». 1960-е гг.

На стройке: Издание треста «Мурманскжилстрой». Мурманск, 1932—1988.

Строитель: Издание управления треста «Кировсктрансстрой». 1960-е гг.

Мурманский строитель: Издание объединения «Мурманскстрой». Мурманск, 1989—1991.

Заполярная перековка: Издание управления строительства Нижнетуломской ГЭС. Мурмаши, 1930-е гг.

Гидростроитель Заполярья: Издание управления «Севгидрострой». 1966—1986.

Мирный атом: Издание Кольской АЭС. Полярные Зори, 1972—1990.

Рудный Ковдор: Издание Ковдорского ГОКа. Ковдор, 1963—...

Металлург Заполярья: Издание комбината «Североникель». Мончегорск, 1982—1990.

Кировец: Издание комбината «Апатит». 1960-е гг.

Хибинский вестник: Издание комбината «Апатит». Апатиты, 1989—...

Наука Заполярья: Издание Кольского научного центра АН СССР. Апатиты, 1969—...

Шельф Арктики: Издание производственного объединения «Арктикморнефтегазразведка». Мурманск, 1990—1991.

Рыбацкая смена: Издание Мурманского высшего инженерного морского училища. Мурманск, 1983—1996.

Университетский курьер: Издание Мурманского государственного технического университета. Мурманск, 1999—...

Планета МГПУ: Издание Мурманского государственного педагогического университета. Мурманск, 2002—...

Публицистика

Сидоров М. К. Север России. — СПб., 1870.

Гулевич В. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношениях. — Архангельск, 1883.

Кушелев В. Л. Мурман и его промысла. — СПб., 1885.

Маноцков В. И. Очерки жизни на Крайнем Севере. Мурман. — Архангельск, 1897.

Слезкинский А. Г. Мурман. — СПб., 1897.

Шавров Н. А. Колонизация, ее современное положение и меры для русского заселения Мурмана. — СПб., 1898.

Гебель Г. Ф. Наша северо-западная окраина — Лапландия // Русское судоходство. 1904. № 10—12; 1905. № 1—4, 6—8, 10—11.

Спаде К. Ю. Рыбные богатства Мурмана и траловый промысел в водах Русского Севера. — СПб., 1912.

Чиркин Г. Ф. Пути развития Мурмана. — Пг., 1922.

Чиркин Г. Ф. Советская Канада (Карело-Мурманский край). — Л., 1929.

Чиркин Г. Ф. Пробуждение Мурмана. — М.—Л., 1929.

Арнольдов А. Вторые Дарданеллы: Мурманский выход в Европу. — Пг., 1922.

Доброхотов К. В. Природные богатства Мурманской губернии и ее экономические задачи. — Мурманск, 1922.

Гайдар А. Рыбаки // Мурман — край российский. — М., 1985.

Зорич А. Советская Канада. Очерки. — М., 1931.

Горький А. М. На краю земли // Горький А. М. Полн. собр. соч. Т. 20. — М., 1974.

Толстой А. Н. Новый материк // Толстой А. Н. Публицистика. — М., 1975.

Паустовский К. Г. Мурманск // Паустовский К. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. — М., 1983.

Федин К. А. (Поездка на Север, к морю Баренца) // Федин К. А. О долге. — М., 1984.

Соколов-Микитов И. С. На пробужденной земле // Соколов-Микитов И. С. Собр. соч. Т. 3. — Л., 1986.

Катаев И. И. Ледяная Эллада // Катаев И. И. Хлеб и мысль. — Л., 1983.

Шагинян М. С. Мурманск // Шагинян М. С. Собр. соч. В 9 т. Т. 4. — М., 1973.

Бражнин И. Я. В Великой Отечественной... — М., 1971.

Симонов К. М. Мурманское направление. — Мурманск, 1972.

Эренбург И. Мурманск // Полярная правда. 1942. 11 ноября.

Никитин А. Л. Остановка в Чапоме. — М., 1990.

Вилов А. В. Место работы и мужества. — Мурманск, 1994.

Тайна гибели подлодки «Курск»: Хроника трагедии и лжи. 12—24 августа 2000 года. — М.: Комсомольская правда, 2000.

Атомная подлодка «Курск»: хроника гибели. — М., 2000.

Эссе

Дащинский С. Н. Заметки бывшего партаппаратчика. — Мурманск, 1994.

Кетлинская В. К. Вечер. Окна. Люди. — М., 1974.

Киселев А. А. Записки краеведа. — Мурманск, 2000.

Кононович Г. О. Законы моря. — Мурманск, 1996.

Маслов В. С. На костре моего греха // Север. 1992. № 4, 5.

Записки путешественников

Максимов С. В. Год на Севере. В 2-х ч. — СПб., 1859.

Немирович-Данченко В. И. Страна холода. — СПб., 1877.

Немирович-Данченко В. И. Лапландия и лапландцы. — СПб., 1877.

Суслов В. В. Путевые заметки о севере России и Норвегии. — СПб., 1888.

Случевский К. К. По Северо-Западу России. Т. I. — СПб., 1897.

В. Х. (Харузина В. Н.) На Севере. (Путевые воспоминания). — М., 1890.

Львов Е. Л. По Студеному морю. Поездка на Север. — М., 1895.

Энгельгардт А. П. Русский Север. Путевые записки. — СПб., 1897.

Энгельмейер А. К. По русскому и скандинавскому Северу. — М., 1902.

Обухова Л. А. Прекрасные страны: Путешествия в дневниках. — М., 1964.

Ильина Л. Л. Мурман. — СПб., 2000.

Мемуары (воспоминания) и дневники

Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. Ч. I. — СПб., 1828.

Макаров С. О. Ермак во льдах // С. О. Макаров и завоевание Арктики. — Л.—М., 1943.

Записки очевидца Д. А. Ануфриева о возобновлении Трифоно-Печенгского монастыря за время с 1890 по 1916 год. — Архангельск, 1916.

Витте С. Ю. О моей поездке на Мурманское побережье // Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. — М., 1960.

Григорович И. К. Воспоминания бывшего морского министра. Годы 1916-й и 1917-й // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 3.

Белый Север: Мемуары и документы 1918—1920 гг. Вып. I—II. — Архангельск, 1993.

Заброшенные в небытие: Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. — Архангельск, 1997.

Гефтер А. Воспоминания курьера // Архив русской революции. Т. 9—10. — М., 1991.

—»—

На траулерах в Баренцевом море. — Л.—М., 1946.

Беседы старых капитанов. — Мурманск, 1961.

Хибинские клады: Воспоминания ветеранов освоения Севера. — Л., 1972.

Спецпереселенцы в Хибинах. — Апатиты, 1997.

Годы застойные... Годы достойные! — Мурманск, 2000.

Как молоды мы были... — Мурманск, 2003.

Бородулин Г. М. Ничего, кроме правды. — Мурманск, 1994.

Васнецов В. А. Под звездным флагом «Персея» (воспоминания). — Л., 1974.

Егоров Г. М. Фарватерами флотской службы: Записки командующего флотом. — М., 1992.

Крепс Е. М. Мурманская биологическая станция // Крепс Е. М. О прожитом и пережитом. — М., 1989.

Леванов А. Ф. Пожнешь судьбу... — Мурманск, 1999.

Левин М. И. Что на сердце легло. — Душанбе, 1990.
Усенко Н. В. Океанский максимум. — М., 1980.
Ферсман А. Е. Наш апатит. — М., 1968.
Хрусталева А. С. Здесь мой причал. — Мурманск, 1988.
Чернавин В. Н. Флот в судьбе России. — М., 1993.

—»—

Через фиорды. — М., 1964.
Это было на Крайнем Севере. — Мурманск, 1965.
1200 дней и ночей Рыбачьего. — Мурманск, 1970.
Костры партизанские. — Мурманск, 1973.
На кандалакшском направлении. — Мурманск, 1975.
Подводной войны рядовые. — Мурманск, 1979.
В боях за Советское Заполярье. — Мурманск, 1982.
В боях — морская пехота. — Мурманск, 1982.
Барченко-Емельянов В. П. Фронтовые будни Рыбачьего. — Мурманск, 1984.
Бескоровайный А. И. По дорогам войны. — М., 1981.
Бородулин И. А. Мы разведка. 2-е изд. — Мурманск, 1970.
Вещезерский Г. А. У хладных скал. — М., 1965.
Виноградов Н. И. Подводный фронт. — М., 1989.
Вишневский А. А. Дневник хирурга: Великая Отечественная война. — М., 1967.
Владыкина Е. Д. Дружинницы, подруги мои! — Мурманск, 1965.
Воронин А. А. Мурманск в огне войны. — Мурманск, 1979.
Головко А. Г. Вместе с флотом. — М., 1979.
Дунаевский А. М. Дни и ночи Мурманска. — М., 1985.
Елисеев Г. В. Прифронтовая Кандалакша. — Мурманск, 1985.
Иванников А. К. На берегах Западной Лицы. — Мурманск, 1990.
Кабанов С. И. Поле боя — берег. — М., 1977.
Кисляков В. П. На сопках Заполярья. — Сыктывкар, 1968.
Козлов Г. К. В лесах Карелии. — М., 1963.

Колышкин И. А. В глубинах полярных морей. — М., 1964.

Курзенков С. Г. Под нами земля и море. — М., 1960.

Леонов В. Н. Лицом к лицу. — М., 1956.

Мерецков К. А. На службе народу. — М., 1983.

Минаков В. И. О вас, боевые друзья-северяне. — Мурманск, 1989.

Михайловский Н. Г. Этот долгий полярный день // Михайловский Н. Г. Мыс желания. — Мурманск, 1978.

Никольский А. К. Записки инженера военно-морской службы. — Мурманск, 1988.

Папанин И. Д. Лед и пламень. — М., 1977.

Платонов В. И. Записки адмирала. — М., 1991.

Подоплекин Д. А. Бой ведет «Полярник». — Архангельск, 1977.

Симонов К. М. Из «Записок молодого человека» // Симонов К. М. Мурманское направление. — Мурманск, 1972.

Синклинер А. А. На Вермане «бои местного значения». — Мурманск, 1981.

Смирнов А. С. Партизаны Заполярья. — Мурманск, 1977.

Соколов Б. Ф. На правом фланге фронта. — М., 1985.

Солдатов И. Д. Твои сыны, родина. — Мурманск, 1982.

Сорокин З. А. В небе Заполярья. — Мурманск, 1963.

Стариков В. Г. На грани жизни и смерти. — Ижевск, 1972.

Фисанович И. И. Записки подводника. — Б/м, 1944.

Фролов В. А. На защите северных рубежей // Незабываемое: Воспоминания о Великой Отечественной войне. — Петрозаводск, 1967.

Щедрин Г. И. На борту «С-56». — М., 1963.

Щербаков В. И. Заполярье — судьба моя. — Мурманск, 1994.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

В указатель в алфавитном порядке фамилий вошли практически все наиболее заметные, имеющие опубликованные труды исследователи истории Кольского Севера (более 170 персоналий), в том числе занимавшиеся Кольским Севером не намеренно, в рамках более широкой проблемы. В указатель также включены публикаторы документов по истории Кольского Севера, исследователи, работающие в смежных с историей сферах политологии, этнологии, фольклористики, архивоведения, культурологии, исторической библиографии. Специалисты-ученые обозначались термином «историк», остальные — «краевед». В библиографических ссылках на каждого автора указываются лишь наиболее важные сочинения по истории Кольского Севера. В указатель не включались авторы описаний Кольского Севера, мемуаристы, путешественники, бытописатели, публицисты, поскольку их сочинения принадлежат к числу исторических источников.[1]

Алпатов И. Д. Историк. Труды по истории апатитовой промышленности.
Соч.: Борьба ленинградских коммунистов за освоении Хибин и превращение их в крупнейший промышленный центр СССР: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — М., 1954.

Алымов Василий Кондратьевич. Краевед. Труды по истории саамов Кольского полуострова.
Соч.: Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 23. Кольский сборник. — Л., 1930; О былом единстве хозяйственного быта «гипорбореев» и южан // Карело-Мурманский край. — 1932. — № 3—4.

Андреев Александр Игнатьевич. Историк, источниковед. Исследование о русской колонизации Мурманского берега. Публикация документов социально-экономической истории Кольского Севера XVI—XVII веков. Труды по источниковедению.
Соч.: К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова // Дела и дни. — 1920. — № 1; О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 года // Русский исторический журнал. Пг., 1920. —

[1] Составленный нами указатель не является биографическим. Очень бы хотелось, чтобы он стал опорой для составления биографического справочника в будущем.

№ 6; Исторические материалы о Кольском полуострове монастырских архивов // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. — Л., 1930; Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся в Ленинграде // Там же.

Андрианов-Верхнев Меней Иванович. Историк. Труд по истории Военно-воздушных сил Северного флота в Великую Отечественную войну. Очерк истории народного образования Кольского полуострова.
Соч.: Партийная организация военно-воздушных сил Северного флота в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1964. (Рукопись автореферата хранится в ГАМО: Ф. Р-904. Оп. 1. Д. 2); Развитие народного образования в Мурманской области за годы Советской власти // Ученые записки Карельского гос. пединститута. Т. XXX. — Мурманск, 1967.

Арьева Е. К. Историк. Труд по истории строительства Мурманской железной дороги.
Соч.: История сооружения Мурманской (Кировской) железной дороги: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Петрозаводск, 1955.

Бадигин Константин Сергеевич. Полярник. Историк. Труды по истории арктического мореплавания поморов.
Соч.: Ледовые плавания русских поморов с XII по XVIII век: Автореферат дисс... канд. географ. наук. — М., 1953.

Балашов Дмитрий Михайлович. Фольклорист, писатель. Собиратель поморского фольклора.
Соч.: Сказки Терского берега Белого моря. — Л., 1970.

Бардилева Юлия Петровна. Историк. Труды по истории церкви на Кольском Севере.
Соч.: Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Мурманск, 2000.

Барышников Николай Иванович. Историк. Труды по истории Финляндии и российско-финляндских отношений, в том числе на Кольском Севере.
Соч.: Проблема Петсамо в советско-финляндских отношениях (1939—1944 гг.) // Война в Арктике. — Архангельск, 2001.

Безымяннов Алексей Данилович. Историк. Труды по истории КПСС, рыбной промышленности Северного бассейна,

Мурманского государственного технического университета.
Соч.: Партийное руководство социалистическим соревнованием на предприятиях рыбной промышленности Северного бассейна в годы семилетки: На материалах Мурманской, Архангельской областей и Карельской АССР. Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1969.

Белов Михаил Иванович. Историк. Труды по истории Северного морского пути.
Соч.: История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1, 3, 4. — М., 1956—1969.

Беляев Александр Борисович. Историк. Исследователь истории Второй мировой войны в Заполярье.
Соч.: Военно-экономическое сотрудничество СССР с США и Великобританией в годы Великой Отечественной войны (на материалах Мурманской области): Автореферат дис. — М., 1992.

Беляевский Ф. Краевед. Очерк по истории города Колы.
Соч.: Гор. Кола и его историческое значение // Вестник Карело-Мурманского края. — 1924. — № 2.

Береснев Николай Петрович. Краевед. Исследование по истории селения Княжая Губа.
Соч.: Княжая Губа. — Мурманск, 1987.

Беклин Валерий Эдмундович. Краевед; автор биографического очерка об основателе Лапландского заповедника Г. М. Крепсе. Издатель историко-краеведческого альманаха «Живая Арктика».
Соч.: Гражданин Лапландии. — М., 1985.

Буданов Федор Васильевич. Контр-адмирал, военно-морской историк. Исследование по истории тыла Северного флота.
Соч.: Тыл правого фланга. — Мурманск, 1976 (в соавторстве с Н. П. Дубровиным).

Булатов Владимир Николаевич. Историк. Труды по истории освоения Арктики и Русского Севера.
Соч.: КПСС — организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917—1980). — М., 1990; Русский Север. Кн. 1—5. — Архангельск, 1997—2001.

Бутков П. Г. Историк. Академик. Опубликовал первые древнерусские договоры с Норвегией, определившие правовой статус Лапландии.
Соч.: Три древние договора руссов с норвежцами и шведами около 1000, в 1323, 1326 гг. // Журнал Министерства внутренних дел. — 1837. — Ч. XXIII.

Быков П. Д. Военно-морской историк. Труд по истории военных действий на Северном русском морском театре в годы Первой мировой войны.
Соч.: Военные действия на Северном Русском морском театре в империалистическую войну 1914—1918 гг. — Л., 1939.

Вагинова Лидия Сергеевна. Культуролог, искусствовед. Труды по истории художественной культуры Кольского Севера.
Соч.: Регион как историко-культурная целостность (на материалах художественной культуры Мурманской области). — В 2-х ч. — Мурманск, 2003; Художественная культура Кольского Севера. — СПб., 2004.

Вайнбир Ефим Аркадьевич. Краевед, биограф. Очерки о деятелях рыбопромыслового флота.
Соч.: Всего одна жизнь. — Мурманск, 1976.

Вайнер Борис Абелевич. Военно-морской историк. Труд по истории Северного флота в период Великой Отечественной войны.
Соч.: Северный флот в Великой Отечественной войне. — Л., 1964.

Витков Захар Аронович. Археолог. Очерк первобытной истории Кольского полуострова
Соч.: Первобытные люди на Кольском полуострове. — Мурманск, 1960.

Волков Николай Николаевич. Историк, этнолог. Исследователь истории саамов.
Соч.: Российские саамы: Историко-этнографические очерки. СПб., 1996.

Гебель Герман Федорович. Историк. Автор концепции исторического развития Кольского полуострова.
Соч.: Наша северо-западная окраина — Лапландия // Русское судоходство. 1904. № 10—12; 1905. № 1—4, 6—8, 10—11; Наша Лапландия. — СПб., 1907.

Гемп Ксения Петровна. Архангельский краевед. Исследования по истории поморской культуры.
Соч.: Сказ о Беломорье. — Архангельск, 1983; Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. — Л., 1980.

Голдин Владислав Иванович. Историк. Труды по истории интервенции и антибольшевистского движения на Русском Севере. Публикация мемуаров участников антибольшевистского движения.

Соч.: Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. — М., 1993.

Головенков Михаил Васильевич. Краевед. Труды по истории авиации в Заполярье.
Соч.: Высокое небо. — Мурманск, 1986.

Головин Виктор Владимирович. Краевед. Исследования по истории таможни на Кольском Севере.
Соч.: Таможенное дело на Мурмане. — Мурманск, 1999.

Голубцов Николай Александрович. Архангельский краевед. Очерк по истории Колы.
Соч.: К истории города Колы Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1911. — № 1, 5.

Громыко М. М. Историк. Специалист по средневековой истории России.
Соч.: Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI веке // Средние века. Вып. XVII. — М., 1960.

Гудзенко В. К. Историк. Труд по истории коллективизации оленеводческих хозяйств на Кольском Севере.
Соч.: Социалистическая коллективизация сельского хозяйства в национальных районах Кольского полуострова: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1954.

Гурина Нина Николаевна. Историк, археолог. Исследователь первобытной истории Кольского Севера.
Соч.: История культуры древнего населения Кольского полуострова. — СПб., 1997.

Давыдов Руслан Александрович. Историк. Исследователь истории Русского Севера XIX — начала XX в.
Соч.: Мурман: Очерки истории края XIX — начала XX в. — Екатеринбург, 1999 (соавт.: Г. П. Попов).

Дащинский Станислав Наумович. Историк. Труды по истории Кольского Севера в XX веке. Составитель мурманской Книги памяти, Энциклопедии Кольского края. Исследователь периодической печати Заполярья периода Великой Отечественной войны.
Соч.: Советские партизаны в Финской Лапландии // Север. — 1995. — № 2. Дащинский Станислав Наумович: Биобиблиографический указатель. — Мурманск, 1998.

Двинин Евгений Александрович. Краевед. Труды по истории Кольского Севера.
Соч.: Край, в котором мы живем. — Мурманск, 1959.

Дергачев Н. Архангельский краевед. Автор первой обзорной работы по истории Кольского Севера.
Соч.: Подробное описание Лопской земли. Очерк I. История Лопской земли. — Б/м, б/г; Русская Лапландия. — Архангельск, 1877.

Державин В. Л. Историк, археолог. Исследователь истории международных связей на Кольском Севере (эпоха позднего средневековья).
Соч.: Русско-европейские связи на Кольском полуострове в XVI—XVII вв.: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — М., 2000.

Дмитриев Николай Александрович. Историк. Труды по истории КПСС, послевоенного развития Мурманской области.
Соч.: Мурманская область в послевоенные годы. — Мурманск, 1959.

Добров Вадим Васильевич. Статистик, демограф. Исследование истории формирования населения и использования рабочей силы на Кольском полуострове.
Соч.: Население Кольского Севера. — Мурманск, 1967.

Досифей (Немчинов). Архимандрит. Публикация документов из архива Соловецкого монастыря, в т. ч. о Кольском Севере.
Соч.: Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 3. 2-е изд. — М., 1853.

Дранишников Вячеслав Васильевич. Краевед. Педагог. Автор учебных пособий по истории Кольского Севера для начальных классов. Исследователь истории народного образования на Кольском Севере.
Соч.: История родного края. — Мурманск, 1993; Очерки истории народного образования Кольского края. — Мурманск, 2001 (соавт.: В. П. Манухин, Е. Ф. Дудакова).

Дюжилов Сергей Александрович. Историк. Труды по истории научных исследований на Кольском Севере.
Соч.: Развитие научных исследований на Кольском Севере, 1920—1941: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Петрозаводск, 2001.

Евтушенко Владимир Афанасьевич. Краевед. Исследователь северных лабиринтов.

Соч.: Северные каменные лабиринты — памятники орудий труда // Коренные народы Севера: Археологические и этнографические исследования. — Мурманск, 2002.

Егоров Константин Дмитриевич. Краевед. Очерк военной истории Кольского Севера.
Соч.: За Русский Север. — Мурманск, 1957.

Ефименко Александра Яковлевна. Историк. Труды по истории Русского Севера.
Соч.: Артели Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях России. Вып. I—II. — СПб., 1873—1874; Юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. 1878. Т. 8. Отд. 2.

Жданов Владимир Петрович. Краевед. Труд по истории Североморска.
Соч.: Североморск. — Мурманск, 1978 (соавт.: Л. Орловская).

Журавлев Павел Сергеевич. Историк. Труды по истории революции и Гражданской войны на Русском Севере.
Соч.: Регионализм и политическая децентрализация на Европейском Севере России в годы революции и Гражданской войны. 1917—1920: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Архангельск, 2002.

Журин Лев Васильевич. Краевед, поисковик. Автор ряда статей по истории Великой Отечественной войны в Заполярье.
Соч.: Мурманская наступательная операция 1942 года // 55 лет Победы в Заполярье (1944—1999). — Мурманск, 2000.

Зайцев Владимир Александрович. Краевед. Военно-исторический очерк о моряках-пограничниках Заполярья.
Соч.: Дозорные северных рубежей. — Мурманск, 1979 (соавт.: А. А. Храмцов).

Залесский Н. А. Историк. Труд по истории Флотилии Северного Ледовитого океана в Гражданскую войну.
Соч.: Флот Русского Севера в годы первой мировой и Гражданской войн // Летопись Севера. Вып. VI. — М., 1972.

Йентофт Мартин. Норвежский писатель, краевед. Исследователь истории кольских норвежцев.
Соч.: Оставшиеся без родины: История кольских норвежцев. — Мурманск, 2002.

Исаенко М. Г. Историк. Исследовательница истории профессионально-технического образования Мурманской области.
Соч.: Профессионально-техническая школа Мурманской области в переходный период, 1985—1990 гг.: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Самара, 2001.

Каарап А. Архангельский краевед. Исследователь истории российско-норвежских отношений.
Соч.: К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 11.

Калинин И. М. Историк. Исследователь истории торговли XVII века на Мурмане.
Соч.: Торговые сношения лопарей с русскими в первой половине XVII века // Известия Государственного Русского Географического общества. Т. 61. Вып. 1. — Л., 1929.

Карамзин Николай Михайлович. Выдающийся российский историк. В своем труде «История государства Российского» дал описание международной ситуации, сложившейся в районе Кольского полуострова в XVI веке в связи с территориальными притязаниями северных стран.
Соч.: История государства Российского (любое издание).

Кедров Михаил Сергеевич. Большевик, чекист. Участник Гражданской войны на Севере. Создал первый исторический труд о Гражданской войне на Мурмане.
Соч.: Без большевистского руководства. (Из истории интервенции на Мурмане) — Л., 1930.

Кизеветтер Александр Александрович. Известный российский историк. Исторический очерк о Русском Севере.
Соч.: Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. — Вологда, 1919.

Киселев Алексей Алексеевич. Историк. Автор многочисленных трудов и учебных пособий по истории Кольского Севера в XX веке.
Соч.: Родное Заполярье. — Мурманск, 1974; Мурман в дни революции Гражданской войны. — Мурманск, 1977 (соавт.: Ю. Н. Климов); Записки краеведа — Мурманск, 2000; Как жили и сражались мурманчане в войну: менталитет северян в 1941—1945 годах. — Мурманск, 2002; Киселев Алексей Алексеевич: Биобиблиографический указатель. — Мурманск, 1996.

Киселева Татьяна Алексеевна. Историк. Труды по истории саамов.
Соч.: Советские саамы: история, экономика, культура. — Мурманск, 1979 (соавт.: А. А. Киселев); Некоторые проблемы национальной политики на Мурмане в 20—30-е годы (на примере кольских саамов) // Актуальные вопросы истории России конца XIX—XX веков. — Мурманск, 1996.

Клеткина Галина Семеновна. Историк. Исследователь истории народного образования на Кольском Севере.
Соч.: Партийная организация Мурманской области в борьбе за развитие народного просвещения (1917—1941 гг.): Автореферат дисс... канд. ист. наук. — М., 1953.

Климов Юрий Николаевич. Историк. Труды по истории политического и социально-экономического развития Кольского Севера в период революции, Гражданской войны и НЭПа.
Соч.: Осуществление новой экономической политики на Кольском полуострове в 1921—1925 гг.; Разгром группы «новой оппозиции» в Мурманской губернской организации ВКП(б) // Ученые записки Карельского гос. пединститута. Т. XXX. — Мурманск, 1967; Мурман в дни революции и Гражданской войны. — Мурманск, 1977 (соавт.: А. А. Киселев).

Козлов Иван Александрович. Военно-морской историк. Труды по истории Северного флота.
Соч.: Северный флот. — М., 1966 (соавт.: В. С. Шломин).

Козмин Кир. Архангельский краевед. Статьи по истории русской колонизации Русского Севера.
Соч.: Варангерское море и его история. — Архангельск, 1914.

Коновалов В. А. Историк. Очерк по истории Мурманской областной организации КПСС в годы Великой Отечественной войны.
Соч.: Мурманская партийная организация в период обороны Заполярья (июнь 1941 г. — октябрь 1944 г.) // Вопросы истории КПСС. — 1966. — № 6.

Конюшанец А. Краевед. Исследование истории Трифоно-Печенгского монастыря.
Соч.: Святая обитель на вершине России. — Печенга, 2002.

Кораблев Н. А. Историк. Исследователь истории мурманских рыбных промыслов.

Соч.: Покрут на мурманских рыбных промыслах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск, 1974.

Корнатовский Николай Арсеньевич. Историк. Труды по истории Гражданской войны на Севере России.
Соч.: Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане // Красная летопись. — 1930. — № 3 (36).

Корольков Николай Федорович. Историк. Труды по истории Трифоно-Печенгского монастыря.
Соч.: Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. — СПб., 1908.

Косточкин В. В. Историк. Исследование фортификации Колы.
Соч.: Деревянный «город» Колы (Из истории русского оборонного зодчества конца XVI — начала XVIII в.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. — М., 1958.

Кошечкин Борис Иванович. Географ. Краевед. Труды по истории освоения и научного изучения Кольского Севера.
Соч.: Тундра хранит след. — Мурманск, 1979; Музей-архив истории изучения и освоения Севера. — Мурманск, 1980; Имена на скале. — Л., 1981.

Красавцев Лев Борисович. Историк. Труды по истории морского транспорта на Европейском Севере России.
Соч.: Морской транспорт Европейского Севера России (1918—1985): проблемы развития и модернизации. — Архангельск, 2003.

Кривенко Алевтина Васильевна. Краевед. Исследователь военно-морской истории Заполярья (период Великой Отечественной войны).
Соч.: В бой вели комиссары. — Мурманск, 1983.

Криничная Неонила Артемовна. Фольклорист. Собиратель народной исторической прозы Русского Севера.
Соч.: Предания Русского Севера. — СПб., 1991.

Кропотов Иван Михайлович. Историк. Труды по истории Мурманской областной организации КПСС в годы Великой Отечественной войны.
Соч.: Военно-организаторская работа Мурманской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны. — Мурманск, 1958.

Крячков Александр Леонидович. Краевед. Военно-исторический очерк о боевых действиях на Кандалакшском направлении в годы Великой Отечественной войны.
Соч.: В кандалакшских лесах. — Кандалакша, 1991.

Кузнецов Вячеслав Данилович. Краевед, архивист. Исследователь истории Мурмана в XX веке. Описание областного фильмофонда.
Соч.: Неизвестный Мурман. — Мурманск, 2001; Фильмофонд Мурманской области и возможности его использования // Архивы и историческое краеведение. — Мурманск, 2003.

Кузьмин Георгий Гаврилович. Краевед. Исследователь истории Кандалакши.
Соч.: Кандалакша. — Мурманск, 1968 (соавт.: Е. Ф. Разин).

Кунцевич Г. З. Историк-краевед. Исследование по истории обороны Колы 1854 г.
Соч.: О защите города Колы от неприятеля в 1854 году. — М., 1906.

Ларинцев Роман Иванович. Архангельский краевед, поисковик. Исследователь истории авиации Заполярья в годы Великой Отечественной войны.
Соч.: Люфтваффе под Полярной звездой: Потери ВВС Германии на Крайнем Севере. — Архангельск, 1996 (соавт.: М. Н. Супрун).

Лобанов Валентин Александрович. Краевед. Очерк истории мурманской милиции.
Соч.: Щит трудящихся. — Мурманск, 1980.

Лукин Юрий Федорович. Историк. Труды по истории Мурманской областной организации КПСС.
Соч.: Деятельность КПСС по развитию социально-политической активности рабочего класса в 70-е годы (по материалам Архангельской и Мурманской областей): Автореферат дисс... канд. ист. наук (1984).

Лукичев Ю. С. Краевед. Исследователь истории Мончегорска.
Соч.: Город в красивой тундре. — Мурманск, 1993.

Лукьянченко Татьяна Васильевна. Историк, этнолог. Исследователь истории культуры саамов.
Соч.: Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX—XX вв. — М., 1971.

Львов Лев Иванович. Историк. Труды по истории Мурманской организации КПСС.
Соч.: Некоторые вопросы партийного руководства промышленностью Мурманской области. (Ноябрь 1961 г. — 1963 г.) // Ученые записки Мурманского гос. пединститута. Т. 8. — Мурманск, 1965.

Мавродин Владимир Васильевич. Видный российский историк. Труды по истории арктического мореплавания поморов.
Соч.: Русские полярные мореходы. — М.—Л., 1954.

Макарова Елена Ивановна. Историк, архивист. Труды по источниковедению и архивоведению Кольского Севера.
Соч.: Научный архив Кольского научного центра Российской академии наук как источниковая база по истории региона // Архивы и историческое краеведение. — Мурманск, 2003.

Маноцков В. И. Архангельский краевед и публицист. Очерк истории мурманских рыбных промыслов.
Соч.: Очерки жизни на Крайнем Севере. Мурман. — Архангельск, 1897.

Менюшков Владимир Николаевич. Историк. Труды по истории Мурманской областной организации КПСС.
Соч.: Деятельность КПСС по совершенствованию партийно-политической информации в условиях развитого социализма (1966—1970 гг.): На материалах Ленинградской и Мурманской областных партийных организаций: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1982.

Миколюк Оксана Вячеславовна. Историк. Исследование истории сталинских репрессий на Мурмане.
Соч.: Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Мурманск, 2003.

Минкин Александр Алексеевич. Краевед. Исследователь топонимики Мурмана.
Соч.: Топонимы Мурмана. — Мурманск, 1976.

Мирошниченко Петр Анисимович. Писатель-документалист. Автор книги о подводниках Северного флота в годы Великой Отечественной войны.
Соч.: Подводные рейды. — Мурманск, 1984.

Миславский И. С. Историк. Работы по истории Русского Севера.
Соч.: Оборона Северного русского Поморья от англо-французских захватчиков в период Крымской войны // Вопросы истории. 1958. № 6; Кола // Север. — 1977. — № 1.

Митрофан (Баданин). Иероманах. Труды по истории Православной Церкви на Кольском Севере.
Соч.: Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей: Ист. материалы к прославлению и написанию жития. — Мурманск, 2002; Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. — Мурманск, 2003.

Михеев Михаил Кузьмич. Историк. Исследователь истории органов народного контроля на Кольском полуострове.
Соч.: Народные контролеры в восьмой пятилетке. — Мурманск, 1972.

Мошкин Алексадр Степанович. Краевед. Очерк истории Кольского Севера. Публикация документов периода революции и Гражданской войны.
Соч.: Мурманская область. (Краткий исторический очерк) // Мурманская область. Развитие экономики и культуры. — Мурманск, 1956; Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: Сборник документов и материалов / Ред. А. С. Мошкин. — Мурманск, 1960.

Мужиков Василий Георгиевич. Краевед. Исследователь топонимики Мурмана.
Соч.: Географический словарь Мурманской области. — Мурманск, 1996; Топонимика и история края // Север. 1975. № 3.

Неруш Галина Ивановна. Историк. Труды по истории Мурманской организации КПСС.
Соч.: Деятельность Мурманской партийной организации по дальнейшему развитию культуры в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.): Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1979.

Неруш Игорь Александрович. Историк архитектуры. Труды по истории строительства и формирования городов на Кольском Севере.
Соч.: Города Кольского Севера. — Мурманск, 1978; Город-герой Мурманск. — М., 1988.

Нильсен Йенс Петтер. Норвежский историк. Исследователь норвежско-российских отношений.
Соч.: Мурман и Финмарк — одного ли поля ягоды? // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире. — М. — Архангельск, 2001.

Орешета Михаил Григорьевич. Краевед, поисковик. Автор книг о Великой Отечественной войне в Заполярье, истории освоения Кольского Севера.
Соч.: Гвоздики на скалах. — Мурманск, 1989; Осиротевшие берега. — Мурманск, 1998; О чем молчат скалы. — Мурманск, 1998.

Островский Дмитрий Николаевич. Русский дипломат. Исследования истории саамов и Печенгского монастыря.
Соч.: Лопари и их предания // Известия Русского географического общества. Т. XXV. — СПб., 1889; Печенгский монастырь в русской Лапландии. — СПб., 1888.

Палехин Валерий Иванович. Историк. Исследование истории рыбной промышленности Северного бассейна.
Соч.: Деятельность КПСС по развитию рыбной промышленности Северного бассейна в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.): На материалах Мурманской и Архангельской областных организаций КПСС: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1986.

Пантелеев Иван Максимович. Историк. Труды по истории Мурманской организации КПСС.
Соч.: Партийное руководство движением за коммунистический труд на промышленных предприятиях Кольского полуострова в 1959—1965 годах: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1972.

Пация Евгения Яковлевна. Краевед. Собиратель саамского фольклора.
Соч.: Саамские сказки. — Мурманск, 1980.

Пинегин Николай Васильевич. Публицист. Очерк истории Кольского Севера.
Соч.: Неведомая страна // Советское Заполярье: Литературно-художественный сборник к 20-летию освобождения Мурманского края от интервентов и белогвардейцев. — Л., 1941.

Платонов Сергей Федорович. Выдающийся российский историк. Академик. Труды по истории колонизации Русского Севера, в том числе Мурмана.
Соч.: Новгородская колонизация Севера. — Пг., 1922; Начало русских поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. — Петрозаводск, 1923; Прошлое Русского Севера. Очерк по истории колонизации Поморья. — Пг., 1923; Проблемы русского Севера в новейшей историографии. — Л., 1929.

Попов Геннадий Павлович. Архангельский краевед. Труды по истории Русского Севера.
Соч.: Губернаторы Русского Севера. — Архангельск, 2001; Морское судоходство на Русском Севере в XIX — начале XX в. — Екатеринбург—Архангельск, 2003 (соавт.: Р. А. Давыдов).

Попов Сергей Владимирович. Гидрограф. Исследователь топонимики.
Соч.: Названия студеных берегов. — Мурманск, 1996.

Порцель Александр Константинович. Историк. Исследователь российско-норвежских отношений в контексте истории Кольского полуострова.
Соч.: Экономическое развитие Кольского полуострова в свете российско-норвежских отношений (1900—1940 гг.): Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Мурманск, 2000.

Прибыльский Юрий Пантелеймонович. Историк, Исследователь истории экономического развития северной части СССР в период Великой Отечественной войны.
Соч.: Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — Томск, 1986.

Пятовский Вениамин Петрович. Историк. Труды по истории Европейского Севера.
Соч.: Некоторые вопросы исторического прошлого Кольского полуострова // Ученые записки Мурманского гос. пединститута. Т. 2. Вып. 2. — Мурманск, 1958; Социалистическое преобразование Кольского полуострова в годы второй пятилетки: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1964; Осуществление программы развития производительных сил Европейского Севера СССР (1917—1941 гг.): Автореферат дисс... д-ра ист. наук. — Л., 1974; Преображенный Север. — Мурманск, 1974.

Рабинович М. Д. Историк. Исследование стрелецких волнений в Коле конца XVII века.
Соч.: Стрельцы в первой четверти XVIII века // Исторические записки. Т. 58. — М., 1956.

Разин Ефим Федотович. Краевед. Исследователь истории Кандалакши.
Соч.: Кандалакша. — Мурманск, 1991; Кандалакша: азбука истории. — Апатиты, 2001.

Рапопорт Юрий Михайлович. Историк. Труды по истории новой экономической политики на Европейском Севере России.
Соч.: Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР. 1917—1925 гг. — Л., 1984.

Романов Борис Степанович. Писатель. Краевед. Труд по истории Мурманского морского торгового порта.
Соч.: Причалы мужества. — Мурманск, 1977.

Романов Леонид Михайлович. Историк. Исследователь истории Великой Отечественной войны в Заполярье, сталинских репрессий на Кольском Севере.
Соч.: Мурманская областная партийная организация в период перестройки народного хозяйства в 1941—1942 гг. — Мурманск, 1973; Взаимоотношения между партийными организациями и органами НКВД Кольского полуострова в конце 30-х — начале 40-х годов // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск, 1994.

Руденко Сергей Григорьевич. Краевед, архивист, источниковед. Ответственный составитель путеводителей по фондам Государственного архива Мурманской области.
Соч.: Государственный архив Мурманской области и его филиал в городе Кировске / Отв. сост. С. Г. Руденко. В 2-х т. — Мурманск, 2001; Архивохранилище новейшей политической истории Государственного архива Мурманской области / Отв. сост. С. Г. Руденко. — М., 2002; Карточная система в годы Великой Отечественной войны: от введения до отмены // Архивы и историческое краеведение. — Мурманск, 2003.

Румянцев Николай Михайлович. Военный историк. Труд по истории Великой Отечественной войны в Заполярье.
Соч.: Разгром врага в Заполярье (1941—1944 гг.). — М., 1963.

Рябков А. Н. Историк. Публикация мурманских документов периода Великой Отечественной войны.
Соч.: Мурманская область в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов / Сост. А. Н. Рябков. — Мурманск, 1978.

Садиков П. А. Историк, Исследователь опричнины Ивана Грозного. Изучил историю карательного похода Б. Леонтьева 1568 г. на Терский берег.

Соч.: Очерки по истории опричнины. — М., 1950.

Сидоров В. И. Военный историк. Один из первых исследователей истории хода Великой Отечественной войны в Заполярье.
Соч.: Разгром немцев на Севере. — Госполитиздат, 1945.

Скворцов Ф. Краевед. Труд по истории революции, Гражданской войны и социалистического строительства на Мурмане.
Соч.: Мурман в борьбе и стройке. — Мурманск, 1930.

Смирнов Алексей Борисович. Историк. Исследование по истории транспортной портовой инфраструктуры Европейского Севера России в годы Первой мировой войны.
Соч.: Морские порты Архангельской губернии в политике Российского государства в годы Первой мировой войны: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Архангельск, 2003.

Смирнов Сергей Андреевич. Историк. Труды по истории Великой Отечественной войны в Заполярье.
Соч.: Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. — Мурманск, 1959.

Соколов Д. В. Военно-морской историк. Очерк об участии Северного флота в Великой Отечественной войне.
Соч.: Североморцы в боях за освобождение Заполярья. — М., 1955.

Соколовский М. К. Историк. Публикация текста доклада министра финансов С. Ю. Витте императору Александру III «Из истории вопроса об устройстве военного порта на Мурмане».
Соч.: Либава или Мурман? Из архива графа С. Ю. Витте // Прошлое и настоящее. Вып. I. — Л., 1924.

Соловьев П. В. Историк. Исследователь истории строительства апатитовой промышленности.
Соч.: Освоение Хибин и создание апатитовой промышленности в СССР // Вопросы истории. — 1958. — № 2.

Сорокажердьев Владимир Васильевич. Краевед. Очерки по военно-морской истории Заполярья, об исследователях Кольского полуострова.
Соч.: Не вернулись из боя. — Мурманск, 1991; Тайну хранило море. — Мурманск, 1996; Исследователи Кольского полуострова: Библиографический указатель. — Мурманск, 1979.

Сорокин В. В. Историк. Исследователь истории экономического развития Кольского полуострова.
Соч.: К вопросу о создании советского тралового флота на Мурмане (1920—1927 гг.) // Ученые записки МГПИ. Т. 5. — Мурманск, 1964; Значение советско-норвежских торговых переговоров 1920—1921 гг. для развития мурманских рыбных промыслов // Там же; К истории разработки постановления СТО об освоении Карело-Мурманского края // История СССР. 1970. № 4.

Столяренко Михаил Андреевич. Историк. Труды по истории российского флота в период первой мировой войны и революции, в том числе на Севере России.
Соч.: Моряки в огне революции. — Л., 1960.

Стрельников М. А. Автор периодизации истории православия на Кольском Севере с позиций церковно-исторической школы.
Соч.: (Предисловие) // Преподобный Трифон Печенгский. — Мурманск, 1997.

Супрун Михаил Николаевич. Историк. Исследователь истории полярных конвоев периода Второй мировой войны.
Соч.: Ленд-лиз и северные конвои, 1941—1945 гг. — М., 1997.

Сухарев Михаил Иванович. Историк. Труды по истории социально-экономического развития Европейского Севера России в период 1940—50-х гг. (в том числе Кольского Севера), истории Мурманского морского рыбного порта.
Соч.: Север индустриальный. — Мурманск, 1979; Европейский Север России (1946—1961 годы). — Мурманск, 1997; Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны. — Мурманск, 2003.

Сыченкова Елена Владимировна. Историк, политолог. Труды по истории международного сотрудничества на Севере Европы.
Соч.: Европейский Север России: реалии и перспективы международного сотрудничества. — Мурманск, 1999.

Тарасов Василий Васильевич. Историк. Труды по истории революции, Гражданской войны и интервенции на Европейском Севере России.
Соч.: Борьба с интервентами на Мурмане в 1918—1920 гг. — Л., 1948.

Тарле Евгений Викторович. Выдающийся российский историк. Академик. Дал историческое описание обороны Колы в период Крымской войны.
Соч.: Крымская война. Т. 1—2. — М.—Л., 1950.

Терентиев Георгий Кириллович. Священнослужитель. Один из первых историков-краеведов Мурмана.
Соч.: О русской колонии в Лапландском крае // Архангельские губернские ведомости. — 1873. — № 1—3; Начало и развитие рыбных промыслов на Российском Мурманском береге // Архангельские губернские ведомости. — 1876. — № 28—29.

Терещенко Владимир Николаевич. Историк. Труды по истории Мурманской организации КПСС.
Соч.: Партийное руководство техническим прогрессом в промышленности (1959—1965 гг.): На материалах Мурманской и Архангельской областных организаций КПСС: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1982.

Тиандер К. Ф. Историк. Исследователь истории русско-скандинавских связей. Опубликовал на русском языке первое письменное упоминание о Кольском Севере — сообщение Отера о терфинах (IX век).
Соч.: Поездки скандинавов в Белое море. — СПб., 1906.

Тищенко А. В. Историк. Исследование по истории русской колонизации Мурманского берега.
Соч.: К истории Колы и Печенги в XVI веке // Журнал Министерства народного просвещения, новая серия. Ч. XLVI. — 1913. — № 7—8; А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем. — Пг., 1916.

Трофимов Петр Михайлович. Историк. Труды по истории экономического развития Европейского Севера России до 1917 года.
Соч.: Очерки экономического развития Европейского Севера России. — М., 1961.

Ульянов Николай Иванович. Историк, источниковед. Исследование по истории социально-экономических отношений на Мурмане в XVII веке. Публикация документов социально-экономической истории Кольского полуострова XVI—XVII вв.
Соч.: Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII веке // Исторический сборник. — 1934. — № 1; Исторические материалы о Кольском полуострове, хранящиеся

в Московском древлехранилище // Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. — Л., 1930.

Ушаков Иван Федорович. Историк. Автор многочисленных трудов и учебных пособий по досоветской истории, источниковедению и историографии Кольского Севера.
Соч.: Избранные произведения: Историко-краеведческие исследования. Т. 1—3. — Мурманск, 1997—1998; Историческое краеведение. — Мурманск, 1974; История Кольского Севера с древнейших времен до 1917 года: Автореферат дисс... д-ра ист. наук. — Л., 1978. Ушаков Иван Федорович: Биобиблиографический указатель. — Мурманск, 1996.

Федорова Елена Витальевна. Краевед, архивист. Автор ряда статей по истории и источниковедению Кольского Севера.
Соч.: Документы Госархива Мурманской области как источник изучения истории Великой Отечественной войны в Заполярье // 55 лет Победы в Заполярье (1944—1999). — Мурманск, 2000; Архивная служба Мурманской области: ретроспектива // Наука и бизнес на Мурмане. 2002. № 2; Деятельность Мурманской истпарткомиссии // Архивы и историческое краеведение: Материалы научно-практической конференции 3 декабря 2002 г. — Мурманск, 2003.

Федорова Лидия Ивановна. Историк. Труды по истории Мурманской организации КПСС.
Соч.: Деятельность КПСС по интернациональному воспитанию трудящихся в годы восьмой пятилетки (1966—1970 гг.): На материалах Мурманской области и Карельской АССР: Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1981.

Ферсман Александр Евгеньевич. Выдающийся ученый-геохимик. Академик. Первооткрыватель месторождений полезных ископаемых на Кольском Севере. Популяризатор истории Кольского Севера. Благодаря книге А. Е. Ферсмана «История одной тропы», выпущенной Детгизом тиражом 90 тысяч экземпляров, с историей Кольского полуострова познакомились школьники всей страны.
Соч.: История одной тропы. (Из истории Кольского полуострова). — Л., 1959.

Филиппов А. М. Источниковед. Опубликовал записки голландского купца Симона Ван Салингена «О земле Лопии» (XVI век).
Соч.: Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. Т. 1. Кн. 3. — СПб., 1901.

Фокеев К. В. Историк. Исследование о действиях русского флота на Севере в годы Первой мировой войны.
Соч.: Действия русской Флотилии Северного Ледовитого океана (1914—1917) // Флот в первой мировой войне. Т. 1. — М., 1964.

Форстен Г. Историк. Исследователь международных отношений на Севере Европы. Изучал историю «лапландского спора».
Соч.: Сношения Дании с Россией в царствование Христиана IV // Журнал Министерства народного просвещения, апрель 1892. Ч. 280. Отд. 2.

Фрийс Йенс Андреас. Норвежский историк, писатель. Исследование истории Печенгского монастыря.
Соч.: Печенгский монастырь в русской Лапландии // Вестник Европы. Т. IV. Кн. 7—8. — СПб., 1885.

Хабаров Владимир Анатольевич. Краевед. Исследование истории Мурманской железной дороги.
Соч.: Магистраль. — Мурманск, 1986.

Харузин Николай Николаевич. Историк, этнограф. Труд по истории саамов. Опубликовал писцовую книгу 1608—1611 гг. по Кольскому Северу.
Соч.: Русские лопари. — М., 1890.

Хропов Иван Николаевич. Краевед. Статьи по истории революции и Гражданской войны на Мурмане.
Соч.: За Советский Мурман. (К истории интервенции на Севере) // Карело-Мурманский край. — 1929. — № 4—5.

Циркунов Игорь Борисович. Краевед. Исследования социально-экономического развития Кольского Севера. Издатель краеведческого журнала «Наука и бизнес на Мурмане».
Соч.: Порья Губа: опыт историко-социологических исследований // Наука и бизнес на Мурмане. — 1998. — № 6.

Чариолуский Владимир Владимирович. Историк, этнограф. Исследователь истории саамов.
Соч.: В краю летучего камня. Записки этнографа. — М., 1972.

Черняков Захар Ефимович. Этнограф, историк. Исследователь истории саамов.
Соч.: Очерки этнографии саамов. — Рованиеми, 1998.

Чесноков Игорь Николаевич. Краевед. Исследователь истории Мурманского морского пароходства.
Соч.: От Арктики до Антарктики. — Мурманск, 1979.

Чулков Николай Осиевич. Архангельский краевед. Труд по истории установления российско-норвежской границы.
Соч.: К истории разграничения России с Норвегией в 1825—1826 годах. — Архангельск, 1901.

Чушенков Валерий Геннадьевич. Краевед. Музейный деятель. Автор ряда статей по военно-морской истории Заполярья.
Соч.: История гвардейских частей и соединений Краснознаменного Северного флота // Наука и бизнес на Мурмане. — 1998. — № 2.

Шаскольский Игорь Павлович. Видный российский историк, источниковед. Труды по средневековой истории Скандинавии и Кольского полуострова.
Соч.: Посольство Александра Невского в Норвегию // Вопросы истории. — 1945. — № 1; Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. — 1945. — № 14; О первоначальном названии Кольского полуострова // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 84. Вып. 2. — Л., 1952; О возникновении города Колы // Исторические записки. Т. 71. — М., 1962; Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX—XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России; Финляндский источник по географии северной России и Финляндии середины XVI в. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. — Л., 1973.

Шашков Виктор Яковлевич. Историк. Исследователь истории раскулачивания крестьянства в СССР. Автор монографий о вкладе спецпереселенцев в экономическое развитие Европейского Севера.
Соч.: Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. — Мурманск, 2000.

Шейнкер Вениамин Наумович. Литературовед, краевед, библиограф. Автор ряда историко-литературоведческих работ о Кольском Севере.
Соч.: Опыт кольской библиографии. (Аннотированный указатель литературы на русском языке по истории Кольского полуострова до 1917 года) // Ученые записки Мурманского гос. пединститута. Т. V. Вып. 2. — Мурманск, 1960; А. М. Горький и Заполярье. — Мурманск, 1961; Кольский край в художественной литературе. — Мурманск, 1962.

Шемардини В. И. Историк медицины. Статьи по истории здравоохранения на Кольском полуострове.

Соч.: Материалы о развитии здравоохранения на Кольском полуострове // Здравоохранение Российской Федерации. 1969. № 5; Из истории здравоохранения на Кольском полуострове (1797—1917) // Советское здравоохранение. 1971. № 9.

Шломин Владимир Семенович. Военно-морской историк. Труды по истории Северного флота.
Соч.: Северный флот. — М., 1966 (соавт.: И. А. Козлов).

Шмидт А. В. Археолог. Исследователь первобытного могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе.
Соч.: Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник: Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. — Л., 1930.

Шрадер Татьяна Алексеевна. Историк. Исследователь истории русско-норвежских торговых связей на Русском Севере.
Соч.: Торговые связи Русского Поморья с Северной Норвегией (конец XVIII — начало XIX веков): Автореферат дисс... канд. ист. наук. — Л., 1985.

Шувалов Александр Яковлевич. Краевед. Автор книг об истории «Севрыбхолодфлота» и Полярной дивизии.
Соч.: Холодфлотовцы. — Мурманск, 1990; Полярная дивизия. — Мурманск, 1986 (соавт.: Н. И. Шапкин).

Шумилов Михаил Ильич. Историк. Труды по истории революции 1917 года на Европейском Севере России.
Соч.: Октябрьская революция на Севере России. — Петрозаводск, 1973.

Шумкин Владимир Яковлевич. Археолог. Труды по первобытной истории Кольского Севера.
Соч.: Наскальные изображения реки Умбы — новый уникальный петроглифический комплекс Северной Европы // Наука и бизнес на Мурмане. — 2001. — № 4.

Щеколдин Константин Прокопьевич. Священнослужитель. Один из первых краеведов Мурмана. Собиратель саамского фольклора.
Соч.: Лопарские сказки, легенды и сказания // Живая старина. — 1890. — Вып. 1—2.

Щербачев Юрий Николаевич. Русский дипломат. Источниковед. Опубликовал документальные материалы о русско-датских отношениях в XIV—XVII вв., в том числе касающиеся «лапландского спора».

Соч.: Датский архив // Чтения в имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1893. Кн. 1 (164). Отд. 1; Русские акты Копенгагенского Государственного архива // Русская историческая библиотека. Т. XVI. — СПб., 1897.

Щуров Геннадий Степанович. Историк. Труды по истории Мурманской организации КПСС.
Соч.: Деятельность КПСС в области эстетического воспитания трудящихся (1959—1967 гг.): По материалам Архангельской и Мурманской областей: Автореферат дисс. канд. ист. наук. — М., 1969.

Яковенко Николай Григорьевич. Краевед. Исследователь истории Терского района.
Соч.: Терский берег. — Мурманск, 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. А. Киселев. Об авторе этой книги 3

Увидеть очертания другой истории России... (от автора) 6

РАЗДЕЛ 1. ТЕХНОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ 10

Глава 1. Проблемы методологии исторического регионоведения 11

Глава 2. Организационно-исследовательский потенциал исторического регионоведения (Кольский Север) 27

Глава 3. Источники исторического регионоведения (Кольский Север) 46

Глава 4. Изучение региональной истории как процесс (Кольский Север) 99

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ РЕГИОНА (КОЛЬСКИЙ КРАЙ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА) 142

Глава 1. Дальний Север: Кольский край становится окраиной России 145

Глава 2. Приближение Севера: становление северного стратегического направления 164

Глава 3. Рывок на Север: «атомная революция» и крах старой доктрины «европейских направлений» 186

ПРИЛОЖЕНИЯ 196

История административного статуса Кольского Севера 198

Опубликованные источники по истории Кольского Севера 200

Исследователи истории Кольского Севера (указатель) 218

ФЕДОРОВ
ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ В ПОИСКАХ ДРУГОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

(на материалах Кольского полуострова)

183720, г. Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15,
МГПУ, научный отдел

Отпечатано в Типографии «Заполярный труд». Город Кола, пр. Миронова-10, тел. 2-28-46. Заказ 2696, тираж 200. 2004 г.

55-00